И 285/328

ЭБ

ФОНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ СССР ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ЯВЛЯЮТСЯ ЦЕННЕЙШИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ ДОСТОЯНИЕМ СОВЕТСКОГО НАРОДА — БЕРЕГИТЕ ИХ!

*

Не делайте никаких пометок и не подчеркивайте текст. Не перегибайте книгу в корешке, не загибайте углы листов.

*

Внимательно просматривайте книгу при получении. Сообщите о замеченных дефектах библиотекарю немедленно.

*

Не выносите книги и журналы из читального зала в буфет, курительную комнату и другие места общего пользования.

*

Книги, полученные по междубиблиотечному абонементу, могут быть использованы только в читальном зале.

*

Возвращайте книги в установленные сроки.

*

В случае инфекционного заболевания в квартире абонент обязан сообщить об этом в Библиотеку.

*

Лица, виновные в злостной порче и хищении книг, отвечают по суду в соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 14 сентября 1934 года «Об ответственности за сохранность книжных фондов».

427.3.53
~~148-5-94~~
155
185
425-2-54.
И 285/328

ПЕРВОЕ ТРЕХЛѢТІЕ

ИНСТИТУТА

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.

МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА

1873–1876.

Гр. Л. А. Камаровскаго.

БИБЛІОТЕКИ ГЛАВНАГО ШТАБА

МОСКВА.
Въ Типографіи Индриха, на Срѣтенкѣ, д. Карлони.
1877.

62/24

2007059658

И 285/328

Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина
743704

ПЕРВОЕ ТРЕХЛѢТІЕ ИНСТИТУТА
МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА
1873—1876.

Осенью 1876 года истекло первое трехлѣтіе Института Международнаго Права. Характеръ и дѣятельность этого учрежденія даже за этотъ краткій періодъ таковы, что заслуживаютъ вниманія каждаго серіознаго человѣка, любящаго слѣдить за успѣхами науки. По этому полагаемъ что и рускимъ читателямъ будетъ не безъинтересно, хотя въ сжатомъ очеркѣ познакомиться съ этимъ Институтомъ, который, какъ въ фокусѣ, лучше всего отражаетъ въ себѣ задачи и стремленія современнаго международнаго права. Между тѣмъ у насъ въ Россіи до сихъ поръ очень мало знаютъ о немъ и даже наша серіозная періодическая печать (кромѣ статей г. Безобразова) почти не занималась имъ.

I. Возникновеніе Института.

Наше время, по справедливости, можетъ быть названо временемъ путешествій и съѣздовъ: люди самыхъ различныхъ національностей и классовъ, благодаря усовершенствованнымъ способамъ передвиженія, предпринимаютъ, особенно въ хорошее время года, болѣе или менѣе далекія странствованія съ самыми разнообразными цѣлями. Ученые, слѣдуя общему духу времени, также вышли изъ уединенія своихъ кабинетовъ, и они начали часто совершать путешествія, то изъ желанія личнаго знакомства съ товарищами по наукѣ, то изъ стремленія проводить въ массы населенія результаты своихъ раз-

мышленій и изслѣдованій, то по другимъ, весьма различнымъ, побужденіямъ. Понемногу эти путешествія приняли характеръ правильныхъ съѣздовъ, періодически повторяющихся. Ученые, кромѣ личнаго труда и энергіи, поняли всю пользу коллективнаго, товарищескаго труда, и вотъ въ различныхъ центрахъ европейскаго просвѣщенія возникли, едва ли не для каждой спеціальности, общества, которыя всюду имѣютъ своихъ сотрудниковъ и агентовъ. Общій трудъ и въ области науки весьма благотворенъ: онъ расширяетъ кругозоръ людей, содѣйствуетъ скорѣйшему окончанію большихъ научныхъ предпріятій и распространенію ихъ въ мыслящей части публики.

Спеціалисты по международному праву до послѣдняго времени вели прежнюю уединенную и разрозненную жизнь. Мысль объ ихъ объединеніи въ общемъ научномъ учрежденіи возникла одновременно, конечно съ различными оттѣнками, у многихъ извѣстныхъ публицистовъ и была приведена въ исполненіе только на нашихъ глазахъ. Она занимала покойныхъ Либера, нашего соотечественника профессора Каченовскаго, Майльса, а между живыми—Ролень-Жекмена, Блюнчли, Муанье, Парьё и многихъ другихъ. Но собственно практическое приложеніе дали ей особенно два лица, пользующіяся въ области международнаго права громкою извѣстностію — Роленъ-Жекменъ и Блюнчли.

Особенно первый изъ нихъ соединялъ въ себѣ всѣ необходимыя условія для почина въ такомъ дѣлѣ: съ 1869 года онъ издаетъ въ Гентѣ, вмѣстѣ съ гг. Вестлекомъ и Ассеромъ, журналъ *Revue de droit international et de législation comparée*, посвященный спеціально разработкѣ вопросовъ международнаго права и сравнительнаго законодательства. Въ короткое время г. Ролену удалось соединить около своего *Обозрѣнія* самыхъ лучшихъ сотрудниковъ, извѣстныхъ ученыхъ почти всѣхъ цивилизованныхъ странъ, и благодаря этому сдѣлать изъ *Revue* одно изъ лучшихъ и интереснѣйшихъ юридическихъ изданій нашего времени. Гдѣ же какъ не въ этой средѣ удобнѣе всего было возникнуть и осуществиться идеѣ международнаго Института? Послѣ многократныхъ частныхъ сношеній между вышепоименованными лицами, Роленъ-Жекменъ взялъ на себя починъ, составленіемъ конфиденціальной

записки о пользѣ учрежденія общества для изученія международнаго права. Въ мартѣ 1873 эта записка была сообщена имъ двадцати двумъ лицамъ, наиболѣе компетентнымъ въ Европѣ по вопросамъ международнаго права. Большинство изъ нихъ отнеслось къ идеямъ выраженнымъ въ запискѣ очень благосклонно: нѣкоторые добавили и исправили ихъ своими примѣчаніями. Блюнчли, между прочимъ, послалъ Ролену еще въ ноябрѣ 1872 года мемуаръ, въ которомъ онъ предлагаетъ учредить не только періодическіе съѣзды международныхъ правовѣдовъ, но постоянное ученое общество или академію международнаго права. *) Историческая точность обязываетъ насъ замѣтить, что Либеръ изъ Америки, а Муанье изъ Швейцаріи писали къ Ролену (въ концѣ 1871) объ этомъ же и предлагали ему принять на себя иниціативу по этому дѣлу.

Такъ мысль объ Институтѣ возникла одновременно, какъ мы выше замѣтили, у многихъ, и это между прочимъ указываетъ намъ на то, что она вызвана серіозными научными потребностями нашего времени. Полученные на записку отъ 10-го марта отвѣты и замѣчанія дали Ролену возможность дополнить и лучше оформить свои предположенія и, по желанію многихъ, созвать къ осени того же 1873 года конференцію въ видахъ основанія такого Института.

Мѣстомъ конференціи былъ выбранъ Гентъ, и здѣсь отъ 8-го до 10-го сентября (новаго стиля) происходилъ *первый съѣздъ*, положившій основаніе Институту. Вотъ лица участвовавшія на немъ: Блюнчли, Роленъ-Жекменъ, Манчини, Кальво, Фильдъ, Пьерантони, Муанье, Лавеле, Лоримеръ и Ассеръ. Изъ нашего отечества былъ лишь академикъ Безобразовъ. Намъ нечего прибавлять что всѣ эти лица, основатели Института, пользуются въ наукѣ международнаго права и вообще въ уч.еномъ мірѣ самою почетною извѣстностію. **)

---

*) Объ этомъ онъ уже говоритъ въ своемъ соч. *Современное Международное Право*, см. русскій перев. 1877, стр. 121.

Бо́льшія подробности объ обстоятельствахъ вызвавшихъ учрежденіе Института желающіе найдутъ въ статьѣ Ролена: De la nécessité d'organiser une institution scientifique permanente pour favoriser l'étude et les progrès du droit international въ *Revue de droit international et de législation comparée*, 1873, стр. 463. Здѣсь кстати замѣтимъ, что впредь мы будемъ, цитуя это изданіе, называть его просто *Revue*.

**) См. *Revue*, 1873, стр. 671.

Городъ Гентъ радушно встрѣтилъ своихъ гостей. Для ихъ занятій была предоставлена роскошная, недавно реставрированная зала арсенала. Всѣ пріѣхавшіе собрались сперва въ домовой церкви ратуши, а потомъ введены бургомистромъ города, графомъ de Kerchove de Denterghem, въ залу собранія, гдѣ ихъ ожидала избранная публика, власти города, члены палатъ, суда, администраціи, университета и т. д. На привѣтствіе бургомистра отвѣчалъ Роленъ-Жекменъ, указывая на тѣхъ лицъ, которыя прибыли на этотъ первый съѣздъ или хотя письменно выразили свое сочувствіе основанію Института. Отъ имени прибывшихъ гостей произнесъ весьма краснорѣчивую рѣчь Манчини, въ которой онъ объяснилъ цѣль, призвавшую на это собраніе людей изъ разныхъ странъ свѣта. *) Этимъ окончилось первое публичное засѣданіе Института, 8-го сентября. Остальныя засѣданія были не публичны. Ихъ было въ три дня не менѣе шести и каждое продолжалось около трехъ часовъ.

Результатомъ этихъ трудовъ явились: 1) *уставъ* или статуты Института, которые опредѣляютъ его характеръ и дѣятельность; 2) учреждены *коммиссіи* для распредѣленія ученыхъ работъ Института. Этими результатами мы теперь и должны заняться.

II. Цѣль и характеръ Института.

Прежде чѣмъ познакомиться съ самою дѣятельностью Института, обратимъ вниманіе на его основную мысль и на тѣ задачи, которыя поставили себѣ, при самомъ его возникновеніи, его учредители. Для этого обратимся прямо къ его уставу и къ предисловію (préambule), объясняющему цѣль устава.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что при обсужденіи устава Института участвовали лица принадлежащія *девяти* различнымъ національностямъ. **) Они естественно расходились между собою какъ въ теоретическихъ воззрѣніяхъ на задачи Института, такъ и въ пониманіи его практическаго призванія и направленія. И между тѣмъ, послѣ зрѣлыхъ и многократныхъ размышленій и переговоровъ, *всѣ*

*) Эти рѣчи и отчетъ, о Гентскомъ съѣздѣ см. въ *Revue* 1873, стр. 667.
**) Ихъ было всего до 33 человѣкъ.

статьи устава приняты ими *единогласно*. «Развѣ это не указываетъ, говоритъ Роленъ, на возможность постепеннаго установленія такими же средствами одного общаго мнѣнія насчетъ основныхъ принциповъ права», или, выражаясь иначе, не есть ли это нѣкоторое указаніе на осуществимость кодификаціи международнаго права?

До послѣдняго времени международное право развивалось благодаря содѣйствію двухъ факторовъ: 1) посредствомъ *дѣятельности дипломатовъ* (par l'action diplomatique), которые, какъ лица офиціально аккредитованныя своими правительствами, являются главнымъ органомъ внѣшнихъ сношеній государства, и 2) благодаря *трудамъ отдѣльныхъ ученыхъ* (par l'action scientifique individuelle), стремящихся найти тѣ юридическія формы, которыя по ихъ мнѣнію опредѣляютъ или должны опредѣлять взаимныя отношенія народовъ. Но оба эти фактора неудовлетворительны, потому что они дѣйствуютъ крайне медленно и на практикѣ встрѣчаютъ нерѣдко почти непреодолимыя препятствія.

Съ одной стороны, дипломаты вообще не особенно способны къ пониманію идей права: при всей своей опытности и при всемъ образованіи они постоянно связываются инструкціями своихъ правительствъ и спеціальными интересами народовъ, которые должны охранять. Хотя Роленъ ставитъ въ заслугу современной дипломатіи то, что она не занимается исключительно, какъ прежде, заботами о вопросахъ войны и мира, но обращаетъ вниманіе и на общее развитіе и расширеніе дружественныхъ отношеній между всѣми государствами: 1) чрезъ установленіе для нихъ нѣкоторыхъ общегуманныхъ правилъ, идущихъ далѣе политическихъ потребностей извѣстнаго времени, вызвавшаго ихъ; 2) чрезъ принятіе въ область положительнаго международнаго права многихъ вопросовъ, которые до нашего времени относились лишь къ сферѣ внутренняго законодательства различныхъ странъ, и 3) чрезъ неоднократныя попытки разрѣшать споры между государствами безъ войны, посредствомъ третейскаго разбирательства (arbitrage); но, не смотря на всѣ эти немаловажныя заслуги дипломатіи, она, по замѣчанію самого же Ролена, рѣдко дѣйствуетъ иначе какъ слѣдуя и уступая давленію общественнаго мнѣнія или гнету неотразимыхъ обстоятельствъ. Здѣсь

замѣтимъ отъ себя, что много вредитъ международному праву въ общественномъ мнѣніи то, что большинство людей смѣшиваетъ его и даже отождествляетъ съ дипломатіей, между тѣмъ какъ обыкновенно дипломаты только носятъ слово *право* на устахъ, а дѣйствуютъ въ разрѣзъ съ нимъ. Но съ другой стороны и сочиненія отдѣльныхъ юристовъ часто не приносятъ всей желаемой пользы; правда, юристъ пользуется сравнительно съ дипломатомъ большею свободой для распознанія и изученія права. Онъ живѣе сознаетъ всю нравственную отвѣтственность, падающую на того, кто желаетъ критически и научно руководить общественнымъ мнѣніемъ; но къ ученымъ трудамъ и юристовъ примѣшиваются нерѣдко, кромѣ ихъ субъективныхъ недостатковъ, тѣ или другія національныя предубѣжденія, которыя писатели раздѣляютъ съ своимъ народомъ. Отсюда множество противорѣчій между писателями по одному и тому же вопросу, и общественное мнѣніе, путаясь въ этихъ разногласіяхъ, либо совершенно игнорируетъ такіе спорные вопросы, либо дѣлаетъ себѣ о нихъ самыя одностороннія и поэтому невѣрныя представленія.

На этомъ основаніи крайне желательно созданіе для международнаго права новаго, третьяго фактора: *коллективной научной дѣятельности.* Вотъ основная идея Института: какъ постоянное научное учрежденіе, безъ всякаго офиціальнаго характера, Институтъ долженъ соединять въ себѣ лучшія умственныя силы по наукѣ международнаго права изъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ и чрезъ это стремиться къ отысканію, съ одной стороны, твердыхъ и общихъ юридическихъ началъ для опредѣленія международныхъ отношеній, съ другой, къ распространенію этихъ началъ въ народномъ сознаніи и къ возведенію ихъ на степень дѣйствующаго между государствами положительнаго права. Такъ опредѣляетъ его цѣль и первая статья устава.

Институтъ Международнаго Права есть общество (association) исключительно научное, лишенное офиціальнаго характера.

Цѣль его состоитъ въ слѣдующемъ:

1. Содѣйствовать развитію международнаго права, стремясь сдѣлаться органомъ юридическаго сознанія цивилизованнаго міра.

2. Формуловать общія начала науки и практическія правила изъ нихъ вытекающія, а также распространять свѣдѣнія о нихъ.

3. Оказывать содѣйствіе всякой серіозной попыткѣ постепенной и прогрессивной кодификація международнаго права.

4. Добиваться офиціальнаго признанія тѣхъ началъ, которыя будутъ признаны вполнѣ соотвѣтствующими потребностямъ современныхъ обществъ.

5. Заботиться, насколько возможно, о сохраненіи мира и о соблюденіи международнаго права во время войны.

6 Разсматривать затрудненія, могущія возникнуть при толкованіи и приложеніи права и, въ случаѣ надобности, высказывать юридически мотивированныя мнѣнія о сомнительныхъ и спорныхъ вопросахъ.

7. Содѣйствовать посредствомъ изданій, народнаго обученія и другихъ способовъ торжеству тѣхъ началъ справедливости и человѣчности, которыя должны руководить народами въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу.

Но недостаточно опредѣлить цѣль учрежденія; главное дѣло въ томъ, какъ оно будетъ осуществлять эту цѣль или дѣйствовать. На практикѣ мы видимъ много неудавшихся обществъ. Давно замѣчено, говоритъ Роленъ, что ученыя общества болѣе склонны къ проведенію научныхъ истинъ въ массы (vulgariser), нежели къ самостоятельной и творческой дѣятельности (créer). Они часто отвлекаются различными модными и заманчивыми ученіями и растрачиваютъ свои силы на мелкую монету, вмѣсто того чтобы сосредоточиться на немногихъ, но дѣйствительно важныхъ вопросахъ и работать надъ ихъ разрѣшеніемъ. Поэтому уставъ Института обращаетъ самое серіозное вниманіе на *составъ* этого учрежденія. Въ этихъ видахъ онъ постановляетъ: 1) Институтъ свободно избираетъ своихъ членовъ между лицами различныхъ народовъ, оказавшими международному праву важныя услуги въ области теоріи или практики (ст. 4); 2) дипломаты находящіеся въ дѣйствительной службѣ, не могутъ быть членами Института. Если какой-либо членъ поступилъ на дипломатическую службу, онъ во все время, пока находится на ней, не пользуется въ средѣ Института правомъ голоса (ст. 6).

Для того чтобы привлечь къ Институту какъ можно болѣе

имени В. И. Ленина С.С.С.Р

силъ, а съ другой стороны, не обратить его въ многолюдное и шумное сходбище, члены его раздѣлены на три категоріи: члены дѣйствительные, соревнователи *) или сотрудники и почетные (ст. 3.). Число дѣйствительныхъ членовъ не должно превышать 50; но оно можетъ и не достигать этой цифры (ст. 4). Число этихъ членовъ, принадлежащихъ одному какому-либо народу, никогда не должно превышать $^1/_5$ числа всѣхъ наличныхъ дѣйствительныхъ членовъ (ст. 5).

Соревнователи избираются дѣйствительными членами изъ тѣхъ лицъ, которыя могутъ быть полезны Институту своими спеціальными свѣдѣніями. Они пользуются на засѣданіяхъ лишь совѣщательнымъ голосомъ и число ихъ не ограничено (ст. 7).

Въ составъ этой группы входятъ конечно не одни юристы, но и медики, политико-экономы, офицеры флота и арміи и многіе другіе.

Званіе почетнаго члена принадлежитъ каждому лицу физическому или юридическому (association, municipalité ou corps moral), которое пожертвуетъ въ пользу Института не менѣе 3.000 франковъ (около 800 р). Они получаютъ всѣ изданія Института (ст. 8).

Всѣ эти лица могутъ въ своемъ отечествѣ составлять спеціальные комитеты изъ лицъ, посвятившихъ себя изученію общественныхъ и политическихъ наукъ, съ цѣлью распространенія идей Института въ средѣ ихъ соотечественниковъ (ст. 9).

Таковы постановленія устава съ внутренней стороны. Обратимся теперь къ сторонѣ внѣшней, то-есть къ той, которая опредѣляетъ *условія* и *формы* самой дѣятельности Института. Здѣсь заслуживаютъ вниманія слѣдующіе пункты: административная сторона предоставляется президенту и двумъ вице-президентамъ, избираемымъ при открытіи каждаго обыкновеннаго съѣзда (ст. 10).

Кромѣ того между дѣйствительными членами избирается главный секретарь (secretaire général) на шесть лѣтъ. Онъ обязанъ редактировать протоколы засѣданій, вести перепи-

*) Membres effectifs, auxiliares et honoraires. Вторые переименованы въ 1875 въ associés, а первые просто въ membres.

ску между Институтомъ и его членами и представлять къ каждому засѣданію отчетъ о работахъ Института за послѣдній періодъ. У него хранятся печать и архивъ. Его мѣстожительство считается мѣстопребываніемъ Института. Онъ можетъ быть выбранъ въ свою должность и во второй разъ (ст. 11) и по его желанію Институтъ назначаетъ ему одного или нѣсколькихъ помощниковъ (ст. 12).

Финансовою частью завѣдуютъ казначей, назначаемый на три года, и контрольная коммиссія, которая провѣряетъ всѣ поступающія и выходящія суммы (ст. 13).

Издержки Института покрываются: 1) правильными взносами дѣйствительныхъ членовъ; 2) пожертвованіями членовъ почетныхъ, и 3) различными дареніями въ его пользу. Для покрытія текущихъ расходовъ по изданіямъ, съѣздамъ и канцеляріи образуется постепенно такой капиталъ, проценты съ котораго могли бы удовлетворять вышеуказаннымъ нуждамъ (ст. 18).

Занятія Института выражаются: а) въ *сѣздахъ*, которыхъ бываетъ обыкновенно по одному въ годъ. На каждомъ изъ нихъ опредѣляется мѣсто и время слѣдующаго съѣзда *) (ст. 2), и b) въ *коммиссіяхъ*, которыя занимаются подготовительною разработкой вопросовъ, долженствующихъ поступить на обсужденіе и рѣшеніе Института. При этомъ назначаются для нихъ докладчики (ст. 17). По общему правилу голоса подаются словесно и постановленіямъ съѣзда предшествуютъ обсужденія и пренія. Выборы дѣлаются посредствомъ тайной подачи голосовъ и къ голосованію допускаются лишь присутствующіе члены; но иногда для выбора новыхъ членовъ и отсутствующіе могутъ прислать свое мнѣніе письменно въ запечатанномъ конвертѣ (ст. 14). Если дѣло идетъ о спорномъ вопросѣ между двумя или нѣсколькими государствами, то члены, граждане послѣднихъ, могутъ высказать свое мнѣніе объ этихъ вопросахъ; но они должны воздержаться отъ голосованія (ст. 16).

Институтъ печатаетъ ежегодный отчетъ (bulletin) о своихъ работахъ и выбираетъ одно или нѣсколько ученыхъ изданій

*) Для этого обыкновенно избирается какой-либо нейтральный городъ, извѣстный своими научными учрежденіями, а время открытія съѣзда назначено въ 1874 году на 25 августа.

для періодическихъ сообщеній публикѣ о своей дѣятельности (ст. 18). Органомъ Института назначено Гентское Обозрѣніе (*Revue de droit international et de législation comparée*).

Уставъ этотъ измѣняется въ цѣломъ или въ частяхъ по желанію шести дѣйствительныхъ членовъ (ст. 21).

Выше мы замѣтили что на Гентскомъ съѣздѣ Институтъ вполнѣ организовался. Первымъ его президентомъ избранъ Манчини, профессоръ въ Римѣ и извѣстный основатель теоріи національности; обоими вице-президентами: Блюнчли, профессоръ въ Гейдельбергѣ, и Парье, членъ Французской Академіи (Institut). Главнымъ секретаремъ назначенъ Роленъ-Жекменъ, принявшій такое дѣятельное участіе въ основаніи Института. Изъ этихъ же лицъ составлено и *бюро*. Первыми дѣйствительными членами въ Гентѣ избраны: Аренсъ, профессоръ въ Лейпцигѣ; Массе, членъ кассаціоннаго суда въ Парижѣ; Лоренцъ-Штейнъ, профессоръ въ Вѣнѣ, и Вашборнъ, профессоръ въ Кембриджѣ (въ Америкѣ). Итакъ число членовъ учредителей и дѣйствительныхъ осенью 1873 года достигло 37 человѣкъ. *)

Первымъ почетнымъ членомъ избранъ François Bartholony, женевскій гражданинъ и предсѣдатель общества Орлеанской желѣзной дороги, пожертвовавшій 3.000 франковъ. Девизомъ своимъ Институтъ выбралъ: *Justitia et pace.*

---

*) Вотъ ихъ имена, кромѣ тѣхъ, которые уже названы: *Готфёль*, бывшій адвокатъ государственнаго совѣта и кассаціоннаго суда въ Парижѣ; *Кошш*, *Друэнъ-де-Люисъ*, *Люка* и *Верже*, члены Французской Академіи; *Гефтеръ* и *Гольдшмидтъ*, проф. въ Берлинѣ; *Гольцендорфъ*, проф. въ Мюнхенѣ; *Пьерантони*, проф. въ Неаполѣ; *Видари* и *Есперсонъ*, проф. въ Павіи; *Склописъ*, сенаторъ въ Туринѣ, бывшій предсѣдатель Женевскаго третейскаго суда 1871—72 году; *Гаркортъ*, проф. въ Кембриджѣ; *Вестлекъ*, адвокатъ (Barrister-at-Law) въ Лондонѣ; *Лоримеръ*, проф. въ Эдинбургѣ; *Беркардъ*, проф. въ Оксфордѣ; *Фильдъ*, адвокатъ въ Нью-Іоркѣ; *Лауренсъ*, бывшій посланникъ Соединенныхъ Штатовъ въ Англіи; *Вартонъ* изъ Филадельфіи; *Вульси*, бывшій президентъ Yale College въ Соединенныхъ Штатахъ; *Муанье*, предсѣдатель международнаго комитета вспомоществованія раненымъ въ Женевѣ; *Ланда*, военный врачъ въ Памплунѣ; *Лавеле*, проф. въ Люттихѣ; *Лоранъ*, проф. въ Гентѣ; *Ассеръ*, адвокатъ и проф. въ Амстердамѣ; *Безобразовъ*, академикъ въ Петербургѣ; *Кальво*, бывшій посланникъ Аргентинской республики въ Парижѣ; *Науманнъ* и *Оливекрона*, члены верховнаго суда въ Стокгольмѣ.

III. Работы Института.

На первомъ уже съѣздѣ въ Гентѣ Институтъ назначилъ три коммиссіи для научной разработки слѣдующихъ вопросовъ

1. *Международный третейскій судъ.* Выработать проектъ устава судопроизводства для такого суда. Въ составъ этой коммиссіи вошли: Фильдъ, Гольдшмидтъ, Гаркортъ, Лавеле и Пьерантони. Докладчикомъ избранъ Гольдшмидтъ.

2. *Три правила Вашингтонскаго договора* по морскому праву. Представить ихъ критическій разборъ. Члены этой коммиссіи: Блюнчли, Готфель, Кальво и Роленъ-Жекменъ. Докладчикъ Блюнчли. Члены-консультанты отъ обоихъ государствъ, подписавшихъ этотъ договоръ: Лоримеръ—для Англіи и Вульси —для Соединенныхъ Штатовъ.

3. *Частное международное право.* Указать на пользу всѣхъ государствъ признать для себя обязательными, путемъ одного или нѣсколькихъ договоровъ, нѣкоторыя основныя начала по частному международному праву въ видахъ единообразнаго рѣшенія столкновеній между гражданскими и уголовными законами различныхъ странъ.

Члены коммиссіи: Манчини, Ассеръ, Лауренсъ, Массе, Вестлекъ, и Блюнчли. Первые два выбраны и докладчиками: Самая уже постановка этихъ вопросовъ показываетъ намъ, что Институтъ серіозно взглянулъ на предстоящую ему задачу и сумѣлъ при этомъ подмѣтить тѣ стороны международной жизни, которыя наиболѣе интересуютъ современное намъ поколѣніе и наиболѣе нуждаются во всесторонней научной обработкѣ.

Общественное мнѣніе въ Западной Европѣ сочувственно отнеслось къ Институту, даже съ перваго года его существованія. *) Лоримеръ во вступительной лекціи предъ началомъ своего курса въ Эдинбургѣ указалъ на возникновеніе Института и на его научный характеръ. Въ Германіи Блюнчли помѣстилъ о томъ же статью въ *Gegenwart*; профессоръ Нейманнъ, въ Вѣнѣ, написалъ объ Институтѣ въ нѣмецкомъ журналѣ для современнаго гражданскаго и публичнаго права. Множество другихъ статей явилось о немъ въ лучшихъ пе-

*) *Revue*, 1874, стр. 167 и 343.

ріодическихъ изданіяхъ Европы. Въ Россіи академикъ Безобразовъ представилъ объ Институтѣ отчетъ нашей Академіи Наукъ. При этомъ онъ не только сообщилъ его уставъ и имена его членовъ, но и указалъ на научныя стремленія и значеніе Института. *)

Осенью 1874 года происходилъ второй съѣздъ Института въ Женевѣ, отъ 31-го августа до 5-го сентября. Съѣздъ этотъ для насъ особенно интересенъ, потому что на немъ мы впервые можемъ изучить многостороннюю дѣятельность едва основаннаго Института.

Какъ и въ Гентѣ, первое засѣданіе въ Женевѣ было особенно торжественно: оно происходило въ большой залѣ ратуши (salle des conférences de l'Hôtel-de-ville) въ присутствіи президента совѣта Женевскаго кантона г. Картере, многихъ сановниковъ и публики. Картере обратился къ членамъ Института съ привѣтствіемъ, на которое отвѣчалъ Манчини. Затѣмъ Роленъ-Жекменъ представилъ отчетъ о дѣятельности Института за истекшій годъ. **)

Фильдъ ввелъ въ собраніе уполномоченнаго Японіи въ Римѣ, г. Кавазъ, который получилъ отъ своего правительства приказаніе присутствовать на засѣданіяхъ Института.

Этимъ окончились церемоніи открытія съѣзда. Дальнѣйшія засѣданія происходили, какъ и въ Гентѣ, два раза въ день и не въ присутствіи публики.

Пользуясь протоколами засѣданій Женевскаго съѣзда ***), поговоримъ сперва вообще о вопросахъ, которые затрогивались на этой сессіи, и затѣмъ уже остановимся на собственно научныхъ работахъ различныхъ коммиссій.

На первомъ планѣ стояло въ Женевѣ новое избраніе президента и вице-призидентовъ. Въ этихъ должностяхъ утверждены снова на годъ лица избранныя въ Гентѣ. По предложенію главнаго секретаря въ помощники ему назначены: гг. Альфонсъ Ривье и Альберикъ Роленъ. Затѣмъ избраны вновь семь дѣйствительныхъ членовъ и три члена-соревнователя.

---

*) Статья г. Безобразова подъ заглавіемъ: „Интернаціональный Институтъ Международнаго Права въ Гентѣ“ напечатана въ *Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.* 1874 Апрѣль.

**) *Revue*, 1875, стр. 112.

***) Тамъ же, 1874, стр. 585.

Перваго званія удостоились:

Маміани, сенаторъ въ Италіи; Фіоре, профессоръ въ Пизѣ; Треверсъ-Твиссъ, бывшій профессоръ въ Оксфордѣ; Мартенсъ, профессоръ въ Петербургѣ; Баръ, профессоръ въ Бреславлѣ; Нейманнъ, профессоръ въ Вѣнѣ, и Ашехугъ, профессоръ въ Христіаніи.

Въ члены-соревнователи выбраны:

Карлъ Броше, профессоръ въ Женевѣ; Лѣнингъ, профессоръ въ Страсбургѣ и Ден-Бееръ Португэль, директоръ и профессоръ училища главнаго штаба въ Бредѣ.

Спеціальной коммиссіи было поручено составить къ Женевскому съѣзду общія правила объ избраніи новыхъ членовъ. Представленный ея докладчикомъ, Муанье, проектъ *) принятъ Институтомъ единогласно.

Нельзя не одобрить одной мысли Манчини: онъ предложилъ членамъ постоянно сообщать Институту свѣдѣнія о всѣхъ новыхъ сочиненіяхъ, выходящихъ по международному праву въ ихъ отечествѣ. Это дало бы со временемъ возможность приступить къ изданію *всеобщей библіографіи* по всѣмъ отраслямъ современнаго международнаго права и параллельно у всѣхъ образованныхъ народовъ. Впрочемъ подобную же мысль проводилъ Пьерантони еще въ Гентѣ. За тѣмъ президентъ просилъ дѣлать такія же сообщенія о рѣшеніяхъ международными третейскими судами различныхъ споровъ между государствами. Оба эти желанія не остались мертвыми буквами. Пьерантони сдѣлалъ словесное сообщеніе о новѣйшихъ произведеніяхъ въ сферѣ международнаго правовѣдѣнія италіянской литературы, а Мартенсъ—русской. **)

Даже изъ этого краткаго перечня Пьерантони видно, какъ дѣятельна и плодотворна новѣйшая ученая литература въ Италіи. Спеціально по международному праву нигдѣ въ Европѣ не появляется теперь такъ много новыхъ сочиненій какъ въ отечествѣ Манчини и Пьерантони ***).

---

*) *Revue*, 1874, стр. 597.

**) *Revue*, 1875, стр. 131.

***) Это особенно ясно выступаетъ изъ извѣстнаго сочиненія послѣдняго: Исторія италіянской литературы по международному праву въ нѣмец. перев. Ронкали, 1872. Много извлеченій изъ этого соч можно найти у *Даневскаго* въ его „Очеркѣ новѣйшей литературы по международному праву" 1876, стр. 20.

Гораздо короче и блѣднѣе вышелъ отчетъ г. Мартенса; къ сожалѣнію иначе и быть не могло. Наша литература по этому предмету еще только зарождается. Въ ней встрѣчаются нѣкоторыя дѣльныя монографіи, но она до сихъ поръ еще крайне бѣдна общими сочиненіями *).

Относительно втораго желанія, г. Манчини самъ передалъ Институту нѣкоторыя подробности о рѣшеніи третейскимъ разбирательствомъ одной спорной пограничной линіи между Италіей и Швейцаріей (у мѣста такъ-называемаго Альпы Краваирола) **).

Гольцендорфъ прочелъ краткую біографическую замѣтку о недавно умершемъ Аренсѣ, который былъ такъ извѣстенъ особенно своими сочиненіями по философіи права ***).

Парьё сообщилъ главные результаты послѣдней монетной конвенціи между Франціей, Швейцаріей, Бельгіей и Италіей (1874) ****), а Блюнчли и Мартенсъ обратили вниманіе Института на только-что разошедшуюся Брюссельскую конференцію для кодификаціи военнаго права, на которой оба они присутствовали въ качествѣ представителей своихъ правительствъ †).

Говоря о Брюссельской конференціи, Блюнчли воздалъ уваженіе высокимъ чувствамъ человѣколюбія одушевляющимъ Русскаго Монарха, принявшаго на себя, какъ извѣстно, починъ въ этомъ дѣлѣ. Бѣдствія послѣдней страшной войны между Франціей и Германіей не могли не вызвать въ его сердцѣ желанія сдѣлать для Европы то же самое, что въ меньшихъ размѣрахъ сдѣлалъ Линкольнъ для Америки принятіемъ знаменитой полевой инструкціи Либера. Докладчикъ указалъ далѣе на то, что въ Брюсселѣ не обнаружилось разногласія между Франціей и Германіей, но рѣзкая противоположность во взглядѣ сказалась повсюду между первоклассными и второстепенными или малыми военными государствами, а этотъ разладъ, по его мнѣнію, объясняется исторически: большія державы то сами занимали своими войсками чужую терри-

*) Даневскій, назв. соч., стр. 203.
**) *Revue*, 1875, стр. 134.
***) *Ib.* 125.
****) *Ib.* 123.
†) *Revue* 1874, стр. 609.

торію, то подвергались иноземному нашествію, между тѣмъ какъ малыя государства чаще всего находились въ послѣднемъ положеніи. Но интересы всѣхъ государствъ въ равной степени требуютъ ограниченія извѣстными юридическими правилами разгула военной власти побѣдителя, вторгающагося въ непріятельскую страну. Болѣе всего отъ этого выиграютъ именно жители занятой области. Конечно, такія ограниченія должны всегда отличаться своею практическою приложимостью; иначе они неизбѣжно останутся мертвою буквой. И съ этой стороны Блюнчли одобряетъ русскій проектъ. Это не есть уставъ идеально-совершенный, но своими стремленіями согласовать чисто военные интересы мирнаго населенія онъ отмѣтилъ бы важный шагъ впередъ въ юридическомъ развитіи европейскихъ народовъ, еслибы вошелъ въ ихъ сознаніе и законы.

Къ этимъ замѣчаніямъ Мартенсъ сдѣлалъ нѣсколько историческихъ дополненій о самомъ созваніи Брюссельской конференціи.

Но главный интересъ Женевской сессіи сосредоточивается для насъ около научныхъ работъ тѣхъ первыхъ коммиссій, которыя были назначены еще въ Гентѣ. Двѣ первыя изъ нихъ пришли къ окончательнымъ, положительнымъ результатамъ уже на Женевскомъ съѣздѣ, а на третьей сессіи въ Гагѣ (1875) Институтъ могъ принять, какъ увидимъ далѣе, свои общіе выводы по вопросамъ, предложеннымъ для разработки этимъ коммиссіямъ. Напротивъ, третья изъ нихъ, о частномъ международномъ правѣ, продолжаетъ существовать до сихъ поръ и эта многолѣтняя ея дѣятельность объясняется самою важностью и запутанностью вопросовъ, выпавшихъ на ея долю.

Остановимся теперь нѣсколько на каждой изъ вышеназванныхъ коммиссій.

1

Съ того времени какъ споръ между Англіей и Соединенными Штатами, извѣстный подъ именемъ Алабамскаго вопроса, былъ наконецъ, въ силу Вашингтонскаго договора 8 го мая 1871 года, мирно рѣшенъ Женевскимъ третейскимъ судомъ, общественное мнѣніе Европы и Америки все настойчивѣе

стало требовать, чтобы споры между государствами впредь рѣшались, насколько это возможно, не посредствомъ самоуправства и войнъ, а приговорами правильно организованныхъ международныхъ судовъ. Въ этомъ стремленіи нельзя, не видѣть плодотворной и гуманной идеи, способной оказать самое благодѣтельное вліяніе на упроченіе мирныхъ сношеній между государствами. Этимъ путемъ едва ли не болѣе всего можно противодѣйствовать войнамъ, годъ отъ году становящимся все болѣе разрушительными для жизни и имущества гражданъ.

На нашихъ глазахъ не только безпрестанно являются брошюры о введеніи международнаго суда и собираются митинги для этого, но даже палаты главнѣйшихъ образованныхъ государствъ (Англіи, Италіи, Соединенныхъ Штатовъ, Швеціи, Голландіи и Бельгіи) высказались за то, чтобы ихъ правительства въ заключаемыхъ ими договорахъ дѣлали оговорку въ пользу рѣшенія могущихъ возникнуть между ними споровъ и несогласій посредствомъ международныхъ третейскихъ судовъ *).

Нельзя не быть благодарнымъ Институту за то, что онъ въ первый же годъ своего существованія чутко понялъ и оцѣнилъ важность указаннаго нами движенія. Оно имѣетъ безспорно громадное практическое значеніе, но въ наукѣ до сихъ поръ имъ занимались крайне мало и поверхностно. Нерѣдко споры между государствами рѣшались третейскими судами, но практика до нашихъ дней не выработала никакихъ общихъ и твердыхъ правилъ какъ для образованія этихъ судовъ (ихъ состава), такъ и для формъ и условій самаго дѣлопроизводства. Восполнить этотъ пробѣлъ должна была первая комиссія. Докладчикъ ея Гольдшмидтъ, одинъ изъ ученѣйшихъ юристовъ нашего времени, **) выполнилъ эту задачу самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Онъ представилъ Женевскому съѣзду: *Проектъ устава судопроизводства для международныхъ третейскихъ судовъ* ***). Этотъ проектъ содержитъ 34 статьи и распадается на пять отдѣловъ: 1) заключеніе компромисса

*) Это такъ-называемое ученіе о „stipulated arbitration."

**) Онъ особенно извѣстенъ своими сочиненіями по торговому праву.

***) Projet de réglement pour tribunaux arbitraux internationaux.

между сторонами (§ 1—4); 2) составленіе международнаго суда (§ 5—15); 3) дѣлопроизводство въ этомъ судѣ (§ 16—21); 4) постановленіе приговора (§ 22—31) и 5) аппелляція и иныя дѣйствія противъ этого приговора (§ 32—34) *).

Каждая статья проекта строго обдумана и свидѣтельствуетъ о тѣсномъ знакомствѣ автора не только съ новѣйшими договорами, заключенными о третейскомъ разбирательствѣ особенно Соединенными Штатами, но и съ постановленіями объ этомъ римскаго права и новѣйшихъ процессуальныхъ кодексовъ. Авторъ мотивировалъ почти каждую свою мысль, и поэтому, въ научномъ отношеніи, интересны не только статьи проекта, но и примѣчанія и поясненія, сдѣланныя къ нимъ Гольдшмидтомъ.

Институтъ отнесся къ этой работѣ съ живымъ интересомъ. Нѣсколько дней она была предметомъ самыхъ оживленныхъ преній, въ которыхъ между прочимъ принимали участіе Манчини, Пьерантони, Бульмеринкъ, Парьё, Фильдъ и др. **)

Этою предварительною работой ограничился Женевскій съѣздъ. Пренія выяснили тѣ пункты, которые, по мнѣнію членовъ Института, требовали измѣненія или сокращенія. Затѣмъ проектъ возвращенъ въ коммиссію для того, чтобъ она, на основаніи всѣхъ этихъ замѣчаній выработала окончательную его редакцію и представила бы его на утвержденіе Института на слѣдующемъ съѣздѣ.

Коммиссія окончила свою работу къ третьей сессіи Института въ Гагѣ (осенью 1875). Сравнивая этотъ второй проектъ ***) съ первымъ, мы видимъ что трудъ Гольдшмидта принятъ коммиссіей въ главныхъ частяхъ, основные его принципы удержаны, но значительно измѣнена редакція проекта; многія статьи первоначальнаго проекта совершенно опущены ****), другія на оборотъ слиты въ одно †), такъ что всѣхъ

*) *Revue* 1874, стр. 421 Извлеченія изъ этого проекта сдѣлалъ Стояновъ въ своей книгѣ: *Очерки исторіи и догматики международнаго права.* 1875 стр. 572. Онъ справедливо замѣчаетъ, что этотъ трудъ Гольдшмидта „обнаруживаетъ въ авторѣ рѣдкое соединеніе таланта, знанія и практической опытности".

**) *Revue*, 1874, стр. 587.

***) *Revue*, 1875, стр. 418.

****) Ст. 1, 2, 4, 10, 26, 29 и 30.

†) Ст. 27 и 28;—32, 33 и 34.

статей въ немъ лишь 24. Особенно сильно измѣнены послѣднія статьи проекта Гольдшмидта: отдѣлъ объ аппелляціи почти уничтоженъ и рѣшеніе этого вопроса предоставлено самимъ сторонамъ при заключеніи ими компромисса. Гольдшмидтъ, не участвовавшій въ этомъ редакціонномъ трудѣ коммиссіи, представилъ нѣкоторыя дополнительныя къ нему объясненія *). Наконецъ въ Гагѣ, 28-го августа 1875, Институтъ утвердилъ проектъ выработанный коммиссіей, съ прибавленіемъ къ нему еще трехъ статей **). Отдѣлъ же объ аппеляціи совершенно опущенъ.

Сообщаемъ цѣликомъ этотъ проектъ, въ его послѣдней редакціи, такъ какъ онъ, сколько намъ извѣстно, не появлялся еще въ русской печати:

Проектъ устава судопроизводства для международныхъ третейскихъ судовъ, принятый Институтомъ.

Институтъ желая, чтобы третейское разбирательство (arbitrage) для рѣшенія международныхъ споровъ получало все большее примѣненіе среди образованныхъ народовъ, надѣется споспѣшествовать осуществленію этого прогресса предложеніемъ слѣдующаго проекта судопроизводства для такихъ третейскихъ судовъ. Онъ рекомендуетъ принять его, въ цѣломъ или въ частяхъ, государствамъ, заключающимъ компромиссъ.***)

Статья 1. Компромиссъ установляется всякимъ дѣйствительнымъ международнымъ договоромъ.

Онъ можетъ заключаться:

а) *напередъ* либо для всѣхъ споровъ вообще, возникающихъ между договаривающимися государствами, либо для опредѣленнаго ихъ рода;

b) для рѣшенія одного или нѣсколькихъ споровъ, *уже существующихъ* между договаривающимися государствами.

Ст. 2. Компромиссъ даетъ право каждой изъ договаривающихся сторонъ обращаться къ третейскому суду, который она назначаетъ для рѣшенія спора. Если число и имена тре-

*) Тамъ же, стр. 423.

**) Ст. 22, 24 и 25. — Всѣхъ статей въ окончательной редакціи устава 27. Изъ нихъ 26 приняты единогласно; а послѣдняя — простымъ большинствомъ голосовъ.—*Revue*, 1875, стр. 277.

***) Компромиссъ соотвѣтствуетъ *третейской записи* въ нашемъ правѣ.

тейскихъ судей не будутъ обозначены въ компромиссѣ, третейскій судъ составляется изъ трехъ членовъ, а способъ его составленія опредѣляется компромиссомъ или какою либо другою конвенціею.

При отсутствіи опредѣленій подобнаго рода, каждая изъ договаривающихся сторонъ выбираетъ одного судью и оба такимъ образомъ назначенные судьи избираютъ общаго посредника (tiers-arbitre), или постороннее третье лице, которое его назначаетъ.

Если оба эти судьи, назначенные сторонами, не могутъ согласиться между собою на счетъ выбора общаго посредника, или если одна изъ сторонъ откажется, какъ она обязалась по компромиссу, содѣйствовать образованію третейскаго суда, или если выбранное третье лице уклонится отъ назначенія общаго посредника,—компромиссъ теряетъ свою силу.

Ст. 3. Если стороны съ самаго начала, или потому что онѣ не могли придти къ соглашенію относительно выбора судей, постановили, что образованіе третейскаго суда будетъ предоставлено третьему, указанному ими, лицу, и если послѣднее возьметъ на себя образованіе такого суда,—порядокъ дѣлопроизводства прежде всего опредѣляется правилами, находящимися въ компромиссѣ. За отсутствіемъ правилъ третье обозначенное лице можетъ или само назначить судей, или предложить сторонамъ выбрать таковыхъ изъ извѣстнаго, имъ указаннаго, числа лицъ.

Ст. 4. Лица способныя быть избранными въ третейскіе судьи суть: государи и верховные правители безъ всякаго ограниченія, а также всѣ тѣ, которые признаются способными отправлять должность третейскаго судьи по законамъ ихъ отечества.

Ст. 5. Если стороны съ точностью указали въ компромиссѣ лицъ (ont valablement compromis), которыя должны быть третейскими судьями, то неправоспособность или законный отводъ (récusation valable) хотя бы одного изъ нихъ, лишаетъ силы весь компромиссъ, до тѣхъ поръ пока стороны не придутъ къ соглашенію относительно выбора другаго правоспособнаго судьи.

Если напротивъ компромиссъ не опредѣляетъ лично этого судьи, то, въ случаѣ его неправоспособности или законнаго

отвода, выборы на мѣсто его другаго происходятъ въ томъ же порядкѣ, какъ первоначальные выборы (ст. 2 и 3).

Ст. 6. Объявленіе о принятіи должности третейскаго судьи дѣлается письменно.

Ст. 7. Если третейскій судья откажется отъ своей должности, или сложить ее съ себя, послѣ того какъ разъ принялъ ее, или если умретъ, или впадетъ въ безуміе, или будетъ на законномъ основаніи отведенъ за неправоспособность — въ силу ст. 4—то является возможность примѣненія ст. 5.

Ст. 8. Если мѣстопребываніе третейскаго суда не опредѣлено ни въ компромиссѣ, ни въ позднѣйшей конвенціи между сторонами, судъ избираетъ свое пребываніе по опредѣленію самого судьи или большинства судей.

Онъ можетъ измѣнить это пребываніе только въ томъ случаѣ, если исполненіе его обязанностей въ установленномъ мѣстѣ сдѣлается для него невозможнымъ или очевидно опаснымъ.

Ст. 9. Третейскій судъ выбираетъ изъ среды своей, если онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ членовъ, предсѣдателя и назначаетъ одного или нѣсколькихъ секретарей.

Онъ также опредѣляетъ на какомъ языкѣ или на какихъ языкахъ должны происходить разбирательство и пренія сторонъ, а также быть представлены письменные документы и прочія доказательства. Всѣмъ засѣданіямъ онъ ведетъ протоколъ.

Ст. 10. Засѣданія третейскаго суда происходятъ въ присутствіи всѣхъ его членовъ. Но онъ можетъ отряжать одного или нѣсколькихъ своихъ членовъ, а также постороннихъ лицъ для производства слѣдствія.

Если въ третейскіе судьи избраны государство, или его глава, община, корпорація, какой-либо авторитетъ (autorité), юридическій факультетъ, ученое общество или же временный представитель такой общины, корпораціи, авторитета, факультета, компаніи, то всѣ пренія могутъ, съ согласія сторонъ, происходить предъ комиссаромъ, назначеннымъ для этого третейскимъ судьей. Всему дѣлу ведется протоколъ.

Ст. 11. Ни одинъ третейскій судья не въ правѣ, безъ согласія сторонъ, назначать для себя подставное лице (substitut).

Ст. 12. Если компромиссъ или позднѣйшая конвенція между

сторонами предписываютъ третейскому суду извѣстныя нормы для рѣшенія дѣла или указываютъ на опредѣленный положительный законъ судопроизводства, судъ обязанъ сообразоваться съ этими предписаніями. За отсутствіемъ же ихъ порядокъ дѣлопроизводства опредѣляется самостоятельно судомъ, при чемъ послѣдній обязанъ только сообразоваться съ принципами, которыхъ онъ обѣщалъ сторонамъ держаться.

Руководство преніями принадлежитъ предсѣдателю третейскаго суда.

Ст. 13. Каждая сторона можетъ назначить предъ судомъ одного или нѣсколькихъ представителей.

Ст. 14. Отводъ третейскаго судьи на основаніи его неправоспособности долженъ быть заявленъ ранѣе другихъ. Въ случаѣ незаявленія спора въ началѣ, всякія возраженія по сему предмету не допускаются за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда неправоспособность откроется впослѣдствіи.

Третейскіе судьи рѣшаютъ споры относительно компетентности суда кромѣ случая, о которомъ говорится въ ст. 24, пунктъ 2 и согласно съ условіями компромисса. [1])

Жалобы на постановленія третейскаго суда по вопросу о подсудности отдѣльно отъ жалобы по существу не допускаются.

Въ томъ случаѣ если сомнѣнія о подсудности возникаютъ изъ толкованія какой либо статьи (clause) компромисса, предполагается, что стороны предоставили самимъ судьямъ рѣшать эти сомнѣнія, если только нѣтъ оговорки въ противоположномъ смыслѣ.

Ст. 15. Если въ компромиссѣ не содержатся противоположныя постановленія, третейскій судъ имѣетъ право:

1. опредѣлять формы и сроки, въ которые стороны должны, чрезъ своихъ законныхъ уполномоченныхъ, представлять суду доказательства и объясненія, основанныя на фактахъ и на правѣ (les fonder en fait et en droit), сообщать ихъ противной сторонѣ и предъявлять тѣ документы которыхъ требуетъ противникъ;

2. признавать доказанными тѣ требованія, которыя против-

[1]) Les arbitres doivent prononcer sur les exceptions tirées de l'incompétence du tribunal arbitral, sauf le recours dont il est question à l'art. 24, 2-me al. et conformément aux dispositions du compromis.

ная сторона прямо не отрицаетъ (qui ne sont pas nettement contestées), а равно считать документы безспорными, если противная сторона, безъ достаточнаго основанія, не требуетъ ихъ предъявленія (omet la production);

3. назначать новыя объясненія (auditions) сторонамъ и требовать отъ нихъ разъясненія сомнительныхъ обстоятельствъ;

4. установлять порядокъ производства дѣлъ, способы изслѣдованія доказательствъ и требовать, въ случаѣ необходимости, содѣйствія компетентнаго суда на такіе юридическіе акты, на которые третейскіе суды не уполномочены, какъ напр. приведенія къ присягѣ экспертовъ и свидѣтелей;

5. опредѣлять, по своему усмотрѣнію, смыслъ представленныхъ документовъ и вообще значеніе доказательствъ, на которыя опираются стороны.

Формы и сроки, о которыхъ упоминается въ 1 и 2 пунктѣ настоящей статьи, опредѣляются судомъ въ предварительномъ распоряженіи (ordonnance).

Ст. 16. Ни стороны, ни третейскіе судьи не могутъ привлечь къ дѣлу постороннія государства, или какія бы то ни было третьи лица, безъ спеціальнаго на то полномочія, выраженнаго въ компромиссѣ и безъ предварительнаго на то согласія со стороны этихъ третьихъ.

Самовольное же вступленіе въ дѣло третьихъ допускается только съ согласія сторонъ, заключившихъ компромиссъ.

Ст. 17. Встрѣчные иски (les demandes reconventionnelles) допускаются предъ третейскимъ судомъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они разрѣшены въ компромиссѣ или когда стороны и судъ согласны ихъ допустить.

Ст. 18. Третейскій судъ постановляетъ рѣшенія согласно съ принципами международнаго права, если впрочемъ компромиссъ не предписываетъ ему иныя правила или не предоставляетъ рѣшеніе на усмотрѣніе самихъ судей.

Ст. 19. Третейскій судъ не можетъ уклониться отъ рѣшенія подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ будто не составилъ себѣ достаточно яснаго понятія о фактахъ дѣла или юридическихъ началахъ, которыя онъ долженъ прилагать.

Онъ обязанъ рѣшать окончательно всѣ спорные пункты. Впрочемъ если компромиссъ не предписываетъ одновременнаго окончательнаго рѣшенія всѣхъ пунктовъ, судъ можетъ, рѣшая

окончательно одни вопросы, отложить рѣшеніе другихъ на будущее время.

Третейскій судъ можетъ постановлять и предварительныя опредѣленія (jugements interlocutoires).

Ст. 20. Окончательное рѣшеніе должно быть постановлено въ срокъ, опредѣленный компромиссомъ или позднѣйшею конвенціею. За отсутствіемъ такого опредѣленія принимается двухлѣтній срокъ, со дня заключенія компромисса. Въ этотъ счетъ не входитъ самый день заключенія послѣдняго, а также время, въ продолженіе котораго неотразимыя обстоятельства (par force majeure) препятствовали одному или нѣсколькимъ судьямъ исполнять лежавшія на нихъ обязанности.

Въ тѣхъ случаяхъ когда судъ, въ силу предварительнаго опредѣленія, наряжаетъ особое слѣдствіе, этотъ срокъ увеличивается на одинъ годъ.

Ст. 21. Всякое окончательное или предварительное рѣшеніе постановляется большинствомъ всѣхъ назначенныхъ судей, даже въ томъ случаѣ, если одинъ или нѣсколько изъ нихъ откажутъ принять въ этомъ участіе.

Ст. 22. Если третейскій судъ найдетъ неосновательными притязанія обѣихъ сторонъ, онъ долженъ заявить объ этомъ и если тому непрепятствуютъ условія компромисса, удостовѣрить настоящее юридическое положеніе сторонъ по спорному дѣлу.

Ст. 23. Рѣшеніе должно быть изложено письменно, съ указаніемъ вызвавшихъ его мотивовъ, если это не оговорено въ компромиссѣ. Оно подписывается каждымъ изъ третейскихъ судей Въ случаѣ отказа въ подписѣ меньшинствомъ, достаточно одной подписи большинства, но съ письменнымъ заявленіемъ объ отказѣ въ подписѣ меньшинства.

Ст. 24. Рѣшеніе съ мотивами, если они изложены, сообщается сторонамъ. Это дѣлается препровожденіемъ копіи съ него (par signification d'une expédition) къ представителю или уполномоченному каждой стороны.

Даже въ томъ случаѣ, если сообщеніе сдѣлано представителю или уполномоченному одной лишь стороны, рѣшеніе суда не можетъ быть измѣнено.

Тѣмъ не менѣе суду предоставлено право, пока не миновалъ срокъ опредѣленный въ компромиссѣ, исправлять простыя

ошибки орѳографіи или вычисленія, даже безъ просьбы о томъ какой либо стороны, а также дополнять свое рѣшеніе разбирательствомъ спорныхъ еще пунктовъ, по желанію одной стороны и послѣ выслушанія другой. Толкованіе же сообщеннаго уже рѣшенія допускается лишь по требованію обѣихъ сторонъ.

Ст. 25. Рѣшеніе, состоявшееся въ установленномъ порядкѣ (duement prononcé) разрѣшаетъ споръ между сторонами.

Ст. 26. Каждая сторона несетъ свои издержки и половину расходовъ по содержанію третейскаго суда независимо отъ той суммы вознагражденія, къ уплатѣ которой та или другая сторона можетъ быть приговорена судомъ.

Ст. 27. Рѣшеніе третейскаго суда недѣйствительно если недѣйствителенъ самый компромиссъ, если судьи превысили свои полномочія или одинъ изъ нихъ дозволилъ себя подкупить и это будетъ доказано, или если они впали въ существенное заблужденіе.

Таковъ первый научный результатъ, достигнутый Институтомъ; по этому уже началу нельзя не желать ему въ будущемъ много такихъ успѣховъ, которые не только обогатили бы науку трудами столь солидными какъ сочиненіе Гольдшмидта, но и оказали бы благодѣтельное вліяніе на практику международныхъ сношеній.

2.

Едва ли можно встрѣтить въ новѣйшемъ медународномъ правѣ договоръ, который вызвалъ бы въ наукѣ и въ жизни столько пререканій и различныхъ сужденій, какъ Вашингтонскій договоръ, заключенный между Англіей и Соединенными Штатами послѣ шестилѣтнихъ споровъ по поводу Алабамы, 8-го мая 1871. Особенную извѣстность пріобрѣли *три правила* шестой статьи этого договора, въ которыхъ выражены теоретическія начала, долженствующія, по мнѣнію обѣихъ сторонъ, служить руководящею нитью для третейскаго суда, назначеннаго Вашингтонскимъ договоромъ для окончанія Алабамскаго спора. *)

Но стороны этимъ не удовольствовались: онѣ не только

*) Вотъ эти правила:

Нейтральное правительство обязано:

1) Употреблять все свое стараніе (d'user de toute due diligence) для то-

желали постановить извѣстныя правила для конкретнаго случая, подлежавшаго судебному разбирательству, но приняли еще на себя, въ той же шестой статьѣ, важное обязательство: «Не только соблюдать эти правила въ будущемъ между собою, но и сообщить ихъ другимъ морскимъ державамъ съ предложеніемъ принять ихъ.» Это послѣднее обязательство остается до сихъ поръ мертвою буквой: благодаря отчасти темной и запутанной редакціи Вашингтонскихъ правилъ, Англія толкуетъ ихъ совершенно иначе чѣмъ Америка, и это разногласіе конечно должно подорвать, а не увеличить, ихъ практическое значеніе. Уже во время постановленія Женевскимъ судомъ своего рѣшенія, 14-го сентября 1872, судья назначенный Англіей, Александръ Кокборнъ, вопреки единогласному постановленію своихъ остальныхъ четырехъ товарищей, высказалъ особое мнѣніе, въ которомъ онъ, между прочимъ, сильно порицалъ неясность трехъ правилъ и особенно пресловутой «due diligence.» Съ тѣхъ поръ голоса противные этимъ правиламъ стали раздаваться въ Англіи все чаще и даже въ Парламентѣ они вызвали много порицателей. Въ мартѣ 1873, Гарди въ Палатѣ Общинъ прямо утверждалъ, что невозможно предложить другимъ нейтральнымъ державамъ принять Вашингтонскія правила, потому что они по своему характеру слишкомъ обременительны и непрактичны и кромѣ того до сихъ поръ не были извѣстны международному праву. Въ то же время и въ Америкѣ эти правила не пріобрѣли особенной популярности, такъ что теперь обѣ стороны видимо охладѣли къ нимъ.

го, чтобы не допускать въ предѣлахъ своей юрисдикціи снаряженія и вооруженія кораблей (équipement et armement de tout vaisseau), назначаемыхъ, по его мнѣнію, ко крейсированію или враждебнымъ дѣйствіямъ противъ дружественнаго для него государства, а также прилагать все стараніе къ тому, чтобы воспрепятствовать отъѣзду изъ предѣловъ своей территоріи (le départ de sa juridiction) такихъ кораблей, которые въ цѣломъ или въ частяхъ были приспособлены въ предѣлахъ его юрисдикціи, къ военнымъ цѣлямъ.

2) Не дозволять ни одной изъ воюющихъ сторонъ обращать его воды или порты въ базисъ для своихъ военно-морскихъ операцій противъ врага, или же пользоваться ими для увеличенія или возобновленія своихъ боевыхъ припасовъ, для снабженія себя оружіемъ и для вербованія людей.

3) Установлять строгій надзоръ въ своихъ водахъ и портахъ (exercer toute due diligence) для того, чтобы никто въ предѣлахъ его юрисдикціи не имѣлъ возможности нарушать вышеозначенныя правила и обязанности.

Между тѣмъ Вашингтонскій договоръ заслуживаетъ самъ по себѣ серіознаго вниманія. Три правила шестой статьи затрогиваютъ многіе изъ важнѣйшихъ, но и запутаннѣйшихъ вопросовъ международнаго права и въ сущности тѣсно связаны съ однимъ изъ его капитальныхъ ученій, съ ученіемъ о нейтралитетѣ. Искони проблемы сюда относящіяся имѣли громаднѣйшее значеніе для жизни и для науки. Вотъ почему естественно что Институтъ назначилъ особую коммиссію для изученія этихъ Вашингтонскихъ правилъ и всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые прямо или косвенно, на практикѣ или въ теоріи, съ ними соединены. Но и въ средѣ Института они вызвали не менѣе разногласій какъ на Женевскомъ судѣ и въ Англійскомъ Парламентѣ.

Послѣ обсужденія проекта Гольдшмидта, главное вниманіе Женевскаго съѣзда было сосредоточено на работахъ представленныхъ второю коммиссіей. Цѣлыя статьи или отдѣльныя замѣчанія о Вашингтонскихъ правилахъ написали Кальво *), Лоримеръ **), Вульси ***), Роленъ-Жекменъ ****), Лауренсъ †) и Моунтэгъ Бернардъ †*).

Не имѣя возможности подробно разобрать всѣ эти болѣе или менѣе заслуживающія вниманія замѣчанія, укажемъ по кранѣй мѣрѣ вкратцѣ на тѣ изъ нихъ, которыя, по нашему мнѣнію, наиболѣе важны для науки.

Первое мѣсто въ ряду этихъ работъ принадлежитъ безспорно Кальво. Его *Разборъ трехъ правилъ, предложенныхъ въ Вашингтонскомъ договорѣ* †**), вполнѣ заслуживаетъ названіе ученаго сочиненія.

Въ немъ по существу три отдѣла: 1) авторъ указываетъ на историческія событія, вызвавшія Вашингтоскій договоръ, говоритъ о его заключеніи и подробно останавливается на преніяхъ сторонъ предъ Женевскимъ судомъ (гл. 1—3); 2) онъ дѣлаетъ, для опредѣленія внутренняго значенія трехъ пра-

*) Revue, 1874, стр. 453.
**) Ib. 542.
***) Ib. 559.
****) Ib 561.
†) Ib. 570.
†*) Ib. 575.
†**) Examen des trois règles de droit international proposées dans le traité de Washington.

вилъ, обстоятельный очеркъ постепеннаго развитія идей нейтралитета не только въ дѣйствительной жизни, со временъ Вестфальскаго мира, но и въ наукѣ международнаго права и въ законахъ отдѣльныхъ передовыхъ государствъ (гл. 4—7), и 3) представляетъ собственый взглядъ на Вашингтонскія правила и на тѣ преобразованія, которыя, по его мнѣнію, требуются современнымъ развитіемъ международной жизни (гл. 8).

Всѣ приводимыя имъ положенія Кальво, со свойственною ему ученостью, подкрѣпляетъ многочисленными ссылками на всѣхъ авторитетныхъ писателей по нашему предмету, а также примѣрами взятыми изъ новѣйшей государственной практики. Для насъ, конечно, наиболѣе интересна послѣдняя часть его труда, гдѣ онъ высказываетъ собственный взглядъ не только на три правила, но и на все ученіе о нейтралитетѣ.

Кальво исходитъ изъ того основнаго положенія, что Вашингтонскій договоръ вовсе не создалъ, какъ утверждаютъ многіе, новыя, дотолѣ международному праву неизвѣстныя правила, приложимыя лишь къ тому особенному случаю, который ихъ вызвалъ. Практика государствъ, ихъ внутренніе законы и мнѣнія многихъ писателей показываютъ намъ, наоборотъ, что эти правила подтверждаютъ лишь принципы, существовавшіе независимо отъ нихъ и задолго до ихъ появленія въ 1871 году. Правда, прежніе законы и трактаты, если только придерживаться ихъ буквы, не высказываютъ эти принципы Вашингтонскаго договора съ такою опредѣленностью и въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, но по духу они существовали и прежде уже, потому что вытекаютъ изъ разума вещей и юридическихъ отношеній, создаваемыхъ нейтралитетомъ. Но, признавая эту заслугу за тремя правилами, Кальво очевидно недоволенъ ихъ содержаніемъ и редакціей. Они не только очень темны, но и видимо останавливаются на полдорогѣ: пререканія между нейтральными и воюющими государствами возникаютъ въ каждой войнѣ и источникъ этихъ нескончаемыхъ споровъ скрывается, помимо эгоистичныхъ интересовъ государствъ, въ неопредѣленности и противорѣчіяхъ самого понятія о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ державъ. Это остается до сихъ поръ однимъ изъ слабѣйшихъ пунктовъ положительнаго международнаго права. Здѣсь необходимы нѣко-

торыя радикальныя реформы, со введеніемъ коихъ получится возможность провести ясную разграничительную линію между правами нейтральныхъ и правами воюющихъ, безъ чего вѣчные соры между ними *принципіально* не могутъ прекратиться. Попытка дѣлаемая въ этомъ направленіи Вашингтонскимъ договоромъ заслуживаетъ одобренія, хотя ея форма не окончена и не удовлетворительна.

Въ виду этого Кальво представляетъ въ концѣ своей статьи проектъ договора, который могъ бы быть принятъ государствами и который опредѣлилъ бы наконецъ главнѣйшіе спорные вопросы нейтралитета *). Во главѣ этого договора онъ совершенно вѣрно ставитъ *принципъ неприкосновенности частной собственности во время морской войны* при тѣхъ же условіяхъ и въ тѣхъ же границахъ, какъ свободна отъ захвата частная собственность во время войны на сушѣ (ст. 1).

Это краеугольный камень во всемъ ученіи о нейтралитетѣ. Въ наукѣ (кромѣ, главнымъ образомъ, англійскихъ писателей) давно уже не подлежитъ спору, что частная собственность должна быть и на морѣ признана неприкосновенною во время войны. Дипломатія старается о томъ же, но робко и нерѣшительно. Парижскій конгрессъ 1856 года отмѣнилъ каперство, но оставивъ за военными кораблями право захватывать купеческія суда непріятеля, создалъ чрезъ это весьма несправедливую привилегію сильныхъ морскихъ державъ въ ущербъ такимъ, которыя имѣютъ лишь слабый военный флотъ или же его вовсе не имѣютъ. Вотъ почему Соединенные Штаты, отвергнувъ эту полумѣру, не согласились подписать первый пунктъ декларація 16-го апрѣля 1856 года (объ отмѣнѣ каперства).

Во время войны 1866 года воюющія стороны признали неприкосновенность купеческихъ кораблей, если они не перевозятъ контрабанды, не пытаются прорвать блокады и если всѣ воюющіе исполняютъ это правило. Въ началѣ войны съ

*) Кромѣ такого общаго договора Кальво предлагаетъ и другой способъ для установленія новыхъ, твердыхъ началъ о нейтралитетѣ между державами, именно: созваніе смѣшанной киммиссіи изъ представителей различныхъ государствъ. Она могла бы выработать коллективную декларацію въ родѣ Парижской, отъ 16-го 1856 года, къ которой постепенно приступили бы всѣ желающія государства.

Франціей въ 1870 году Германія объявила, даже не требуя условія взаимности, что ея военный флотъ не будетъ захватывать торговыя суда непріятеля. Къ сожалѣнію, на практикѣ это благое намѣреніе не было выполнено при страшномъ возбужденіи политическихъ и національныхъ страстей, ознаменовавшемъ войну 1870—71 годовъ.

Въ 1871 году 26-го февраля подписанъ договоръ между Соединенными Штатами и Италіей, заслуживающій полнаго вниманія: оба государства обязуются въ немъ не только не сооружать каперовъ, но и уважать неприкосновенность частной собственности непріятеля какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, за исключеніемъ контрабанды, которая опредѣляется въ довольно тѣсныхъ предѣлахъ.

Кальво предлагаетъ принять принципъ свободы частной собственности въ морскихъ войнахъ со всею его юридическою послѣдовательностью. Статья 1-я его предполагаемаго договора гласитъ: «Государства обязуются во время войны не только не строить каперовъ, но и предписываютъ своимъ военнымъ кораблямъ не захватывать торговыя суда, нейтральныя или непріятельскія, къ какой бы національности ни принадлежалъ собственникъ ихъ груза.» Конечно, это принципъ не безусловный: онъ не прилагается «къ кораблямъ занимающимся морскимъ разбоемъ, или нарушившимъ правильно установленную блокаду, или перевозящимъ контрабанду.»

Таково первое важное улучшеніе въ международной практикѣ, предлагаемое Кальво;—улучшеніе давно уже требуемое многими просвѣщенными умами нашего времени. Съ признаніемъ этого новаго начала тѣсно соединяется вопросъ о точномъ опредѣленіи понятія *контрабанды*. Это понятіе, по замѣчанію Кальво, не только не есть, какъ кажется на первый поверхностный взглядъ, исключеніе изъ принципа неприкосновенности частной собственности, но оно логически изъ него вытекаетъ и представляется даже его необходимымъ условіемъ. Если мы желаемъ, съ одной стороны, уменьшить разрушительныя дѣйствія войны, мы не можемъ, съ другой, содѣйствовать ея продолжительности, то-есть питать ее доставкой воюющимъ контрабанды. Конечно, съ логической и юридической стороны это неопровержимо.

Въ силу этого Кальво настаиваетъ на томъ, чтобы государства согласились наконецъ установить понятіе контрабанды въ ясныхъ и точныхъ предѣлахъ. Трактаты толкуютъ объ этомъ много уже вѣковъ, но за отсутствіемъ въ нихъ твердыхъ общепризнанныхъ началъ, путаница въ ихъ перечисленіяхъ предметовъ контрабанды невообразимая. Это былъ до сихъ поръ самый обильный источникъ для вѣчныхъ споровъ между воюющими и нейтральными. Кальво справедливо отвергаетъ донынѣ существующую, крайне неопредѣленную терминологію относительно контрабанды, какъ-то: названія ея «случайною,» «относительною» и т. д. Предметами контрабанды, говоритъ онъ, торговля которыми воспрещается, должны считаться только: пушки, мортиры, митральезы, ружья, пищали, пистолеты, бомбы, ядра, пули, гранаты, сабли, шпаги, штыки, пики, бердыши, каски, латы, лафеты, порохъ, селитра, сѣра, перевязи, портупеи, патронташи, сѣдла, сбруя и всякіе другіе предметы, приспособленные къ цѣлямъ войны (et autres instruments quelconques fabriqués à l'usage de la guerre) (ст. 3).

Въ своемъ отчетѣ Институту о сочиненіи Кальво Блюнчли замѣчаетъ, что, по его мнѣнію, безполезно перечислять отдѣльные предметы контрабанды. Списки ихъ неизбѣжно измѣняются съ теченіемъ времени. Здѣсь многое зависитъ отъ обстоятельствъ и намѣренія дѣйствующихъ лицъ. Кальво напримѣръ умалчиваетъ о листовомъ желѣзѣ для броненосныхъ судовъ, относящемся очевидно къ контрабандѣ. Еще болѣе заслуживаетъ вниманія возраженіе Нейманна: дѣлаемый Кальво перечень предметовъ контрабанды, говоритъ онъ, я нахожу неудовлетворительнымъ. Кальво не упоминаетъ о лошадяхъ, верховыхъ и ломовыхъ, о машинахъ необходимыхъ для вооруженія корабля, о перевозкѣ оружія, войска, депешъ и т. д. Если мнѣ возразятъ, что въ концѣ этой 3-ей статьи говорится «о всякихъ другихъ предметахъ приспособленныхъ къ войнѣ» — я отвѣчу: надо выбрать одно изъ двухъ: или перечислять предметы контрабанды, какъ сдѣлано въ деклараціи нейтралитета 1780 года, или — что́ мнѣ кажется предпочтительнѣе—употреблять для ихъ обозначенія лишь общіе, но напередъ опредѣленные, точные термины, не допускающіе произвольнаго истолкованія.

Нельзя не согласиться съ этимъ мѣткимъ замѣчаніемъ. Кальво совершенно вѣрно указываетъ на необходимость для государствъ опредѣлить понятіе контрабанды, но это опредѣленіе должно оставаться въ предѣлахъ общихъ принциповъ, а не переходить въ простое перечисленіе предметовъ, всегда неполное и произвольно составленное *).

Свобода нейтральной торговли ограничивается не только относительно предметовъ, но и относительно мѣста. Что касается до *блокады*, то постановленія Парижскаго конгресса о томъ, когда она обязательна, должны быть, по мнѣнію Кальво, соблюдаемы съ присоединеніемъ къ нимъ еще одного условія о ея нотификаціи. Начальникъ одного изъ кораблей, поддерживающихъ блокаду, обязанъ сообщать плывущимъ въ блокируемое мѣсто торговымъ судамъ о существованіи или продолженіи блокады. Это сообщеніе дѣлается посредствомъ занесенія нотификаціи въ корабельныя бумаги купеческаго судна. Шкиперъ послѣдняго въ свою очередь даетъ капитану военнаго корабля росписку въ полученіи такой нотификаціи, въ которой обозначаетъ день, мѣсто или широту мѣста, гдѣ онъ получилъ извѣщеніе о блокадѣ (ст. 2).

Остальныя статьи проектируемаго договора Кальво спеціализуютъ *обязанности нейтральныхъ*:

Государство, желающее пользоваться привилегіей нейтралитета и благами правъ, вытекающихъ изъ послѣдняго, обязано воздерживаться отъ всякаго прямаго или косвеннаго совершенія такихъ дѣйствій, которыя могутъ оказать поддержку или пособіе одному изъ воюющихъ въ ущербъ другому.

Въ силу этого оно должно:

1) запрещать на своей территоріи всякаго рода вербовку матросовъ, солдатъ или добровольцевъ, поступающихъ на военную или морскую службу къ одному изъ воюющихъ;

2) совершенно не допускать сооруженіе, вооруженіе или продажу на счетъ той или другой воюющей стороны парусныхъ или паровыхъ судовъ, которыя предназначаются для военныхъ операцій, крейсированія или транспорта;

*) Вопросъ о военной контрабандѣ подвергся недавно въ нашей литературѣ весьма тщательной обработкѣ въ книгѣ кн. Кантакузина—гр. Сперанскаго. „Опытъ опредѣленія понятія военной контрабанды“. 1875 года. Общіе выводы автора нельзя не одобрить, стр. 118 и 119.

3) противодѣйствовать всякой фабрикаціи или отправкѣ предметовъ, отнесенныхъ 3-ею статьей къ контрабандѣ и назначаемыхъ для одного изъ воюющихъ (ст. 5).

Послѣднее условіе на практикѣ далеко еще не принято: оно значительно стѣсняетъ такъ-называемую пассивную торговлю между воюющими и нейтральными, которая, по мнѣнію многихъ писателей, если иногда и запрещалась нейтральными государствами, то лишь въ силу ихъ свободнаго усмотрѣнія, а не предписанія международнаго права. *)

Государство рѣшившееся оставаться нейтральнымъ въ войнѣ возгорѣвшейся между двумя или нѣсколькими посторонними государствами, должно извѣстить объ этомъ воюющихъ въ теченіи первыхъ трехъ мѣсяцевъ послѣ начала войны (ст. 4).

Блюнчли въ своемъ докладѣ считаетъ эту статью лишнею: всякое государство, говоритъ онъ, продолжающее жить въ мирѣ и воздерживающееся отъ участія въ войнѣ, тѣмъ самымъ нейтрально ipso jure и въ этомъ случаѣ не требуется никакой нотификаціи.

Государство, не имѣющее до сихъ поръ внутреннихъ законовъ, соотвѣтствующихъ всѣмъ приведеннымъ нами постановленіямъ этого договора, непремѣнно обязано немедленно восполнить такой пробѣлъ въ своемъ законодательствѣ, и новыми уголовными законами, и рядомъ административныхъ мѣръ доставить различнымъ своимъ агентамъ возможность скоро и всѣми зависящими отъ нихъ средствами предупреждать и пресѣкать всякія нарушенія строгаго нейтралитета какъ на сушѣ, такъ и на морѣ (ст. 6).

Эта статья необходима: государства нерѣдко подписываютъ договоры и потомъ вовсе не заботятся о приспособленіи къ нимъ своихъ внутреннихъ законовъ, что́ на практикѣ равно неисполненію самихъ договоровъ.

Всякая небрежность со стороны государства въ исполненіи

---

*) Такъ напримѣръ во время Франко-Прусской войны Австрія, Данія, Швейцарія и Италія запретили своимъ подданнымъ производить на своей же территоріи торговлю оружіемъ и боевыми припасами. „Нейтральное государство, говоритъ князь Кантакузинъ—графъ Сперанскій, можетъ, если пожелаетъ, воспретить подобныя дѣянія, но воюющія стороны не въ правѣ требовать подобнаго стѣсненія торговой свободы". Назв. соч. стр. 83—85.

этихъ обязанностей, влекущая за собою неблагопріятныя послѣдствія для воюющихъ, можетъ немедленно лишить государство привилегіи нейтралитета и сдѣлать его отвѣтственнымъ за убытки причиненные имъ вслѣдствіе того постороннему государству или же его подданнымъ (ст. 7).

Здѣсь опять мы не можемъ не согласиться съ поправкой Блюнчли: эта статья, по его мнѣнію, опасна и излишне строга. Небрежность сама по себѣ не лишаетъ еще государства правъ нейтралитета. Для этого нужно, a) чтобы государство нарушило дѣйствительно серіозно свои обязанности и этимъ нанесло бы воюющимъ большой вредъ, и b) чтобы правонарушеніе совершилось не въ силу небрежности (négligence), а съ умысломъ (infraction volontaire).

Послѣдняя (8) статья признаетъ за нейтральными государствами, строго и добросовѣстно (bona fide) соблюдающими свои обязанности, право свободно торговать съ воюющими, подъ условіемъ соблюденія постановленій о контрабандѣ и блокадѣ.

Мы остановились такъ подробно на выводахъ Кальво потому, что они, за исключеніемъ нѣкоторыхъ указанныхъ выше пунктовъ, заслуживаютъ полное одобреніе по своей строгой юридической послѣдовательности и вполнѣ вѣрному пониманію существа нейтралитета. Все въ трудѣ Кальво мотивировано фактами исторіи и мнѣніями писателей, которыхъ онъ буквально приводитъ, и всѣ его положенія сведены къ цѣльной и весьма ясной системѣ.

Совершенно иное впечатлѣніе производитъ записка Лоримера. Онъ не только порицаетъ, какъ большинство членовъ Института, неудачную редакцію Вашингтонскихъ правилъ, но даже отвергаетъ самый ихъ принципъ. Его воззрѣнія часто мѣтки и оригинальны, но иногда и парадоксальны. Мы остановимся на нихъ, потому что они защищая, по выраженію самого Лоримера, старое международное право противъ неудачныхъ попытокъ какихъ-то нововведеній со стороны Вашингтонскаго договора, являются діаметральною противоположностью выводамъ Кальво.

Донынѣ дѣйствующее международное право, говоритъ онъ, проводило при опредѣленіи нейтралитета рѣзкую грань между государствами и ихъ подданными, какъ частными лицами.

Государства, т. е. всѣ органы правительства, должны ни въ чемъ не проявлять своего участія къ воюющимъ, если они хотятъ быть нейтральными. Они обязаны не оказывать имъ никакой матеріальной поддержки: ни продавать, ни давать что-либо взаймы и т. д. Различіе предметовъ здѣсь не имѣетъ значенія. Соединенные Штаты очевидно нарушили свой нейтралитетъ въ 1870 году, когда они продавали Франціи изъ государственныхъ арсеналовъ оружіе и аммуницію. Но они въ такой же степени нарушили бы нейтралитетъ, еслибъ ихъ правительственные органы торговали напримѣръ пивомъ или сухарями. Нарушеніе здѣсь заключается не въ предметѣ торговли, а въ самомъ дѣйствіи, совершаемомъ представителями государства. *Все* что́ принадлежитъ государству, не должно быть продаваемо воюющему. Наоборотъ, отдѣльные граждане нейтральныхъ государствъ сохраняютъ свою полную индивидуальную свободу: они могутъ вступать въ ряды войска той или другой воюющей стороны, покупать, продавать, заключать займы съ одною или же съ обѣими воюющими сторонами. Даже ограниченія права полной свободы нейтральной торговли конфискованіемъ предметовъ контрабанды или захватомъ кораблей нарушившихъ блокаду являются въ сущности не стѣсненіемъ правъ нейтральныхъ, а лишь приложеніемъ правъ воюющихъ, которыя обязательны и для нейтральныхъ гражданъ. *) Съ своей стороны нейтральное государство во всемъ этомъ не несетъ никакой отвѣтственности: удается ли воюющему приложить свое право или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ и частныя лица, попавшіяся въ нарушеніи правъ воюющаго, отъ этого не особенно много теряютъ, благодаря высокимъ цѣнамъ, устанавляемымъ въ военное время за страхованіе и перевозъ груза.

Все что́ воюющіе только могутъ пріобрѣсти за деньги или благодаря сочувствію, которое вызываетъ ихъ дѣло за границей (for love or money), они въ правѣ пріобрѣтать. Это составляетъ необходимыя средства войны. Нейтралитетъ, препятствующій воюющимъ исчерпать всѣ ихъ средства (d'épuiser leurs ressources), очевидно противенъ цѣли войны. Напра-

*) Ce n'est pas une restriction du droit des neutres, mais la consécration d'un droit des belligérants. Le belligérant exerce ici un droit de la guerre que le neutre respecte.

сно будемъ мы думать, что такимъ нейтралитетомъ ускорится заключеніе мира. Миръ искусственно установленный, то-есть до полнаго истощенія противниковъ, есть не болѣе какъ простое перемиріе, которое нарушится стороной болѣе сильною при первой же возможности.

Въ силу этихъ же соображеній мы не въ правѣ препятствовать гражданамъ нейтральнаго государства вступать въ ряды войска государствъ воюющихъ. Они не прикрѣплены къ землѣ своего отечества (adscripti glebae) и сохраняютъ не только право на свободную торговлю, но и на полную свободу всѣхъ своихъ дѣйствій.

Великій принципъ свободы торговли не долженъ быть ограничиваемъ и въ отношеніяхъ воюющихъ къ нейтральнымъ. Только съ полнымъ его признаніемъ дѣлается возможнымъ дѣйствительный нейтралитетъ. Англія не нарушила, какъ Америка въ 1870, нейтралитета: торговлю оружіемъ у нея производили частныя лица. И что́ же? Только благодаря этой торговлѣ, Германія получила возможность одержать столь совершенную побѣду надъ Франціей. Никогда никакой доброжелательный нейтралитетъ Англіи не былъ бы Германіи такъ полезенъ, какъ это простое соблюденіе нашихъ обязанностей, восклицаетъ Лорримеръ. *) Онъ дѣлаетъ еще шагъ далѣе и видимо склоняется на сторону безусловной свободы торговли даже между воюющими. Какъ ни парадоксально покажется это мнѣніе, продолжаетъ онъ, но можно бы утверждать, что Германіи было бы выгоднѣе въ 1870 году продавать Франціи все захваченное ею оружіе подъ Седаномъ, Мецомъ и т. д. по его настоящей цѣнѣ (если она сама въ немъ не нуждалась), чѣмъ хранить его для украшенія торжественнаго вступленія нѣмецкихъ войскъ въ Берлинъ. И такой оборотъ она должна была бы повторять до тѣхъ поръ, пока только она могла забирать оружіе и пока Франція имѣла возможность покупать его у ней. Это было бы вполнѣ согласно съ прин-

*) Мы не раздѣляемъ этого воззрѣнія эдинбургскаго профессора: нейтральные обязаны, насколько отъ нихъ зависитъ, всѣми средствами ограничивать и стѣснять продолжительность и область войны, а поэтому восхваляемыя здѣсь торговыя операціи Англичанъ имѣли, между прочимъ, то печальное послѣдствіе, что глубже прорыли пропасть ненависти, отдѣляющую Францію отъ Германіи съ 1870 года.

ципами не только политической экономіи, но и, какъ я думаю, военной. Вмѣсто того, отсылая въ Берлинъ ненужное желѣзо, Германія упустила для него лучшаго покупателя и нанесла сама себѣ, какъ воюющей сторонѣ, большой убытокъ. Барыши, отъ которыхъ она отказалась, пошли въ карманы Англичанъ и Американцевъ.

Лоримеръ видимо до того увлекается теоріями политической экономіи, что желаетъ на идеяхъ пользы и выгоды построить всю область международныхъ отношеній. Попытка едвали удачная: эти идеи по природѣ исключительны и эгоистичны и поэтому никогда не могутъ замѣнить права, которое не разъединяетъ людей, подобно этимъ идеямъ, но напротивъ сближаетъ ихъ и указываетъ ихъ дѣятельности пути наиболѣе согласные съ благосостояніемъ не однихъ отдѣльныхъ лицъ, но и всѣхъ людей. Наше мнѣніе о Лоримерѣ подтверждается его воззрѣніемъ на неприкосновенность частной собственности на морѣ. Онъ врагъ этой неприкосновенности. Его доводы весьма оригинальны. Захватъ частной собственности на морѣ, говоритъ онъ, есть самое гуманное изъ военныхъ средствъ (c'est assurément le plus humain des moyens de guerre). Легче совершенно уничтожить войну, чѣмъ ограничить ее лишь пролитіемъ крови. Вмѣсто признанія неприкосновености частной собственности на морѣ слѣдовало бы, напротивъ, желать, чтобы война состояла исключительно въ захватѣ частной собственности непріятеля. Этотъ захватъ во время войны (мы приводимъ буквально слова Лоримера) есть просто приложеніе принципа свободной торговли къ военнымъ дѣйствіямъ, гдѣ борьба (le combat) ex hypothesi заступаетъ мѣсто торговли и кража замѣняетъ продажу. Въ этомъ не только нѣтъ противорѣчія, но, какъ мнѣ кажется, захватъ защищается тѣми же доводами какъ и продажа, если она его замѣняетъ. Конечно гуманнѣе было бы на войнѣ разорять имущество непріятеля, нежели убивать людей, но до сихъ поръ исторія не знаетъ такихъ войнъ. Дѣло не въ томъ что̀ выгодно воюющимъ, а въ томъ, что и они, среди разгара дикихъ страстей, обязаны уважать предписанія права. Разграбленіе же частнаго имущества (гдѣ бы оно ни совершалось, на морѣ или на сушѣ) противно этимъ предписаніямъ права и обращаетъ войну въ разбой, заниматься которымъ могутъ орды хищниковъ

(въ родѣ баши-бузуковъ), а не войска цивилизованныхъ государствъ.

Переходя спеціально къ Вашингтонскимъ правиламъ, Лоримеръ, какъ замѣчено нами выше, отвергаетъ ихъ въ принципѣ. По его мнѣнію они стараются утвердить въ области международнаго права новыя правила, которыя отчасти можно уже замѣтить въ законахъ Соединеныхъ Штатовъ о нейтралитетѣ 1794 и 1818 (донынѣ дѣйствующихъ), а также въ знаменитыхъ постановленіяхъ Парламента 1819 и 1870, изданныхъ по американскому образцу, съ цѣлію воспретить англійскимъ подданнымъ вступленіе на военную службу воюющихъ государствъ *).

Помимо редакціонныхъ неточностей и чрезвычайной эластичности терминовъ, употребляемыхъ въ нихъ, Лоримеръ называетъ всѣ эти законы неудовлетворительными: они возлагаютъ, говоритъ онъ, на нейтральныя правительства бремя такой отвѣтственности, принимать которую никогда бы не слѣдовало. Логическое проведеніе принциповъ Вашингтонскихъ правилъ должно имѣть своимъ послѣдствіемъ полное и абсолютное запрещеніе всякой нейтральной торговли. Вотъ ихъ идеалъ! Но даже еслибъ они достигли его, они этимъ не прекратили бы споры между нейтральными и воюющими. И это понятно само-собою: никогда никакое правило не можетъ въ равной степени удовлетворять обѣимъ воюющимъ сторонамъ. Все что̀ для одной изъ нихъ составляетъ здоровую пищу, будетъ съ тѣмъ вмѣстѣ ядъ для другой. Стѣсняя или даже вовсе запрещая торговлю нейтральныхъ, мы въ сущности не оберегаемъ нашъ нейтралитетъ, а отвергаемъ его. Мы лишаемъ воюющаго возможности пользоваться главнымъ двигателемъ войны (nerf de la guerre), деньгами, и значитъ оказываемъ пособіе той сторонѣ, которая менѣе или вовсе не нуждается въ нашихъ товарахъ. Нейтралитетъ, доведенный до такой крайности, переходитъ въ отрицаніе самого себя и государство изъ нейтральнаго становится воюющею стороной.

Въ заключеніе Лоримеръ полагаетъ, что можно принять лишь два слѣдующія правила: 1) воспретить совершенно торговлю кораблями между нейтральными и воюющими, и 2) признать

*) Это такъ-называемые Foreign Enlistmen Acts.

нейтральными даже военные корабли, построенные по порученію воюющихъ или проданные имъ частными лицами и пока эти корабли остаются въ нейтральныхъ водахъ. Съ выходомъ ихъ изъ этихъ водъ они конечно подвергаются осмотру и захвату со стороны воюющихъ.

Мы старались, насколько возможно, вѣрно передать общій ходъ мыслей эдинбургскаго профессора. Онѣ безспорно заслуживаютъ вниманія по логичности и остроумію, но въ цѣломъ мы не можемъ ихъ принять. Главное заблужденіе Лоримера состоитъ, по нашему мнѣнію, въ томъ, что онъ политико-экономическія понятія о свободѣ торговли хочетъ приложить къ опредѣленію существа нейтралитета и при этомъ строитъ послѣдній не на твердыхъ началахъ права, а на сбивчивыхъ и до безконечности эластичныхъ понятіяхъ «выгоды» и «интересовъ». Весьма дѣльно возражаетъ ему Роленъ въ своей запискѣ о тѣхъ же Вашингтонскихъ правилахъ.

Лоримеръ полагаетъ, что прочный миръ бываетъ лишь тогда, когда воюющіе вполнѣ исчерпаютъ всѣ средства, которыми они могутъ располагать для веденія войны. Въ такомъ случаѣ войны между цивилизованными народами приняли бы самый истребительный характеръ. Съ одной стороны, воюющіе стали бы напрягать всѣ свои силы, весь кредитъ для закупки оружія у нейтральныхъ купцовъ, съ другой, богатые нейтральные торговцы изощрялись бы всѣми средствами извлекать наибольшія выгоды изъ возбужденія страстей воюющихъ, желая при этомъ лишь продленія агоніи побѣжденнаго и такого періода своихъ исключительныхъ барышей. Но неужели война должна оканчиваться истребленіемъ противника? Сколько перемирій обратились со временемъ въ прочный миръ, когда воюющіе успѣли нѣсколько успокоиться и зрѣлѣе взвѣсить свои дѣйствительные интересы. Принципъ мира, лежащій въ основаніи Вашингтонскихъ правилъ, указываетъ намъ объемъ ихъ дѣйствія. Они не должны возлагать на нейтральныя государства излишнюю и крайне обременительную отвѣтственность. Намѣреніе причинить вредъ дружественной странѣ должно вытекать изъ самаго факта, на столь важнаго и ясно опредѣляемаго, что его можно предупредить обыкновенными мѣрами предосторожности.

Нейтралитетъ, вѣрно замѣчаетъ Роленъ, не создаетъ исклю-

чительнаго положенія для государствъ. Державы нейтральныя продолжаютъ и во время войны жить со всѣми въ мирѣ. Отсюда вытекаетъ и главная ихъ обязанность: не допускать, насколько отъ нихъ зависитъ, такихъ дѣйствій на своей территоріи, которыя могли бы ее обратить до нѣкоторой степени въ базисъ военныхъ операцій, или въ мѣсто враждебныхъ предпріятій противъ страны, съ которою онѣ продолжаютъ поддерживать дружественныя сношенія.

Совершенно въ такомъ же духѣ высказался и Блюнчли. Въ докладѣ, представленномъ имъ Институту *) о работахъ второй коммиссіи, онъ старается установить нѣкоторые общіе выводы, вытекающіе, по его его мнѣнію, изъ принциповъ Вашингтонскихъ статей. Для этого онъ предлагаетъ сперва три отрицательныя положенія, которыя должны точнѣе опредѣлить предметъ обсужденій Института. Онъ думаетъ поэтому, что слѣдуетъ: 1) оставить въ сторонѣ вопросъ о морскихъ призахъ; 2) не произносить сужденія о приговорѣ Женевскаго суда, при разборѣ трехъ Вашингтонскихъ правилъ, и 3) не касаться также всего что относится къ торговлѣ оружіемъ.

Затѣмъ Блюнчли формулуетъ четыре положительныхъ вывода объ этихъ правилахъ. **)

1) Три правила Вашингтонскаго договора, отъ 8-го мая 1871 года, не вводятъ въ международное право никакого новаго принципа. Они являются только яснымъ приложеніемъ того общепризнаннаго юридическаго начала, въ силу котораго нейтральное государство, желая продолжать мирныя и дружественныя сношенія съ воюющими и пользоваться правами нейтралитета, обязано воздерживаться отъ всякаго участія въ войнѣ, посредствомъ дарованія военной помощи одной изъ воюющихъ сторонъ, или обѣимъ вмѣстѣ, а также оно должно наблюдать за тѣмъ, чтобъ его территорія не была занята или приспособляема (utilisé et usurpé) третьими лицами (иностранными войсками или частными лицами) для военныхъ цѣлей.

2) Нарушеніе нейтральнымъ государствомъ этой обязанности не предполагается: оно должно быть доказано, если

*) *Revue* 1875, стр. 127.

**) *Ib.*, 1874, стр. 581.

оно не признано и не очевидно само по себѣ (ni avouée, ni notoire), какъ въ томъ случаѣ, если государство обвиняютъ въ зломъ умыслѣ (dolus), такъ и въ томъ, если его упрекаютъ въ простой небрежности (culpa).

3) Государство потерпѣвшее отъ нарушенія нейтральною державой ея обязанностей имѣетъ право только въ важныхъ случаяхъ и лишь во время продолженія войны считать такой нейтралитетъ нарушеннымъ и для своей защиты прибѣгнуть къ оружію противъ государства дотолѣ считавшагося нейтральнымъ.

Въ случаяхъ же маловажныхъ и когда война уже окончена, подобные споры подлежатъ исключительно разбирательству третейскаго суда. *)

4) Третейскій судъ постановляетъ ex bono et aequo сумму убытковъ съ процентами (dommages-intérêts), которую нейтральное государство въ силу своей отвѣтственности обязано выплатить потерпѣвшему государству.

Институтъ для своихъ преній положилъ въ основаніе эти предложенія Блюнчли. На Женевскомъ съѣздѣ въ преніяхъ участвовали Пьерантони, Гольцендорфъ, Вестлекъ, Есперсонъ, Лавеле и многіе другіе. **) Пьерантони замѣтилъ что Вашингтонскія правила высказываютъ новыя идеи, но въ формѣ весьма неясной и сбивчивой.

Напротивъ, Гольцендорфъ утверждалъ, что они новы не въ теоріи, но на практикѣ. Вестлекъ поставилъ на видъ, что по причинѣ разногласій, вызванныхъ этими правилами, нельзя желать чтобъ они буквально перешли въ положительное международное право путемъ договоровъ или инымъ способомъ. Ихъ принципъ заслуживаетъ одобренія, но сами они нуждаются въ иной редакціи. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ преній вторая коммиссія не могла еще окончить свои занятія въ Женевѣ. Рѣшили присоединить къ ней нѣсколько новыхъ членовъ: гг. Ассера, Манчини, Нейманна и Вестлека и поручить ей представить къ слѣдующей сессіи *проектъ новой ре-*

---

*) Въ этомъ отношеніи Блюнчли очевидно желаетъ возвести въ принципъ третейское разбирательство такихъ дѣлъ какъ Алабама, и въ этомъ нельзя не видѣть идею вполнѣ вѣрную.

**) *Revue*, 1874, стр. 600.

дакціи Вашингтонскихъ правилъ, болѣе полный и юридически-точный чѣмъ текстъ договора 8-го мая 1871 года.

Предъ третьимъ съѣздомъ Института Блюнчли обратился къ членамъ коммиссіи съ проектомъ такой редакціи изъ семи статей. На его предложенія прислали свои замѣчанія и оговорки Лоримеръ, Нейманнъ, Роленъ и Вестлекъ. *) Особенно заслуживаютъ вниманія мнѣнія двухъ первыхъ изъ нихъ. Лоримеръ представилъ также изъ семи статей собственный проектъ новаго изложенія идей, долженствующихъ замѣнить Вашингтонскія правила, причемъ онъ кратко формуловалъ тѣ выводы, съ которыми мы уже успѣли познакомиться выше изъ его записки.

Весьма сильно возстаетъ противъ современной редакціи трехъ правилъ Нейманнъ въ своемъ письмѣ къ Блюнчли: чѣмъ болѣе я обдумываю эти правила, пишетъ онъ, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что они должны исчезнуть въ спорахъ, какъ Рейнъ въ пескѣ. Являясь жалкою полумѣрой, они запутываютъ великіе вопросы, а не упрощаютъ и не разрѣшаютъ ихъ; грѣша своимъ основаніемъ, они не поражаютъ корень зла. Я позволилъ себѣ на нашемъ съѣздѣ, въ Женевѣ, указать на ихъ капитальный недостатокъ, но мой уважаемый товарищъ, г. Вестлекъ, поспѣшилъ заявить свой протестъ. Я понимаю: какъ Англичанинъ и англійскій юристъ, воспитанный въ славныхъ преданіяхъ судебнаго сословія своей страны, онъ дѣйствовалъ по глубокому личному убѣжденію. Но если его великій и гордый народъ уже на конгрессѣ 1856 года не могъ отчасти не уступить желаніямъ и настойчивымъ требованіямъ всей Европы, Англія рано или поздно будетъ вынуждена признать и этотъ первый главный принципъ «неприкосновенности частной собственности на морѣ во время войны». Вотъ, по моему мнѣнію, альфа и омега всего вопроса. Съ признаніемъ этого основнаго принципа, вошедшаго уже въ правосознаніе человѣчества и принятаго не только современною наукой, но и многими новѣйшими законодательствами и трактатами, весь вопросъ сводится къ самымъ простымъ понятіямъ, отвѣтственность нейтральныхъ правительствъ получаетъ гораздо тѣснѣйшія и опредѣленнѣйшія

*) *Revue*, 1875, стр. 427—438.

границы и дѣло контроля и надзора достигаетъ наибольшаго удобства. *)

Многознаменательна (въ теоріи) и крайне безплодна (на практикѣ) оказывается отмѣна каперства Парижскою декларацiей 1856 года. Съ одной стороны, для кущовъ непріятеля, собственность которыхъ захватывается, рѣшительно все равно кто конфискуетъ ее, каперъ ли или военный корабль; съ другой, несмотря, или вѣрнѣе именно вслѣдствіе отмѣны каперства, болѣе сильные флоты поставлены отнынѣ въ привилегированное положеніе очищать всѣ моря (de balayer toutes les mers) и захватывать исключительно частную собственность непріятеля, особенно если обратить вниманіе на *неопредѣленность*, въ которой *поверхностная* и *неясная* (fugitive et superficielle) декларація 1856 года оставила понятія о военной контрабандѣ и блокадѣ, такъ точно опредѣленныя въ актахъ обоихъ вооруженныхъ нейтралитетовъ 1780 и 1800 годовъ. Поэтому я могу только одобрить столь же ясный, изящный какъ и глубоко-продуманный трудъ нашего уважаемаго члена г. Кальво, хотя я и не раздѣляю всѣ его выводы въ равной степени.

Рожденныя изъ потребности минуты, отвергнутыя одною изъ договаривавшихся сторонъ въ самомъ началѣ переговоровъ, подлежащія весьма противоположнымъ толкованіямъ,— эти три правила скрываютъ въ себѣ скорѣе зародыши будущихъ пререканій, нежели способствуютъ уменьшенію или смягченію войнъ. Надо наконецъ выдти изъ этой дипломатической путаницы (imbroglio diplomatique), отказаться отъ безплодной работы и ухаживанья за неизлѣчимымъ больнымъ,— я говорю о трехъ правилахъ,—и стать на ту твердую почву, указанную г. Кальво, которая одна достойна быть воздѣлана Институтомъ Международнаго Права.

На основаніи полученныхъ замѣчаній Блюнчли измѣнилъ и дополнилъ свой первоначальный текстъ. Институтъ затѣмъ принялъ этотъ текстъ на съѣздѣ въ Гагѣ почти буквально (съ опущеніемъ лишь нѣкоторыхъ маловажныхъ словъ). Вотъ этотъ текстъ:

*) Институтъ, какъ увидимъ далѣе, назначилъ особую коммиссію для разработки этого принципа неприкосновенности частной собственности въ морскихъ войнахъ, который Нейманнъ такъ справедливо называетъ „основнымъ“ для современнаго международнаго права.

Проектъ новой редакціи трехъ Вашингтонскихъ правилъ, принятый Институтомъ.

I. Государство нейтральное, желая оставаться въ мирныхъ и дружественныхъ сношеніяхъ съ воюющими и пользоваться правами нейтралитета, **) обязано воздерживаться отъ всякаго участія въ войнѣ посредствомъ дарованія военной помощи одной изъ воюющихъ сторонъ или обѣимъ вмѣстѣ, а также оно должно наблюдать за тѣмъ, чтобъ его территорія не послужила центромъ устройства или точкой отправленія враждебныхъ предпріятій противъ одного изъ воюющихъ или противъ обоихъ.

II. Въ силу этого нейтральное государство не можетъ предоставлять въ какое-либо пользованіе или продавать воюющимъ сторонамъ свои военные или транспортные корабли, запасы своихъ арсеналовъ и военныхъ складовъ, въ видахъ содѣйствія веденію войны. Кромѣ того, нейтральное государство должно также надзирать за тѣмъ, чтобы посторонніе лица не доставляли въ его гаваняхъ или моряхъ, подвластныхъ его юрисдикціи, ни одному изъ воюющихъ военныхъ кораблей.

III. Если нейтральное государство получитъ свѣдѣнія о подобныхъ предпріятіяхъ и дѣйствіяхъ, несовмѣстимыхъ съ нейтралитетомъ, оно обязано принять необходимыя мѣры для ихъ пресѣченія и для привлеченія къ отвѣтственности лицъ провинившихся въ нарушеніи обязанностей нейтралитета.

IV. Въ равной степени нейтральное государство не должно ни дозволять, ни допускать, чтобъ одинъ изъ воюющихъ пользовался его гаванями или водами, какъ базисомъ морскихъ операцій противъ другаго, или чтобы военно-транспортные корабли входили въ его гавани или воды съ цѣлію возобновленія или увеличенія своихъ боевыхъ припасовъ, оружія или же вербованія людей.

V. Одинъ матеріальный фактъ враждебнаго дѣйствія, совершеннаго на нейтральной территоріи, самъ по себѣ не доста-

---

*) *Revue*, 1875 года, стр. 282.

**) Замѣтимъ кстати различіе въ терминологіи сравнительно съ договоромъ, предлагаемымъ Кальво: здѣсь говорится о *правахъ* нейтралитета, а не о привилегіи (bénéfice), и это конечно вполнѣ вѣрно, — нейтралитетъ есть право каждаго самостоятельнаго государства.

точенъ для того, чтобы сдѣлать отвѣтственнымъ нейтральное государство. Требуется для признанія его виновнымъ въ нарушеніи его обязанностей доказательство либо враждебнаго намѣренія (dolus) съ его стороны, либо очевидной небрежности (culpa).

VI. Государство, потерпѣвшее отъ нарушенія нейтральною державой ея обязанностей, въ правѣ считать такой нейтралитетъ прекратившимся и прибѣгнуть къ оружію для своей защиты противъ государства нарушившаго нейтралитетъ, но только въ важныхъ и необходимыхъ случаяхъ и то лишь во время продолженія войны.

Напротивъ, въ случаяхъ маловажныхъ и не представляющихъ необходимости или же когда война уже окончена, споры подобнаго рода принадлежатъ исключительно разбирательству третейскаго суда (à la procédure arbitrale).

VII. Третейскій судъ постановляетъ ex bono et aequo сумму убытковъ съ процентами, которую нейтральное государство, въ силу своей отвѣтственности, обязано выплатить или самому потерпѣвшему государству, или его подданнымъ.

Эти постановленія не были приняты Институтомъ единогласно. Наиболѣе съ ними разошелся, какъ и слѣдовало ожидать, Лоримеръ. Какъ бы въ отвѣтъ на нихъ онъ представилъ особое мнѣніе, въ которомъ изложилъ свое воззрѣніе на основной принципъ нейтралитета, на обязанности государствъ, какъ юридическихъ лицъ (en qualité corporative), на предѣлы этихъ обязанностей по отношенію къ гражданамъ, какъ отдѣльнымъ лицамъ (limites de la responsabilité de l'Etat neutre envisagé comme aggrégation de particuliers), и на вопросъ о вербованіи нейтральныхъ поддапныхъ въ особенности *).

Мы не остановимся на этихъ выводахъ Лоримера, потому что они въ принципѣ намъ уже извѣстны и представляютъ только болѣе точное и полное выраженіе тѣхъ отдѣльныхъ его положеній, за которыя онъ стоялъ съ самаго начала своего вступленія во вторую коммиссію. Это не мѣшаетъ намъ однако серіозно рекомендовать замѣчанія Лоримера каждому интересующемуся важными вопросами нейтралитета.

Что касается до постановленія, принятаго Институтомъ, то

*) *Revue*, 1875 года, стр. 669—674.

оно видимо не идетъ такъ далеко какъ проектированный договоръ Кальво. Отчасти это объясняется основнымъ характеромъ Института—оставаться на почвѣ положительнаго права и стремиться къ такимъ улучшеніямъ послѣдняго, которыя не только желательны, но и осуществимы при существующихъ юридическихъ и политическихъ воззрѣніяхъ и условіяхъ жизни; отчасти же это объясняется еще тѣмъ, что многіе важные, хотя и связанные съ Вашингтонскими правилами, вопросы отнесены Институтомъ къ будущимъ спеціальнымъ работамъ; таковы, напримѣръ, вопросы о неприкосновенности частной собственности на морѣ, объ устройствѣ призовыхъ судовъ и т. д. Конечно, отъ подобной спеціализаціи ученыя работы Института могутъ только выиграть: спѣшить нечего тамъ, гдѣ имѣется въ виду на первомъ планѣ достиженіе прочныхъ и благотворныхъ для науки и жизни результатовъ.

Какая же однако участь, спросимъ мы въ заключеніе, ожидаетъ въ ближайшемъ будущемъ три пресловутыя правила Вашингтонскаго договора? Прежде всего очевидно, говоритъ Роленъ-Жекменъ, *) что они не могутъ быть приняты или даже предложены въ ихъ настоящей формѣ. Но съ другой стороны, мы не полагаемъ также, чтобъ они были обречены на полное забвеніе. Ихъ торжественное принятіе двумя великими державами, обязавшимися рекомендовать ихъ прочимъ государствамъ, представляетъ само по себѣ событіе настолько важное, что его невозможно считать просто не совершившимся. Такой исходъ дѣла былъ бы поистинѣ такъ печально смѣшонъ, что для чести высокихъ сторонъ, подписавшихъ Вашингтонскій договоръ, его слѣдуетъ считать невозможнымъ. А въ такомъ случаѣ представляются лишь два исхода: или принять три правила въ новой редакціи, или соединить ихъ въ болѣе или менѣе измѣненной или же распространенной формѣ съ другими новыми правилами, которыя дополнятъ или разовьютъ ихъ настолько, что они будутъ въ состояніи удовлетворять самымъ разнообразнымъ интересамъ.

---

*) *Revue*, 1875 года, стр. 78.

3.

О работахъ *третьей коммиссіи*, по частному международному праву мы можемъ пока сообщить лишь нѣкоторыя общія замѣчанія, потому что она до сихъ поръ, какъ сказано выше, еще не окончила свои занятія и только отчасти обнародовала труды своихъ членовъ. Но и этого уже достаточно, чтобъ обратить на нее серіозное вниманіе всѣхъ просвѣщенныхъ юристовъ нашего времени. Безъ преувеличенія можно сказать, что если этой коммиссіи удастся выполнить задуманный ею планъ, Институтъ окажетъ одну изъ величайшихъ услугъ наукѣ права во всей ея совокупности, то-есть не только въ области международного, но и въ области гражданскаго и уголовнаго права.

Подобно тому какъ остальныя, учрежденныя Институтомъ коммиссіи трудятся надъ разработкой главнѣйшихъ вопросовъ публичнаго международнаго права, третья коммиссія предприняла такой же трудъ въ сферѣ частнаго международнаго права. Задача громадная и едва ли достижимая для силъ отдѣльнаго человѣка!

На этомъ основаніи насъ интересуютъ уже первые шаги, сдѣланные этою коммиссіей въ первые годы ея дѣятельности, насколько мы можемъ судить по напечатаннымъ ею трудамъ.

Оба докладчика ея, гг. Манчини и Ассеръ, раздѣлили между собой трудъ такимъ образомъ, что первый занялся общею частью и гражданскимъ правомъ, а второй — гражданскимъ процессомъ. Остальные отдѣлы частнаго международнаго права оставлены ими пока въ сторонѣ.

Къ Женевскому уже съѣзду Манчини представилъ *отчетъ* объ основныхъ руководящихъ принципахъ, долженствующихъ по его мнѣнію лечь въ основаніе всей системы гражданскаго международнаго права. *) По глубинѣ, ясности и изяществу изложенія эта записка можетъ быть названа образцовою: въ немногихъ словахъ авторъ указываетъ на путь, по которымъ шла до сихъ поръ эта отрасль права и на тотъ новый путь, на который она должна отнынѣ вступить, если желаетъ достигнуть самостоятельности и послѣдовательности отдѣльной системы права. Кратко, но какъ нельзя болѣе дѣльно онъ

*) *Revue*, 1875, стр. 329—363.

очерчиваетъ существующія ученія о разрѣшеніи столкновеній между законами различныхъ странъ и затѣмъ представляетъ свою систему частнаго международнаго права. Не можемъ не остановиться на ней, хотя въ общемъ, сжатомъ очеркѣ.

Манчини начинаетъ съ того, что отвергаетъ возможность единаго гражданскаго кодекса для всѣхъ народовъ. Такой кодексъ конечно прекратилъ бы столкновенія между законами, но онъ пока не только неосуществимъ, но даже и не желателенъ. Кодификація въ этой области возможна только для тѣхъ общихъ и основныхъ началъ права, которыя вытекаютъ изъ самой природы человѣка и существуютъ независимо отъ историческихъ условій и особенностей каждаго народа въ отдѣльности. Всѣ системы гражданскаго права содержатъ въ себѣ не только эти общія начала, но и постановленія, вышедшія изъ національнаго развитія того народа, гдѣ они возникли. Нельзя желать чтобы гражданское право утратило совершенно свои національныя основанія и принципы. Стремленія къ одному кодексу для человѣчества осуществимы поэтому развѣ въ области морскаго и торговаго права. Здѣсь мы можемъ ожидать въ ближайшемъ будущемъ принятія, по крайней-мѣрѣ цивилизованными народами, одного общаго торговаго и морскаго уложенія.

Итакъ необходимо самостоятельно изучать частное международное право или тѣ юридическія начала, которыя по самой природѣ вещей должны разрѣшать спорные вопросы о томъ, какіе законы прилагаемы къ каждому юридическому отношенію.

Согласно съ современнымъ ученіемъ о суверенитетѣ Манчини ставитъ на видъ, что ни одно государство не имѣетъ права абсолютно не допускать приложенія на своей территоріи иностранныхъ законовъ. Изъ природы вещей, говоритъ онъ, и въ силу юридическаго общенія (communauté juridique), соединяющаго всѣ народы между собою, слѣдуетъ тотъ принципъ, что государства имѣютъ другъ къ другу взаимныя обязанности (devoirs internationaux), а не простыя соображенія общаго приличія (simples égards de bienséance mutuelle). Поэтому они не въ правѣ по своему произволу, хотя бы на своей территоріи, не признавать дѣйствіе законовъ другаго государства и подчинять своимъ собственнымъ законамъ лица, которыя по своему характеру имъ не подвластны.

Въ теченіе многихъ вѣковъ господствующимъ мнѣніемъ въ этой области было то, что государства признаютъ дѣйствіе иностранныхъ законовъ на своей территоріи не въ силу какой бы то ни было юридической обязанности, а просто изъ уступчивости или международной вѣжливости (ex comitate) въ видахъ общей пользы (ob reciprocam utilitatem). Всѣ писатели даже до нашего времени, признающіе въ comitas верховное начало частнаго международнаго права, впадаютъ въ ошибку, смѣшивая превышеніе суверенитета государства съ его правомѣрнымъ характеромъ. Пока господствуетъ такое воззрѣніе, частное международное право немыслимо какъ самостоятельная юридическая наука. Дѣйствительно, пресловутая теорія comitas низводитъ всю эту отрасль права къ простому изученію текстовъ различныхъ кодексовъ, къ ихъ сравненію и къ чисто эмпирическому выводу, основанному на соображеніяхъ практической пользы. Если государства въ силу суверенитета признаютъ или отвергаютъ иностранные законы только по своему произволу, то здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какихъ бы то ни было твердыхъ юридическихъ началахъ. Вотъ главный источникъ той путаницы, которая господствовала какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ частнаго международнаго права до нашихъ дней. Выйти изъ нея крайне необходимо въ интересахъ и государствъ и частныхъ лицъ. Практическіе юристы безъ уваженія относятся къ частному международному праву, потому что оно, лишенное научнаго основанія и единства, составляетъ собраніе запутаннѣйшихъ, произвольныхъ и самыхъ противорѣчивыхъ правилъ.

Нельзя однако не замѣтить, что государства въ наше время сознаютъ необходимость установленія въ этой области лучшаго порядка. Во главѣ ихъ стоитъ безспорно Италія. Манчини съ любовью разбираетъ статьи 6—12 введенія въ новый гражданскій кодексъ Италіи 1865 *), гдѣ законодатель признаетъ весьма широкія и либеральныя начала относительно частнаго международнаго права. Эти постановленія, говоритъ онъ, конечно не достигаютъ идеала совершенства, но мы рекомендуемъ ихъ вниманію Института по ихъ прогрессивному

*) Переводъ его на русскій языкъ сдѣланъ Зарудинымъ въ 1869: *Гражданское уложеніе Итальянскаго королевства.*

характеру. Въ 3-й статьѣ первой книги итальянское уложеніе даже постановляетъ, что «иностранцы допускаются къ пользованію гражданскими правами наравнѣ съ туземцами». Отступая отъ духа недовѣрія къ иностранцамъ, которымъ такъ проникнутъ еще Наполеоновъ Кодексъ, италіянскій законъ не ставитъ провозглашаемое имъ начало уравненія иностранцевъ въ гражданскомъ отношеніи съ туземцами въ зависимость отъ трактатовъ или даже отъ условія взаимности. Впрочемъ Италія на этомъ не остановилась: она поняла, что единственный путь для распространенія началъ, принятыхъ ею въ ея внутреннемъ законодательствѣ относительно частнаго международнаго права, состоитъ въ заключеніи трактатовъ съ другими народами. Въ этомъ отношеніи велики заслуги самаго Манчини, давно проповѣдующаго новыя раціональныя начала въ этой отрасли права въ своемъ отечествѣ. По собственной иниціативѣ онъ предложилъ вторично въ 1866 году Италіянскому парламенту ходатайствовать предъ правительствомъ о томъ, чтобъ оно вступило въ переговоры съ различными государствами относительно заключенія съ ними трактата, который опредѣлилъ бы на новыхъ основаніяхъ всю систему частнаго международнаго права и установилъ бы нѣкоторыя гарантіи, на основаніи начала взаимности, для отправленія гражданской и уголовной юстиціи по отношенію къ иностранцамъ и на иностранной территоріи. Это предложеніе встрѣтило сочувствіе. Манчини же было поручено вступить объ этомъ въ офиціальные переговоры съ Франціей, Германіей и Бельгіей. Наиболѣе препятствій къ осуществленію его мысль встрѣтила во Франціи, но послѣ долгихъ переговоровъ французское правительство согласилось въ принципѣ заключить договоръ на предложенныхъ условіяхъ и даже присоединить къ нему открытый протоколъ для того, чтобы дать возможность другимъ государствамъ постепенно къ нему приступить. Къ сожалѣнію, послѣдующія политическія событія остановили развитіе этого дѣла на неопредѣленное время. Но 24-го ноября 1873 года, когда Италіянская палата единогласно приняла предложеніе Манчини о третейскомъ международномъ судѣ, она одобрила и слѣдующую его мысль, имѣющую не меньшую важность для развитія права въ будущемъ: «Палата желаетъ, чтобы правительство продолжало свое, заслуживающее вся-

каго одобренія, дѣло, въ которомъ оно приняло на себя починъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и опять предложило бы другимъ государствамъ заключить конвенціи съ Италіей для установленія единыхъ и общеобязательныхъ, въ интересахъ ихъ народовъ, началъ по всѣмъ существеннымъ вопросамъ частнаго международнаго права.» Будемъ надѣяться что благородный глава современныхъ публицистовъ Италіи, которому ввѣрено теперь управленіе министерствомъ юстиціи, найдетъ возможность практически осуществить эти идеи для блага его отечества и Европы.

Въ 1874 году Голландія съ своей стороны предложила созвать международную конференцію для опредѣленія извѣстныхъ единообразныхъ началъ относительно основанія и предѣловъ компетенціи судовъ различныхъ государствъ въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ и для облегченія въ каждомъ государствѣ исполненій приговоровъ, сдѣланныхъ иностранными судами.

Италія и еще нѣкоторыя государства одобрили эту мысль; другія же правительства, по обыкновенію, представили свои возраженія, сомнѣнія, дополненія и т. п., и дѣло пошло въ оттяжку.

Во всякомъ случаѣ и эти явленія для насъ знаменательны: они приводятъ насъ къ двоякому выводу.

Во первыхъ, къ тому, что государства постепенно сознаютъ необходимость признать, въ своемъ внутренномъ законодательствѣ, начала болѣе раціональныя и либеральныя относительно частнаго международнаго права, согласно съ быстро развивающеюся, если можно такъ выразиться, *международностью* (интернаціонализмомъ) нашего времени.

Во вторыхъ, къ тому, что этой одной реформы во внутреннихъ законахъ государствъ еще не достаточно: для полнаго ея осуществленія и для охраны интересовъ отдѣльныхъ странъ, требуется еще, чтобъ эти прогрессивные принципы были возведены на степень общихъ международныхъ обязанностей для государствъ, утвержденныхъ конечно путемъ договоровъ и взаимнаго между ними соглашенія.

Переходя къ очерку собственной системы, Манчини указываетъ на то, что многіе изъ авторитетныхъ писателей по частному международному праву поняли всю несостоятельность

comitas, какъ его главнаго принципа, и замѣнили ее новымъ началомъ—*международной обязанности*, которая соединяетъ всѣ государства крѣпкими узами права. Таковы воззрѣнія не только италіянскихъ публицистовъ, Эспсрсона, Фіоре, Пьерантони, Ломонако, но и Лорана, Броше и др. *).

Манчини въ своемъ отчетѣ даетъ намъ лишь общія руководящія идеи своего воззрѣнія, но и въ этой формѣ онѣ заслуживаютъ вниманія; всю область гражданскихъ отношеній онъ раздѣляетъ на двѣ части: необходимую и произвольную или добровольную (volontaire).

Къ первой относятся такія отношенія, которыя, вытекая изъ существа человѣческой личности, не могутъ быть измѣняемы по нашему произволу. Таковы законы опредѣляющіе гражданское состояніе лица, порядокъ и отношенія семейныя. Здѣсь долженъ имѣть силу принципъ *національности*. Человѣкъ можетъ перемѣнить свою національность, но онъ не властенъ, сохраняя ее, отвергнуть ея основныя черты, которыми опредѣляются его личныя и семейныя права. Въ тѣсной связи съ послѣдними стоитъ и право наслѣдованія по закону, т. е. всѣ тѣ юридическія нормы, которыя установляютъ порядокъ наслѣдованія, указывая на лица способныя наслѣдовать, на части имущества подлежащія завѣщательному распоряженію (les limites de la quotité disponible) и на внутреннія условія, необходимыя для дѣйствительности завѣщанія. Всѣ эти нормы могутъ быть разсматриваемы какъ дальнѣйшее приложеніе семейнаго права.

Въ противоположность этимъ отношеніямъ стоятъ другія, вытекающія изъ обладанія и пользованія вещами, заключенія обязательствъ и различныхъ сдѣлокъ и т. д. Эту часть гражданскаго права Манчини называетъ добровольною, потому что воля человѣка является здѣсь главнымъ агентомъ. Въ сферѣ этихъ отношеній человѣкъ можетъ слѣдовать предписаніямъ національнаго закона, если пожелаетъ, но можетъ

---

*) Укажемъ здѣсь кстати на то, что въ наше время замѣтно большое оживленіе и въ области частнаго международнаго права. *Клюне* въ Парижѣ основалъ для него съ января 1874 особый органъ: Journal du droit international privé et de la jurisprudence comparée. Это весьма серіозное и научное изданіе, въ которомъ принимаютъ участіе Манчини, Деманжа и мн. др. извѣстные юристы и профессоры.

также, если этимъ не нарушается общественный порядокъ страны, подчиняться и иностраннымъ законамъ. Частное международное право здѣсь призвано къ отысканію или къ предположенію того, что́ составляетъ волю сторонъ въ каждомъ данномъ случаѣ. Отчего законодатель обязанъ предоставить гражданамъ и въ этомъ отношеніи такую свободу? Потому что онъ долженъ уважать ихъ личную свободу, поскольку она для всѣхъ безобидна и во вторыхъ потому, что государство не имѣетъ никакого интереса препятствовать тутъ этой свободѣ. На этой почвѣ законодатель можетъ вполнѣ дѣйствовать сообразно съ общими интересами народовъ.

Ставя принципъ національности во главѣ всей системы частнаго международнаго права, Манчини однако, само собою разумѣется, не придаетъ ему абсолютнаго значенія. Если человѣкъ, говоритъ онъ, въ силу своей личности и на основаніи принципа національности можетъ требовать, чтобы въ его лицѣ повсюду уважалось его гражданское, національное право, то съ другой стороны и каждое государство имѣетъ полное право, во имя своей независимости или *принципа суверенитета* не допускать на своей территоріи никакого нарушенія своего публичнаго права и общественнаго порядка, сложившихся по волѣ его народа. Иностранецъ, пользуясь гостепріимствомъ страны, обязанъ подчиняться ея государственнымъ законамъ, то-есть не только уголовнымъ и полицейскимъ законамъ, которые охраняютъ внѣшній порядокъ въ странѣ, но и тѣмъ нравственнымъ понятіямъ и экономическимъ воззрѣніямъ, которыя въ ней господствуютъ. Дѣйствія иностранца, нарушающія публичный порядокъ страны въ этомъ обширномъ смыслѣ, должны считаться противозаконными, хотя бы они были дозволены по его отечественнымъ, національнымъ законамъ.

Такъ напримѣръ, институты рабства и полигаміи или остатки феодальныхъ учрежденій, въ родѣ фидейкоммиссъ, имущества мертвой руки и проч., не могутъ быть признаны въ странахъ, которыя ихъ уже отмѣнили въ своихъ законахъ. «Словомъ, заключаетъ Манчини, гражданское право по нашему мнѣнію лично и національно и въ силу этого оно должно слѣдовать за лицомъ и за предѣлы его отечества. Напротивъ, публичное право—территоріально: оно царитъ надъ территоріей

страны и въ равной степени простирается надъ всѣми ея жителями, туземцами и иностранцами.» *) Вполнѣ научная и самостоятельная система частнаго международнаго права должна представлять гармоническое сочетаніе трехъ высшихъ и основныхъ принциповъ права: свободы, національности и суверенитета. Это возможно лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы для разрѣшенія столкновенія между законами различныхъ странъ положено было слѣдующее правило: каждый законодатель обязанъ вполнѣ признать (sans réserve) на своей территоріи гражданскія права иностранцевъ и наоборотъ не допускать такія дѣйствія, законы и судебныя рѣшенія иностранныхъ государствъ, которыя противорѣчатъ публичному праву, или нарушаютъ порядокъ страны. Законодатель оказываетъ уваженіе принципу національности и тѣмъ строго выполняетъ свой долгъ, если онъ признаетъ на своей территоріи дѣйствительными иностранные законы, опредѣляющіе права личныя, семейныя и наслѣдственныя чужеземцевъ, но не нарушающіе политическаго строя и общественнаго порядка страны. Онъ даетъ далѣе просторъ принципу свободы, если не стѣсняетъ своими законами проявленіе личной воли иностранцевъ, поскольку она безвредна, и предоставляетъ имъ возможность выбора по ихъ желанію, тѣхъ законовъ и юридическихъ нормъ, которымъ они сами захотятъ подчинить свои дѣйствія въ остальныхъ областяхъ частнаго международнаго права. Наконецъ, онъ защищаетъ право суверенитета или политической независимости государства, подчиняя безразлично иностранцевъ и гражданъ уголовнымъ законамъ страны и вообще всѣмъ законамъ охраняющимъ въ ней общественный порядокъ или неприкосновенность ея политическаго строя.»

Таковы, въ немногихъ словахъ, главныя выдающіяся мысли въ «Отчетѣ» Манчини. Женевскому съѣзду онъ предложилъ четыре основныя начала (или заключенія), которыя, по его мнѣнію, должны служить основаніемъ для всѣхъ дальнѣйшихъ

---

*) Само собою разумѣется, что принципъ національности, излагаемый здѣсь Манчини, имѣетъ не абсолютное, а лишь относительное дѣйствіе; въ силу его можно требовать уравненія иностранцевъ съ туземцами только въ гражданскомъ, но никогда не въ политическомъ отношеніи. Политическими правами могутъ пользоваться одни туземцы и лица вполнѣ натурализованныя.

работъ Института по этой части. Приводимъ ихъ буквально въ виду ихъ важности: *)

I. Институтъ признаетъ очевидную пользу, а по нѣкоторымъ вопросамъ и необходимость такихъ договоровъ между образованными государствами, которые, по общему согласію, установили бы между ними извѣстные, общіе и единообразные принципы по частному международному праву, въ силу которыхъ публичныя власти и особенно судебныя мѣста договаривающихся государствъ были бы обязаны разрѣшать всѣ спорные вопросы относительно личности, имущества, наслѣдствъ и дѣйствій (актовъ) иностранцевъ, веденія ими процессовъ и рѣшеній иностранныхъ судовъ.

II. Институтъ полагаетъ, что эта цѣль будетъ удобнѣе всего достигнута, если онъ самъ выработаетъ проекты такихъ договоровъ, либо общихъ, либо спеціальныхъ, посвященныхъ извѣстнымъ отдѣльнымъ вопросамъ, какъ-то о бракахъ иностранцевъ, объ ихъ правахъ наслѣдованія и объ исполненіи рѣшеній иностранныхъ судовъ. Такіе проекты трактатовъ могли бы служить точкой отправленія для дальнѣйшихъ офиціальныхъ переговоровъ и для окончательной редакціи подобныхъ договоровъ, заключеніе которыхъ было бы поручено извѣстнымъ юристамъ или спеціальнымъ уполномоченнымъ, назначеннымъ различными государствами или по крайней мѣрѣ нѣкоторыми изъ нихъ, причемъ остальнымъ государствамъ должна бы быть предоставлена возможность приступить къ этимъ трактатамъ со временемъ, когда они найдутъ это удобнымъ.

III. Эти трактаты не должны бы вводить полнаго единства въ кодексы и законы договаривающихся государствъ, что оказало бы неблагопріятное вліяніе на дальнѣйшее развитіе цивилизаціи. Но не касаясь внутренней независимости законодательной власти въ различныхъ странахъ, подобные трактаты должны бы напередъ опредѣлить какіе законы, въ случаѣ возникновенія между ними столкновенія, прилагаются къ каждому отдѣльному юридическому отношенію. Такимъ образомъ спорные вопросы сюда относящіеся не были бы поставлены въ зависимость отъ законовъ различныхъ народовъ, часто между собою не согласуемыхъ, отъ пагубнаго вліянія національ-

*) *Revue*, 1874, стр. 582.

ныхъ интересовъ и предразсудковъ и отъ не установившихся еще воззрѣній юридической науки и практики.

IV. При современномъ состояніи науки международнаго права, нельзя признать за государствами строгое право абсолютно отказывать иностранцамъ въ гражданскихъ правахъ и не уважать ихъ естественной способности пользоваться ими повсюду. Это было бы искаженіе принципа независимости и территоріальнаго верховенства народовъ. Правоспособность иностранцевъ существуетъ независимо отъ условій трактатовъ или начала взаимности. Они должны быть допущены къ пользованію гражданскими правами и иностранные законы должны быть прилагаемы къ зависящимъ отъ нихъ юридическимъ отношеніямъ, не въ силу простой вѣжливости и уступчивости (comitas gentium), но на основаніи общей для всѣхъ государствъ международной обязанности (devoir de justice internationale). Эта обязанность прекращается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда права иностранцевъ или примѣненіе иностранныхъ законовъ становятся несовмѣстимыми съ политическими учрежденіями даннаго государства или съ существующимъ въ немъ общественнымъ порядкомъ.

Затѣмъ Манчини, въ виду продолженія занятій коммиссіи, представилъ еще два спеціальныя заключенія собственно по гражданскому праву. *)

---

*) Вотъ они:

1. Гражданское состояніе и дѣеспособность лица, отношенія семейныя и права и обязанности изъ нихъ вытекающія, должны быть управляемы отечественными законами лица (les lois de la patrie), то-есть законами народа (nation), къ которому оно принадлежитъ. Лишь въ видѣ дополненія къ нимъ могутъ быть прилагаемы законы мѣстожительства лица (les lois du domicile) въ тѣхъ случаяхъ, когда на территоріи извѣстнаго государства одновременно существуютъ различныя системы гражданскихъ законовъ, или когда дѣло идетъ о лицахъ не имѣющихъ никакой національности, или же имѣющихъ двойную національность.

2. При универсальномъ наслѣдствѣ прилагается также законъ указанный въ предыдущемъ заключеніи. Онъ опредѣляетъ лица, способныя наслѣдовать, части имущества подлежащія и не подлежащія завѣщательному распоряженію (la mesure ou quotité de la Disponible et de la Réserve) и условія необходимыя для внутренней дѣйствительности духовныхъ завѣщаній, независимо отъ рода имущества и мѣста его нахожденія.

Но личные законы иностранцевъ пользуются признаніемъ на территоріи даннаго государства, если они не противорѣчатъ публичному праву и общественному порядку, въ немъ установленнымъ.

Вниманіе Института на Женевскомъ съѣздѣ было, какъ мы говорили выше, сосредоточено главнымъ образомъ на работахъ двухъ первыхъ коммиссій. О частномъ международномъ правѣ рѣчь могла быть поднята только на послѣднемъ засѣданіи, 5-го сентября. Впрочемъ и самый характеръ работъ третьей коммиссіи былъ подготовительный. Институтъ утвердилъ единогласно общія заключенія Манчини и это показываетъ намъ, что онъ всецѣло одобряетъ основные принципы италіянскаго публициста. Напротивъ обсужденіе его спеціальныхъ заключеній Институтъ отложилъ, по недостатку времени, до слѣдующей сессіи. Кромѣ того, онъ принялъ почти единогласно (безъ одного голоса) еще слѣдующія заключенія Ассера по гражданскому судопроизводству. *)

Было бы полезно, посредствомъ международныхъ договоровъ, установить единообразныя правила относительно:

1. Основанія и предѣловъ подсудности.

2. Формъ судопроизводства для опредѣленія:

a) закона долженствующаго управлять этими формами въ сомнительныхъ случаяхъ;

b) точныхъ международныхъ принциповъ относительно судебныхъ доказательствъ;

c) формъ повѣстокъ и другихъ способовъ вызова въ судъ лицъ, поселившихся или только пребывающихъ (domiciliées ou residant) за границей;

d) способовъ сообщенія о производствѣ различныхъ судебныхъ дѣйствій (commissions rogatoires).

3. Относительно исполненія рѣшеній иностранныхъ судовъ, въ силу трактатовъ, которые установляютъ условія и гарантіи необходимыя для того, чтобъ эти рѣшенія вошли въ законную силу (pareatis).

Сходясь съ основными воззрѣніями своего товарища по коммиссіи, съ Манчини, Ассеръ въ свою очередь представилъ Институту *Записку* (Rapport) о главныхъ вопросахъ по гражданскому процессу, на которые онъ особенно обращаетъ вни-

---

*) Институтъ опустилъ только одинъ пунктъ въ первоначальномъ проектѣ Ассера, объ установленіи юридическаго равенства между иностранцами и туземцами по отношенію къ залогу, вносимому въ видѣ обезпеченія судебной защиты (caution judicatum solvi).

маніе юристовъ. *) Это весьма примѣчательное изслѣдованіе, особенно выигрывающее еще отъ того, что Ассеръ не ограничивается какимъ-либо законодательствомъ одной страны, но обращаетъ вниманіе на различныя системы, существующія въ современномъ процессуальномъ правѣ. Его записка дѣлится на четыре отдѣла: 1) о подсудности; 2) о даровой судебной защитѣ и о залогѣ judicatum solvi; 3) о формахъ судопроизводства, доказательствахъ и способахъ сообщенія о производствѣ судебныхъ дѣйствій (commissions rogatoires), и 4) объ исполненіи судебныхъ рѣшеній.

Эта записка опубликована лишь къ третьему съѣзду Института.

Въ началѣ 1875 года Ассеръ обратился отъ имени докладчиковъ коммиссіи къ членамъ Института съ *программой вопросовъ* (questionnaire) **) по всѣмъ частямъ гражданскаго права и процесса. Полученные имъ отвѣты изъ многихъ странъ ***) онъ свелъ въ систему и представилъ ихъ Институту на Гагскомъ съѣздѣ въ *дополнительной запискѣ.* ****).

Хотя эти собранные матеріалы еще не полны,—они пока не обнимаютъ всѣ цивилизованныя страны,— но и въ этой формѣ они крайне интересны для юриста и нельзя не быть благодарнымъ Ассеру за то, что онъ въ своихъ запискахъ представляетъ намъ столь любопытный этюдъ по сравнительному законодательству главныхъ народовъ Европы и Америки. Остается только желать, чтобы подобныя сравнительныя обозрѣнія составлялись по всѣмъ вопросамъ, гдѣ международное право черпаетъ свой матеріалъ изъ положительныхъ законодательствъ.

Въ Гагѣ Институтъ единогласно принялъ, въ засѣданіи 28-го августа, слѣдующія *заключенія по гражданскому процессу*: †) Единообразныя правила относительно подсудности (compétence des tribunaux), принятіе которыхъ признано Институтомъ на

---

*) *Revue*, 1875 года, стр. 364.

**) Ib. 392.

***) Изъ Англіи, Австріи, Бельгіи, Шотландіи, Соединенныхъ Штатовъ, Италіи, Голландіи, Пруссіи, Швеціи и Россіи.

****) Ib. 393—416.

†) *Revue*, 1875 года, стр. 276.

Женевскомъ съѣздѣ полезнымъ, должны бы основываться на слѣдующихъ принципахъ:

a) Мѣстожительство (domicile) и, въ видѣ дополненія, мѣстопребываніе (résidence) отвѣтчика въ искахъ личныхъ или относящихся до движимаго имущества, и мѣстонахожденіе имущества, въ искахъ вещныхъ или касающихся недвижимаго имущества, должны по общему правилу опредѣлять вопросъ о подсудности, за исключеніемъ особой подсудности (fora exceptionnels), установляемой для нѣкоторыхъ категорій исковъ.

b) Правило высказанное въ пунктѣ *a* слѣдствіемъ своимъ можетъ имѣть то, что судья компетентный для рѣшенія извѣстнаго процесса не всегда будетъ принадлежать къ странѣ, законы которой управляютъ тѣмъ юридическимъ отношеніемъ, которое является предметомъ тяжбы. Впрочемъ, принятіе особой подсудности, выше упомянутой, должно имѣть цѣлію чтобы, на сколько возможно, судьи извѣстнаго государства, законы котораго управляютъ даннымъ спорнымъ юридическимъ отношеніемъ, и были признаны рѣшать всѣ тяжбы по этому отношенію, какъ-то: споры возникающіе главнымъ образомъ о гражданскомъ состояніи и правоспособности лица должны быть рѣшаемы судами страны, законы которой управляютъ личнымъ статутомъ (status personnel) и т. д.

c) Въ гражданскихъ и торговыхъ процессахъ національность сторонъ не должна оказывать вліянія на компетентность судьи, исключая тѣхъ случаевъ, когда самый характеръ тяжбы допускаетъ исключительную компетентность національныхъ судей одной изъ сторонъ.

d) Судъ, предъ которымъ вчиненъ искъ, долженъ по отношенію къ компетентности принятой въ трактатахъ, постановлять свои рѣшенія по тѣмъ же самымъ правиламъ, которыя существуютъ относительно компетентности въ мѣстныхъ законахъ страны. Такимъ образомъ въ государствахъ, гдѣ принята эта система приложенія національныхъ законовъ къ вопросамъ о компетентности судовъ, послѣдніе не могутъ объявить себя не компетентными ex officio, когда дѣло идетъ лишь о неподсудности лицъ (quand il s'agit de l'incompétence ratione personae).

e) Правила частнаго международнаго права принятыя, въ силу международнаго договора, во внутренніе законы страны,

должны быть прилагаемы судами этой страны, причемъ однако для ея правительства не возникаетъ международной обязанности слѣдить административнымъ порядкомъ за выполненіемъ этихъ правилъ *).

Третья коммиссія, какъ мы говорили выше, продолжаетъ еще существовать до сихъ поръ и работы ея далеко не кончены. Но она видимо съ большою основательностію трудится надъ обширною и крайне сложною задачей. Съ теченіемъ времени не только расширился ея личный составъ **), такъ что въ настоящее время къ ней принадлежатъ всѣ первые авторитеты по частному международному праву, но и систематически опредѣлился кругъ ея занятій. Для *четырехъ главныхъ отдѣловъ* частнаго международнаго права выбраны четыре докладчика, изъ которыхъ каждый въ своей спеціальности пользуется самою почетною извѣстностію: по гражданскому праву—Манчини; по гражданскому процессу—Ассеръ; по торговому праву—Гольдшмидтъ и по уголовному—Карлъ Броше ***). Пожелаемъ дѣлу этой коммиссіи самый полный успѣхъ: оно не только расширитъ и укрѣпитъ сношенія между гражданами различныхъ государствъ, но и окажетъ благотворное вліяніе на внутренніе законы этихъ государствъ.

Обращаемся теперь къ третьему и послѣднему изъ бывшихъ до сихъ поръ съѣздовъ Института, къ *съѣзду въ Гагѣ*. Для соблюденія внутренней послѣдовательности въ нашемъ изложеніи мы неоднократно, говоря о трудахъ первыхъ трехъ

---

*) Послѣднее заключеніе принято въ засѣданіи 30-го августа простымъ большинствомъ голосовъ.

**) На Женевскомъ съѣздѣ къ ея прежнимъ членамъ присоединены: Лоранъ, Броше, Баръ, Фіоре и Эспersонъ. Затѣмъ бюро Института пригласило къ ней еще: Клюне, Монлюкъ, Оливекрону, Гольдшмидта, Голланда, Кенига, Науманна, Норсу и Вартона. Таковъ былъ ея составъ въ январѣ 1876 года.

***) Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что Броше обратился къ Институту съ программой различныхъ вопросовъ по столкновенію уголовныхъ законовъ (*Revue*; 1875 года стр. 416), тема, на которую онъ съ своей стороны напечаталъ въ *Revue* рядъ весьма замѣчательныхъ статей (1875; стр. 22 и 169). Прежде въ томъ же журналѣ (съ 1871 года) онъ написалъ особый трудъ и о гражданскомъ международномъ правѣ. Просмотрѣнный и значительно дополненный, этотъ трудъ вышелъ на дняхъ особою книгой подъ заглавіемъ: *Nouveau traité de droit international privé au double point de vue de la théorie et de la pratique.* 1876.

коммиссій, должны были касаться рѣшеній Института, принятыхъ по этимъ трудамъ на Гагскомъ съѣздѣ. Теперь намъ остается только докончить нашъ очеркъ, то-есть указать на то, что́ собственно спеціально было сдѣлано на третьей сессіи.

Согласно съ общимъ планомъ нашего обзора начнемъ сперва со внѣшней стороны дѣла. Во второй годъ своего существованія (1874—75) Институтъ обратилъ на себя еще большее вниманіе ученыхъ и просвѣщенныхъ людей Европы. Въ періодической печати всѣхъ образованныхъ народовъ явились статьи, отзывающіяся о немъ сочувственно. Роленъ-Жекменъ представилъ намъ изъ нихъ въ сжатомъ очеркѣ весьма интересныя извлеченія *).

Съѣздъ въ Гагѣ происходилъ отъ 25-го до 31-го августа (н. ст.) 1875 года. Правительство Нидерландское отнеслось къ членамъ Института съ самою большою предупредительностію. Для его засѣданій была предоставлена историческая зала Treveskamer (въ Binnenhof), украшенная портретами многихъ штатгальтеровъ Голландіи. При открытіи перваго засѣданія, по обычаю, дружественными словами обмѣнялись Блюнчли, одинъ изъ тогдашнихъ вице-президентовъ Института, и Брединсъ, членъ второй палаты и стоявшій во главѣ комитета, устроеннаго для пріема членовъ Института. Особенною торжественностію отличалось засѣданіе 28-го августа. На немъ присутствовали многіе министры (внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ дѣлъ, юстиціи, военный и финансовъ), многіе члены дипломатическаго корпуса, палатъ, высшей администраціи и т. д.

Новымъ президентомъ въ Гагѣ избранъ Блюнчли; первымъ вице-президентомъ—Парьё; вторымъ — Ассеръ. Затѣмъ выбра-

---

*) *L'institut de droit international devant l'opinion publique en* 1874—75, въ *Revue* 1875, стр. 291. Наиболѣе важныя изъ нихъ слѣдующія: во Франціи статьи Парье (въ *Revue de France*) и отчеты Люка (Франц. Академіи) и Верже; въ Италіи вступительная лекція Манчини 2-го ноября 1874 (о призваніи нашего времени относительно преобразованія и кодификаціи международнаго права и устройства международной юстиціи); въ Англіи статьи Вестлека (въ *Times*) и Треверса Твисса (въ *The Academy*); въ Германіи статьи Блюнчли (въ *Gegenwart*), Бульмеринка (въ *Augsb. Allg. Zeit.*) и Гольцендорфа (въ *Krit. Vierteljahressch.*); въ Швейцаріи статья Ривье (въ *Bibliothéque universelle et Revue Suisse*); въ Швеціи—Оливекроны; въ Даніи—Петерсена и т. д.

ны въ члены-сотрудники (associés): Клюне, адвокатъ апелляціоннаго суда въ Парижѣ, извѣстный редакторъ *Journal du droit international privé*, Монлюкъ, адвокатъ при томъ же судѣ; Гооль (Hall), членъ судебнаго сословія въ Англіи; Голландъ, профессоръ въ Оксфордѣ; Гесснеръ, въ Берлинѣ; Мейеръ, профессоръ въ Галлѣ; Норса, адвокатъ въ Миланѣ; Петерсенъ, датскій публицистъ, и нѣкоторые другіе. *)

Только недавно опубликованы протоколы Гагскаго съѣзда въ новомъ, весьма интересномъ изданіи Института: *Annuaire de l'Institut de droit international* 1877 (стр. 36—122) [1]). Изъ нихъ мы видимъ какъ много живыхъ вопросовъ было поднято и обсуждаемо въ Гагѣ, но мы укажемъ здѣсь лишь на болѣе важные. Ривье прочелъ переведенную имъ записку Бульмеринка о новѣйшей германской литературѣ по международному праву, въ которой однако бывшій дерптскій профессоръ упоминаетъ и о сочиненіяхъ, вышедшихъ въ 40-хъ и 50 годахъ. Нельзя не согласиться съ его мнѣніемъ о томъ, что международное право находится нынѣ въ Германіи въ довольно запущенномъ состояніи, особенно сравнительно съ другими отраслями правовѣдѣнія. Твиссъ сдѣлалъ такое-же сообщеніе объ англійской литературѣ, а Пьерантони объ италь-

*) Къ іюлю 1876 дѣйствительные члены Института распредѣлялись по національностямъ слѣдующимъ образомъ: Италія—7 членовъ; Германія—6; Франція и Соединенные Штаты по 5; Великобританія—4; Бельгія, Россія и Швеція по 3. Всего 36 членовъ. Сотрудниковъ всѣхъ 15 и одинъ почетный членъ (Бартолони).

[1]) Мысль объ этомъ изданіи возникла еще въ Гагѣ, благодаря Парье. Аппиаіге представляетъ небольшой томъ въ 388 страницъ, но заключающій въ себѣ чрезвычайно богатый научный матерьялъ, прекрасно расположенный. На страницахъ его мы встрѣчаемъ: историческій очеркъ возникновенія Института; его уставъ; свѣдѣнія о коммиссіяхъ учрежденныхъ имъ и о научныхъ ихъ результатахъ; подробности о Гагскомъ съѣздѣ; біографическія и библіографическія замѣтки о всѣхъ членахъ Института (даже ихъ адресы); хронологическій указатель главныхъ законовъ и договоровъ изданныхъ во всѣхъ государствахъ съ 1-го января 1874 по 1-ое іюля 1875; подлинный текстъ важнѣйшихъ трактатовъ за этотъ же періодъ времени и наконецъ весьма богатый библіографическій указатель по международному праву за 1874 и 75 г. Словомъ въ этой книгѣ сгруппированы, въ главныхъ чертахъ, всѣ факты и явленія наиболѣе интересные въ области науки и жизни современнаго международнаго права.

янской. Полнаго одобренія заслуживаетъ некрологъ Готфёля, написанный и прочитанный Ривье. Въ теплыхъ выраженіяхъ Ривье говоритъ о жизни этого примѣчательнаго писателя и весьма удачно характеризуетъ главныя его сочиненія. Парье представилъ, какъ и на женевскомъ съѣздѣ, отчетъ о движеніи романскихъ государствъ (Франціи, Бельгіи, Швейцаріи и Италіи) къ объединенію монетной системы въ 1875, а Роленъ-Жекменъ прочелъ отзывъ о положеніи Института за 1874—75 г. Наиболѣе слабою частью въ организаціи Института до сихъ поръ является часть финансовая. Въ силу его устава средства Института раздѣляются на обыкновенныя (25 франковъ съ члена) и на чрезвычайныя. Послѣднія состоятъ изъ добровольныхъ пожертвованій членовъ и постороннихъ лицъ. Этихъ пожертвованій поступило пока очень не много. Вотъ ихъ списокъ, представленный Роленомъ въ Гагѣ:

Отъ Бартолони	3.000	франковъ.
» Бишофсгейма.	200	»
» Гартманна.	200	»
» Соммерсета Бомона.	503	»
» Карла Броше	75	»
» Лавеле.	250	»
» Науманна.	75	»
» Д'Оливекроны	225	»
Всего	4,528	франковъ.

Израсходовано же на печатаніе устава, циркулярныхъ сообщеній, переписку и т. п. со дня основанія Института до 31 августа 1875 всего 2,805 фр. 43 сант.

На Женевскомъ съѣздѣ учреждены были три новыя коммиссіи: для изученія Брюссельской декларацiи объ обычаяхъ и законахъ войны, вопроса о неприкосновенности частной собственности на морѣ и вопроса о примѣнимости европейскаго международнаго права къ народамъ Востока.

Изъ этихъ коммиссій только первая кончила свои занятія на Гагскомъ съѣздѣ; остальныя двѣ существуютъ еще до сихъ поръ. Обращаемся теперь къ трудамъ этихъ коммиссій, также посвященнымъ самымъ живымъ вопросамъ современнаго практическаго международнаго права.

4.

Въ составъ *четвертой коммиссіи* *) вошли всѣ лучшіе знатоки военнаго права, а именно: Блюнчли, Фильдъ, Роленъ-Жекменъ, Муанье, Ланда, Парье, Люка, Бернардъ, Манчини, Ден-Бееръ-Португель, Мартенсъ и Нейманнъ. Задача, поставленная ей въ Женевѣ состояла въ слѣдующемъ: изучить декларацію, составленную представителями европейскихъ государствъ въ Брюсселѣ и представить мнѣніе о ней и дополнительныя къ ней предложенія къ слѣдующей сессіи. Трудъ докладчика взялъ на себя Роленъ-Жекменъ (такъ какъ таковой не былъ назначенъ въ Женевѣ).

Для насъ Русскихъ труды этой коммиссіи едва ли не самые интересные. Наше отечество, какъ извѣстно, въ началѣ 1874 года взяло на себя починъ въ великомъ по своей человѣчности и практической важности дѣлѣ кодифицированія обычаевъ и законовъ войны. **)

Созванная для этой цѣли въ Брюсселѣ (15 іюля—15 августа 1874) конференція выработала проектъ декларації, въ основаніе которой положила первоначальный русскій проектъ, съ извѣстными однако сокращеніями и измѣненіями. **) Брюссельская декларація остается до сихъ поръ проектомъ, то-есть теоретическимъ провозглашеніемъ принциповъ донынѣ не утвержденныхъ правительствами, которыя посылали въ Брюссель своихъ делегатовъ. Ходили слухи въ прошломъ году о созваніи новой, окончательной по этому дѣлу конференціи въ Петербургѣ, но эта мысль оставлена на неопредѣленное время. Главнымъ образомъ явная и систематическая оппозиція Англіи, колебанія нѣкоторыхъ второстепенныхъ государствъ, а потомъ печальныя событія на Востокѣ помѣшали осуществится дѣлу столь благотворному для человѣчества и цивилизаціи.

До нѣкоторой степени труды четвертой коммиссіи являются важнымъ дополненіемъ къ Брюссельской конференціи: оба

*) Для большей ясности мы ведемъ одинъ общій счетъ коммиссіямъ въ томъ порядкѣ, какъ онѣ возникли.

**) Подробности см. у проф. Мартенса въ его статьѣ: Брюссельская международная конференція 1874, въ *Сборникѣ государственныхъ знаній* Безобразова, т. I, стр. 181.

собранія изучаютъ главнѣйшіе и спорные вопросы военнаго права, но съ различныхъ точекъ зрѣнія; въ Брюсселѣ на первомъ планѣ стоятъ военные и дипломаты; *) въ Гагѣ— ученые публицисты и юристы. Конечно ихъ соединяетъ одно общее и высшее стремленіе: начертать извѣстныя юридическія нормы для военной силы, на сколько это возможно по ея характеру и при современномъ правосознаніи европейскихъ народовъ.

Вскорѣ послѣ Женевской сессіи, въ началѣ 1875 года, Роленъ обратился къ членамъ Института съ весьма тщательно составленною программой вопросовъ, **) раздѣленныхъ на двѣ категоріи: общихъ и спеціальныхъ. Шесть общихъ вопросовъ относятся къ основнымъ принципамъ Брюссельской декларацiи, а 34 спеціальныхъ касаются отдѣльныхъ ея постановленій. На эту программу 10 изъ 12 членовъ коммиссіи прислали Ролену свои отвѣты и замѣчанія. Кромѣ того четыре другіе члена Института, не принадлежавшіе къ коммиссіи, также высказались о Брюссельской декларацiи въ письмахъ и статьяхъ, отчасти адресованныхъ прямо къ Ролену, отчасти напечатанныхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Къ мнѣніямъ этихъ четырнадцати лицъ Роленъ присоединилъ мѣстами свое и представилъ такимъ образомъ въ системѣ крайне интересный отчетъ ***) Гагской сессіи, въ которомъ онъ приводитъ всѣ главныя мнѣнія этихъ лицъ, ****) сперва по общимъ вопросамъ составленной имъ программы, а потомъ по спеціальнымъ, которые онъ весьма удачно расположилъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ въ самой Брюссельской декларацiи. Кромѣ того въ приложеніяхъ къ своему отчету Роленъ напечаталъ: новый проектъ Брюс-

---

*) Изъ 32 членовъ Брюссельской конференцiи было 18 военныхъ, 10 дипломатовъ и 4 юриста и сановника. Ср. статью Ролена *Conférence de Bruxelles* въ *Revue*, 1875, стр. 87.

**) *Revue*, 1875, стр. 438.

***) Тамъ же; стр. 447—511.

****) Между членами коммиссіи одинъ Манчини не могъ, къ сожалѣнію, по болѣзни принять участіе въ ея работахъ. Четыре постороннія ей лица, мнѣнія которыхъ приводятся, суть: Безобразовъ, Твиссъ, Лоуренсъ и Лаведе.

сельской декларации, выработанный Муанье; отрывки изъ писемъ Парье и Лауренса и изъ записокъ Бернарда и Безобразова. *) Такимъ образомъ отчетъ Ролена представляется не особеннымъ этюдомъ о Брюссельской декларации, а весьма полнымъ и систематичнымъ сводомъ мнѣній тѣхъ публицистовъ, которые высказали свои замѣчанія объ этой декларации. Но такъ какъ послѣдняя болѣе или менѣе касается всѣхъ важныхъ вопросовъ военнаго права, то въ отчетѣ Ролена мы имѣемъ предъ собою по этимъ вопросамъ мнѣнія лучшихъ знатоковъ военнаго и вообще международнаго права. Въ виду этого научный интересъ отчета Ролена, по нашему мнѣнію, весьма значителенъ и мы серіозно рекомендуемъ его каждому занимающемуся международнымъ правомъ.

По самому характеру этого отчета извлеченія изъ него неудобны, но чтобы хотя отчасти познакомить съ нимъ нашихъ читателей, мы остановимъ нѣсколько ихъ вниманіе на общихъ вопросахъ отчета. Они лучше всего знакомятъ насъ съ воззрѣніями современной науки на самое дѣло Брюссельской конференціи.

Первый вопросъ: желательно ли опредѣленіе, посредствомъ договора между различными цивилизованными государствами, законовъ и обычаевъ войны?

Большинство членовъ коммиссіи дало на этотъ вопросъ отвѣтъ утвердительный. Радикально противъ кодификаціи военнаго права высказались Лауренсъ и Твиссъ.

Лауренсъ исходитъ изъ той мысли что бѣдствія войны нельзя смягчить иначе, какъ совершеннымъ уничтоженіемъ самой войны. Пока же войны существуютъ, интересы человѣчества требуютъ, чтобъ онѣ были какъ можно болѣе кратки, а для этого не слѣдуетъ стѣснять воюющаго въ выборѣ всѣхъ средствъ какими онъ только можетъ располагать для наиболѣе скораго и энергичнаго окончанія спора.

---

*) *Revue*, 1875, стр. 512. Въ этихъ приложеніяхъ особенно интересенъ проектъ Муанье, по систематичности и многимъ изъ своихъ статей стоящій выше Брюссельской декларации. Также любопытны записки Бернарда и Безобразова. Послѣдняя явилась и на русскомъ языкѣ во II т. *Сборн. госуд. знаній*. Кромѣ того членъ четвертой коммиссіи, профессоръ Мартенсъ, также представилъ особую статью о Брюссельской конференціи. Она напечатана была вполнѣ по-русски въ *Воен. Сборн.*, іюнь 1875.

Напротивъ Твиссъ смотритъ на дѣло съ другой точки зрѣнія. Онъ спрашиваетъ, дѣйствительно ли желательно, въ интересахъ человѣчества, опредѣленіе законовъ войны посредствомъ международнаго акта? Такъ-называемые законы войны, продолжаетъ онъ, составлены въ интересахъ сильнаго; опредѣлить ихъ въ извѣстную эпоху какимъ-либо актомъ европейскаго конгресса не значитъ ли остановить постепенное и молчаливое развитіе военной практики, которая, если ее не остановятъ искусственно, будетъ продолжать развиваться въ пользу слабѣйшаго, уступая въ этомъ вліянію тѣхъ общихъ, благодѣтельныхъ причинъ, которыми вызваны всѣ быстрые успѣхи современной цивилизаціи и мирныхъ сношеній между народами.

Итакъ, замѣчаетъ Роленъ, американскій юристъ возражаетъ противъ кодификаціи военнаго права, потому что опасается чтобъ она не отняла у воюющихъ возможности скораго окончанія войны, а англійскій публицистъ отвергаетъ кодификацію на томъ основаніи, что она могла бы остановить постепенное и внутренное смягченіе военной практики. Оба эти воззрѣнія противорѣчатъ другъ другу, но кромѣ того они не выдерживаютъ критики и сами по себѣ. Онъ приводитъ въ отвѣтъ Лауренсу весьма вѣское возраженіе Безобразова:

«Говорятъ что фактъ войны въ самомъ своемъ существѣ есть такое грубое нарушеніе, даже отрицаніе всякаго права и нравственнаго закона, что всякая попытка къ установленію понятій права для этого факта, къ гуманизированію войны, безсмысленна въ самомъ своемъ существѣ. Затѣмъ идутъ далѣе и полагаютъ, что чѣмъ неправильнѣе, чѣмъ жесточе, чѣмъ несправедливѣе будутъ вестись войны, тѣмъ опѣ, тѣмъ ихъ насилія будутъ чувствительнѣе для народовъ, тѣмъ энергичнѣе будутъ направлены старанія народовъ къ предупрежденію войнъ и тѣмъ скорѣе исчезнетъ этотъ фактъ изъ исторіи образованнаго человѣчества.... Но вся исторія доказываетъ намъ утопичность этой мысли; именно чѣмъ жесточе и безчеловѣчнѣе бывали обычаи войнъ, тѣмъ чаще онѣ повторялись въ эти самыя времена; эпохи самыхъ грубыхъ военныхъ обычаевъ и въ древности и въ Средніе Вѣка суть именно эпохи самыхъ непрерывныхъ и продолжительныхъ войнъ между народами.»

Мы съ своей стороны не понимаемъ, какъ можетъ просвѣщенный юристъ нашего времени высказать мнѣніе подобное мнѣнію Лауренса. Его воззрѣніе сводится къ тому, что война есть абсолютное безправіе. Вотъ логическій выводъ изъ того положенія, что воюющій будто бы можетъ, въ видахъ скорѣйшаго окончанія войны, совершать все, что ему заблагоразсудится. Неужели въ самомъ дѣлѣ его субъективное воззрѣніе, омраченное военными страстями, можетъ когда-либо считаться мѣриломъ права или даже нормой его? Страшный примѣръ приложенія этихъ идей къ жизни у насъ теперь на глазахъ: Турція, для болѣе скораго и прочнаго умиротворенія своихъ провинцій, считаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ поголовное избіеніе Болгаръ. Но неужели это варварство можетъ назваться правомъ, хотя бы и войны?

Лауренсъ, въ своемъ письмѣ, приводитъ мнѣніе Готфѣля и Либера о томъ, что войны должны быть энергичны и ужасны, тогда онѣ сдѣлаются кратки и рѣдки. Затѣмъ онъ указываетъ на безконечныя противорѣчія практики, запрещающей напримѣръ разрывныя пули вѣсомъ менѣе 400 граммъ, но допускающей употребленіе разрывныхъ ядеръ, торпедъ и т. п. На это замѣтимъ только, что никакое цивилизованіе войны не лишитъ ее того «ужаснаго» характера, который необходимъ по мнѣнію этихъ филантроповъ и что всѣ противорѣчія практики, дѣйствительно безчисленныя и странныя, *) указываютъ только на младенческое состояніе всѣхъ основныхъ принциповъ военнаго права. Необходимость же такого права вытекаетъ изъ природы человѣка: если война не есть безсмысленная бойня, а проявленіе извѣстной дѣятельности человѣка и государства, она въ силу этого уже должна подчиняться и пормамъ права. Внѣ права немыслима никакая человѣческая дѣятельность. Но можетъ-быть дѣйствительно лучше, чтобъ эти пормы существовали и развивались въ формѣ обычаевъ, а не закона? Первые непосредственнѣе слѣдуютъ за жизнію и вѣрнѣе отражаютъ практику. Законъ же, особенно выраженный въ кодификаціи, не остановитъ ли развитіе живаго права и чрезъ это не задержитъ ли самое гуманизированіе войны? Вотъ возраженіе Твисса.

*) Срав. интересное соч. Leroy-Beaulieu: *Recherches économiques, historiques et statistiques sur les guerres contemporaines*, стр. 191 и слѣд.

Замѣчательно, говоритъ Роленъ, что это возраженіе было сдѣлано и во время первыхъ попытокъ кодифицировать національные законы отдѣльныхъ странъ, попытокъ перешедшихъ потомъ однако въ общее явленіе нашего времени. Но едвали бы Савиньи, выставившій это возраженіе за 50 лѣтъ тому-назадъ, повторилъ его теперь? Онъ отвергалъ не самую пользу хорошей кодификаціи, но способность нашего времени осуществить эту цѣль. Между тѣмъ опытъ показалъ, что кодификація національныхъ законовъ не только не остановила историческаго развитія права, но наоборотъ ускорила его.

Несмотря на несовершенства первыхъ попытокъ онѣ явились важнымъ шагомъ впередъ, сравнительно съ противорѣчіями и пробѣлами до нихъ существовавшаго права. Такъ было особенно въ области уголовнаго права, представляющаго столь много сходствъ съ правомъ войны. Кромѣ того почти вездѣ устарѣвшіе кодексы были въ цѣломъ или въ частяхъ просмотрѣны и передѣланы согласно съ желаніями общественнаго мнѣнія и съ указаніями науки.

Одинъ членъ коммиссіи Парьё какъ будто отвѣчаетъ на возраженіе Твисса: «Я допускаю, говоритъ онъ, пользу деклараціи о законахъ и обычаяхъ войны, но желаю только, чтобы въ нее вошли, насколько возможно, прогрессивныя начала и чтобы развитіе ея было обезпечено посредствомъ пересмотра ея чрезъ извѣстный срокъ, напримѣръ десятилѣтній.»

Пользу кодификаціи всѣхъ или нѣкоторыхъ законовъ войны особенно ярко и убѣдительно выставляетъ профессоръ Мартенсъ. 1) Это положитъ конецъ неопредѣленнымъ и сбивчивымъ понятіямъ о самыхъ элементарныхъ принципахъ военнаго права. До сихъ поръ эти шаткія понятія вели къ нескончаемымъ между государствами спорамъ, которые 2) не могутъ быть рѣшаемы во время разгара самой борьбы и возбужденія національныхъ страстей, вызываемыхъ войной: 3) Общественное мнѣніе Европы и особенно Англіи настойчиво требовало во время и послѣ Франко-Прусской войны, чтобы правительства положили конецъ неясности и противорѣчіямъ современной военной практики до начала новой войны. 4) Соблюденіе извѣстныхъ военныхъ законовъ, напримѣръ въ родѣ инструкціи Либера, возможно для воюющаго только подъ условіемъ, чтобъ и его противникъ соблюдалъ

эти же самые законы. И такъ взаимность тутъ необходима, но она возможна только на основаніи общихъ, предварительныхъ соглашеній.

Намъ кажется, что кодификація особенно военнаго права не должна подавлять развитіе военно-юридическихъ обычаевъ. Опредѣляя точно извѣстные основные принципы, она не должна переходить въ крайность и обращаться въ казуистику. Рядомъ съ нею можетъ существовать обширная область обычнаго права, восполняющаго и развивающаго законы войны. По мѣрѣ его укрѣпленія обычаи по немногу силой вещей будутъ затѣмъ переходить въ законъ.

Въ пользу кодификаціи между прочимъ высказались Нейманнъ и Блюнчли. Желательно и даже необходимо, говоритъ первый, опредѣлить законы и обычаи войны вопреки или скорѣе въ силу страшной трудности этой задачи. Нельзя регламентировать бури, землетрясенія, вулканическія изверженія, но можно и должно, въ предѣлахъ возможнаго—а оно совпадаетъ здѣсь съ необходимымъ—регламентировать самую страшную страсть человѣка, войну.

Я считаю кодификацію, замѣчаетъ Блюнчли, весьма желательною, подъ условіемъ, чтобъ она стремилась къ устраненію злоупотребленій и къ точному выраженію, насколько это возможно и согласно съ временемъ, гуманнаго правосознанія, а чрезъ это чтобъ она содѣйствовала развитію права вообще.

Второй вопросъ: При утвердительномъ отвѣтѣ на первый вопросъ, желательно ли чтобы во главѣ такого договора стояли опредѣленія общихъ и основныхъ принциповъ относительно цѣли войны, характера ея и т. д.

Этотъ вопросъ вызванъ тѣмъ, что Брюссельская конференція въ своей декларації, какъ извѣстно, опустила *общія начала* (§ 1—5), поставленныя въ началѣ русскаго проекта, и чрезъ это воздержалась отъ всякаго теоретическаго опредѣленія войны, ея характера и т. п.

Мнѣнія коммиссіи на счетъ этого пункта раздѣлились: большинство однако высказалось противъ общихъ началъ. *) «Стремясь опредѣлить начала возможныя, осуществимыя въ жизни,

*) За нихъ были Ланда и Люка. Лавеле одобрилъ два первые параграфа русскаго проекта. Блюнчли и Муанье высказали мнѣнія средніе между обоими воззрѣніями.

говоритъ Нейманнъ, мы должны отнести общія начала и опредѣленія къ книгамъ и къ спеціальнымъ сочиненіямъ по международному праву. Тамъ они умѣстнѣе чѣмъ къ конвенціяхъ, которыя заключаются съ практическою цѣлью и въ виду приложенія теоретическихъ началъ къ дѣйствительной жизни.» Онъ очень одобряетъ введеніе къ русскому проекту и мысли Люка, но говоритъ, что въ конвенціи онѣ излишни.

Третій вопросъ: При утвердительномъ рѣшеніи втораго вопроса, какіе общіе принципы должны быть именно провозглашены?

На этотъ вопросъ конечно отвѣтили только члены стоящіе за необходимость общихъ началъ въ конвенціи. Вмѣсто пяти первыхъ статей русскаго проекта Люка предложилъ двѣнадцать общихъ началъ, Ден-Бееръ-Португель шесть, а Ланда четыре. Всѣ эти мнѣнія расходятся между собою не только по содержанію, но и по воззрѣніямъ на то, что̀ слѣдуетъ считать основными принципами военнаго права. Это показываетъ намъ, какъ трудно въ этой области установить согласіе не только между дипломатами и людьми практики, но даже и въ ученомъ мірѣ. Конечно не слѣдуетъ забывать, съ другой стороны, что серіозная научная разработка всѣхъ этихъ важныхъ и трудныхъ вопросовъ, сравнительно говоря, началась очень недавно.

Муанье, отвергая общія начала, говоритъ что Брюссельская декларація является продолженіемъ Женевской и Петербургской конвенціи; поэтому онъ предлагаетъ и для нея нѣкоторыя общія соображенія (considérant), подобныя соображеніямъ этихъ конвенцій и которыя должны бы быть поставлены въ началѣ декларації.

Четвертый вопросъ: что̀ слѣдуетъ сказать объ общемъ духѣ и о порядкѣ изложенія Брюссельской декларації?

Выражаясь спеціальнѣе, этотъ духъ долженъ ли состоять въ простомъ освященіи правилъ «всѣми признанныхъ» (какъ высказался баронъ Жомини), или въ стремленіи ихъ гуманизировать и чрезъ это постепенно усовершенствовать, то-есть другими словами, должна ли декларація только консолидировать обычное право или внутренно улучшить его?

Во время самой Брюссельской конференціи въ ея средѣ мнѣнія раздѣлились по поводу вопроса, выставленнаго въ

этомъ четвертомъ пунктѣ. Съ одной стороны, Англія запретила своему представителю принимать участіе въ обсужденіи всѣхъ вопросовъ, которые будутъ касаться основныхъ принциповъ международнаго права, не получившихъ еще общаго признанія и примѣненія. Также баронъ Жомини заявилъ, что всѣ согласны относительно цѣли конференціи, которая должна состоять лишь въ принятіи правилъ общепризнанныхъ (consacrer des règles généralemet admises).

Съ другой стороны, полковникъ Гаммеръ замѣтилъ, что «общественное мнѣніе не было бы удовлетворено, еслибы конференція ограничилась кодификаціей однихъ устарѣвшихъ обычаевъ, изъ которыхъ многіе быть-можетъ имѣютъ характеръ злоупотребленій (abus traditionnels). Европа ожидаетъ отъ нашихъ совѣщаній провозглашенія новыхъ либеральныхъ и цивилизующихъ идей. Если же мы ограничимся опредѣленіемъ существующихъ началъ, мы не выполнимъ весьма существенной части нашей задачи». Оба эти мнѣнія, лежащія въ основаніи всѣхъ вопросовъ о кодификаціи, могутъ быть согласованы между собою, несмотря на все ихъ кажущееся противорѣчіе. «Конвенціи Женевская и Петербургская, говоритъ Муанье, приняты всѣми европейскими государствами. Въ основаніи ихъ мы видимъ два принципа, на которыхъ держится все современное военное право. Первый принципъ состоитъ въ томъ, что воюющіе должны стремиться только къ ослабленію военныхъ силъ противника. Второй говоритъ намъ, что всякая для сей цѣли излишняя строгость (rigueur) достойна порицанія. Эти принципы, хотя всѣми торжественно провозглашены, далеко не осуществили еще на практикѣ всѣ тѣ улучшенія, которыя они въ себѣ скрываютъ. Выведите только логическія послѣдствія, прямо изъ нихъ вытекающія и вы, ничего не измѣняя въ общихъ принципахъ, сами придете къ тѣмъ «новымъ, либеральнымъ и цивилизующимъ идеямъ», о которохъ говоритъ Гаммеръ.»

Дѣйствительно, всякая серіозная кодификація не можетъ абсолютно оставаться въ предѣлахъ одного существующаго права. Ея задача шире, но и труднѣе: она должна съ рѣдкимъ тактомъ стремиться къ гармоническому сочетанію элемента консервативнаго и прогрессивнаго въ правѣ. Желательно, замѣчаетъ Ланда, не только консолидировать право, но и

улучшать его. Освящая нормы всѣми признанныя, мы сообщаемъ силу закона наименьшему злу (au minimum de mal). Высказывая желанія, мы даемъ серіозный толчокъ къ образованію желательнаго добра или по крайней мѣрѣ меньшаго зла (au moindre mal). Слѣдуетъ консолидировать добро и безпрестанно улучшать его для того, чтобъ и оно совершенствовалось (pour qu'il arrive au mieux).

«Я думаю вмѣстѣ съ уважаемымъ предсѣдателемъ Брюссельской конференціи», пишетъ Нейманнъ, «что конференція не должна изобрѣтать и создавать новые законы, но давать свою санкцію началамъ всѣми признаннымъ, я прибавилъ бы не только признаннымъ, но и указываемымъ и требуемымъ духомъ времени и успѣхами современной цивилизаціи. Улучшеніе состоитъ именно въ томъ, что правила, установленныя обычаями и не подлежащія сомнѣнію въ наукѣ и въ правосознаніи народовъ, возводятся на степень законовъ посредствомъ торжественныхъ международныхъ договоровъ.»

Какъ бы то ни было, но всѣ члены коммиссіи единогласно заявили, что дѣло начатое въ Брюсселѣ есть несомнѣнно важный прогрессъ на пути гуманизированія, какъ говоритъ Блюнчли, или, по словамъ Люка, цивилизованія войны.

Съ удовольствіемъ приводимъ здѣсь отзывъ объ этомъ Муанье: «Брюссельская конференція удалила изъ первоначальнаго проекта все, что̀ служило непосредственнымъ подтвержденіемъ права сильнаго. Насколько возможно, она поставила предѣлы его могуществу. Создавъ для него обязанность, а не права, она все свое стараніе направила къ тому, чтобы защитить слабаго отъ произвола сильнаго и ограничить злоупотребленія побѣдоноснаго непріятеля. По выраженію барона Жомини, она старалась облечь въ юридическую норму, насколько это возможно и практично, тѣ гуманныя начала, которыя носились (qui flottaient) въ сознаніи народовъ и надо сказать, что если она не всегда оставалась въ предѣлахъ этой весьма трудной и деликатной задачи, она честно и постоянно къ ней стремилась. Практическія соображенія заставили конференцію не высказываться по поводу многихъ важныхъ пунктовъ, относительно которыхъ мнѣнія такъ еще расходятся, что соглашеніе ихъ пока невозможно. Въ этихъ случаяхъ она поступила благоразумно, что не рѣшила этихъ вопросовъ ни въ

томъ, ни въ другомъ направленіи: она не желала ни создать для сильнаго права злоупотреблять своею силой, ни ставить ему такихъ преградъ, которыя бы онъ легко сломилъ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь она оставила поприще для будущихъ конференцій и молчаніе ея по многимъ вопросамъ не должно быть истолковано въ смыслѣ подтвержденія съ ея стороны этихъ спорныхъ вопросовъ.»

Что касается до самаго порядка или системы изложенія Брюссельской декларацiи, то въ этомъ отношеніи, по мнѣнію многихъ писателей, она неудовлетворительна. Декларація, говоритъ Нейманнъ, раздробила и смѣшала самымъ произвольнымъ образомъ систему первоначальнаго русскаго проекта. Отсюда въ ней встрѣчаются многія повторенія и даже противорѣчія.

Муанье, съ своей стороны, представилъ образецъ болѣе систематическаго распредѣленія отдѣльныхъ главъ декларацiи и нельзя не сказать, что его планъ болѣе логиченъ и ясенъ.

Пятый вопросъ: Проектъ выработанный конференціей составитъ ли, если будетъ безъ измѣненiи принятъ какъ положительный законъ всѣми образованными государствами, улучшеніе нынѣ существующаго права, въ томъ смыслѣ, что обратитъ обычное право въ писанный законъ, или же въ силу внутренняго достоинства всѣхъ своихъ или нѣкоторыхъ принциповъ?

Большинство коммиссіи высказалось прямо за пользу оказанную уже конференціей какъ наукѣ, такъ и практикѣ международнаго права. Исключеніе здѣсь представляютъ только тѣ немногія лица, которыя абсолютно противъ кодификацiи. Съ наименьшимъ благожеланіемъ отнеслись къ конференціи англійскіе публицисты. Бернардъ заявилъ слѣдующее: русскій проектъ, исправленный конференціей, можетъ быть (съ нѣкоторыми дальнѣйшими измѣненіями) съ пользой положенъ въ основаніе инструкцій, которыя правительства воюющихъ государствъ могутъ издать каждое для своего войска. Но онъ полагаетъ, что не желательно обращеніе этого улучшеннаго проекта въ международный договоръ, который получилъ бы для всѣхъ обязательную силу. Тѣмъ не менѣе онъ прибавляетъ, что «Брюссельская конференція, бросивъ яркій свѣтъ на су-

ществующіе военные обычаи и указавъ на пути посредствомъ которыхъ желательно ихъ улучшеніе, совершила дѣло благотворное для міра (a work useful to the world) и почетное для Государя, иниціативѣ котораго она обязана своимъ возникновеніемъ.»

Твиссъ дѣлаетъ противъ деклараціи нѣсколько возраженій въ формѣ вопросовъ: 1) не было ли бы лучше созвать конференцію для принятія мѣръ противъ чрезвычайныхъ вооруженій континентальныхъ державъ; 2) не вытекаютъ ли новыя столкновенія между государствами, угрожающія намъ, изъ общеобязательной для всѣхъ военной службы; 3) не сообщилъ бы русскій проектъ священный характеръ права нѣкоторымъ репрессаліямъ противъ человѣческой жизни, что́ еще болѣе возмутило бы естественное чувство правды и человѣчности, чѣмъ всѣ репрессаліи существующія нынѣ въ силу военной необходимости? 4) Не слѣдуетъ ли, издавая правила для международной войны, обращать вниманіе на одинъ предметъ высшаго порядка и который даже не можетъ подчиняться интересамъ человѣчества,—мы говоримъ о сохраненіи народной жизни, которой должны быть приносимы въ жертву всѣ личныя страданія. Salus populi suprema lex.

Признаемся, что Англичане, въ своей маніи къ оппозиціи, чрезвычайно изобрѣтательны. Роленъ сжато и дѣльно отвѣчаетъ на эти сомнѣнія Твисса, указывая на то, что всѣ они сами по себѣ заслуживаютъ вниманія, но касаются вопросовъ не относящихся прямо къ дѣлу конференціи. Реформы ими требуемыя (напримѣръ о разоруженіи) даже едва ли могутъ быть достигнуты простыми конференціями. Много печальныхъ явленій въ общественной жизни нашего времени, но зло надо излѣчивать гдѣ и насколько можно. Особенно хорошъ отвѣтъ Ролена на четвертый пунктъ: конечно, говоритъ онъ, народъ который полагаетъ опаснымъ для своего національнаго существованія принятіе нѣкоторыхъ правилъ, обязанъ отвергнуть ихъ, даже тогда, если они ему предлагаются отъ имени человѣчества. Правило salus populi и т. д., есть только оправданіе того, что́ мы называемъ военною необходимостію. Но именно, ссылаясь на это правило въ общихъ выраженіяхъ, только передвигаютъ весь вопросъ. Задача въ томъ и состоитъ, чтобы найти способы примиренія и соче-

танія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, этихъ двухъ основныхъ элементовъ: военной необходимости и человѣчности.

Сводя всѣ эти замѣчанія къ общему результату, Роленъ говоритъ: «вмѣстѣ съ значительнымъ большинствомъ коммиссіи мы полагаемъ, что Брюссельская декларація, далеко не будучи совершенною и безупречною, не можетъ быть предложена Институтомъ въ цѣломъ своемъ составѣ; однако если-бы она была обращена въ положительный законъ, она ознаменовала бы въ международной жизни несомнѣнный прогрессъ (un véritable progrès).»

Ден-Бееръ-Португель указываетъ на всю пользу отъ принятія этой декларації: 1) она создала бы положительный законъ вмѣсто современнаго хаоса фактовъ, мнѣній и отдѣльныхъ обычаевъ, часто противорѣчащихъ другъ другу; 2) опредѣляя во многихъ случаяхъ чего занимающій непріятельскую территорію не въ правѣ дѣлать, декларація защищаетъ мирное населеніе такой области и 3) она внутренно измѣняетъ обычное право, и въ томъ немалая ея заслуга, въ прогрессивномъ смыслѣ.

Наконецъ заключимъ пожеланіемъ Нейманна: «Государь, говоритъ онъ, благородному почину котораго обязано возникновеніемъ это великое для человѣчества дѣло (cette grande oeuvre humanitaire), твердо намѣренъ дать ему дальнѣйшій ходъ. Невозможно чтобы будущія конференціи отказались отъ добытыхъ уже результатовъ. Онѣ ихъ укрѣпятъ, расширятъ и чрезъ это откроютъ пути къ новому прогрессу.»

О. послѣднемъ и шестомъ общемъ вопросѣ намъ собственно говорить нечего: въ немъ спрашивается о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя желательно видѣть въ текстѣ Брюссельской декларації, и это приводитъ членовъ коммиссіи къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ частей декларації. Отчетъ Ролена въ этомъ спеціальномъ отдѣлѣ также крайне интересенъ и важенъ въ научномъ отношеніи, но мы не послѣдуемъ за нимъ, потому что это отвлекло бы насъ далеко отъ нашей цѣли и, во вторыхъ, потому еще, что пока самое дѣло Брюссельской декларації пріостановлено въ своемъ практическомъ примѣненіи и развитіи.

Намъ весьма важенъ общій полученный четвертою коммиссіей результатъ: отъ имени лучшихъ публицистовъ нашего

времени заявлены двѣ слѣдующія утѣшительныя для насъ Русскихъ истины: 1) что Брюссельская декларація представляетъ сама по себѣ важный въ международной жизни и наукѣ успѣхъ, и 2) что въ интересахъ права и человѣчества надо желать доведенія ея до конца, то-есть обращенія ея (съ тѣми или другими измѣненіями) въ положительный международный законъ. Вѣруя въ торжество нравственныхъ принциповъ, мы убѣждены что дѣло, начатое въ Брюсселѣ, не будетъ брошено, но принесетъ въ свое время благословенные для Россіи и Европы плоды.

По предложенію Блюнчли Институтъ не высказалъ коллективнаго и мотивированнаго мнѣнія о каждой отдѣльной статьѣ декларація, но въ своихъ заключеніяхъ коснулся лишь нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся ея пунктовъ.

Приводимъ сполна эти

Заключенія принятыя Институтомъ по поводу Брюссельской декларація. *)

I. Желательно, чтобы законы и обычаи войны были опредѣлены посредствомъ конвенціи, декларація или другаго какого-либо соглашенія между различными цивилизованными государствами.

II. Такое опредѣленіе конечно не уничтожитъ всѣ опасности и бѣдствія, причиняемыя войной, но оно можетъ ихъ въ значительной степени смягчить, либо указывая на предѣлы, въ которыхъ правосознаніе цивилизованныхъ народовъ дозволяетъ проявленіе военной силы, либо ставя слабѣйшаго подъ охрану положительнаго права.

III. Проектъ декларація, принятой въ Брюсселѣ по благородному почину Всероссійскаго Императора, имѣетъ много сходства съ американскою инструкціей президента Линкольна, но представляетъ въ то же время надъ нею два преимущества: онъ распространяетъ на международныя сношенія постановленія, изданныя въ инструкціи лишь для одного государства, и содержитъ въ себѣ новыя начала, отличающіяся своею практичностію, прогрессивностію и человѣчностію.

IV. Сравнивая Брюссельскій проектъ съ идеями военнаго

*) Въ засѣданіи 30-го августа 1875. *Revue*, 1875 стр. 284.

права, излагаемыми въ новѣйшихъ сочиненіяхъ, слѣдуетъ признать, что относительно всѣхъ вопросовъ, имъ поднимаемыхъ, онъ оказывается по существу на высотѣ современной науки. Конечно эластичность и неопредѣленность нѣкоторыхъ его выраженій можетъ вызвать, съ юридической точки зрѣнія, строгую критику, но этотъ недостатокъ является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ потребности добиться прежде всего соглашенія между различными государствами и установить это соглашеніе посредствомъ взаимныхъ уступокъ. Кромѣ того, ничто не препятствуетъ въ будущемъ исправить декларацію, когда установится согласіе насчетъ улучшеній, которыя въ ней должны быть сдѣланы, когда болѣе развитыя теорія и практика разсѣютъ многія сомнѣнія, рѣшатъ различные спорные пункты и чрезъ это сдѣлаютъ возможнымъ дальнѣйшее приложеніе началъ, которыя въ теперешнемъ соглашеніи между государствами могутъ существовать только въ зародышѣ.

V. Обращаясь къ военной практикѣ донынѣ господствовавшей, мы видимъ, что проектъ декларации открываетъ перспективу важныхъ успѣховъ въ будущемъ, результаты которыхъ обѣщаютъ тѣмъ бо́льшую прочность, чѣмъ менѣе будутъ высказываться фантастическія желанія и навязываться войскамъ, во имя ложной филантропіи, требованія несовмѣстимыя съ ихъ безопасностію и съ достиженіемъ военныхъ цѣлей.

VI. Опредѣленія проекта декларации относительно занятія непріятельской территорріи являются приложеніемъ слѣдующаго вѣрнаго принципа: что самый фактъ занятія не предоставляетъ еще никакого права суверенитета, но что прекращеніе со стороны мѣстнаго населенія противодѣйствія и удаленіе національнаго правительства, съ одной стороны, и присутствіе вторгающагося непріятельскаго войска, съ другой, создаютъ для этого войска и для правительства, которое оно представляетъ, извѣстныя права и обязанности, имѣющія по существу временный характеръ. Проектъ въ этомъ отношеніи особенно старается указать на объемъ этихъ правъ и опредѣлить характеръ этихъ обязанностей, вызываемыхъ необходимостью поддерживать общественный порядокъ и охранять безопасность лицъ и имуществъ въ это время отсутствія всякаго правильнаго правительства. Правила, постановляемыя на этотъ счетъ въ декларации, могутъ быть улучше-

ны въ подробностяхъ, но даже и въ настоящемъ видѣ они болѣе охраняютъ мирныхъ жителей и неприкосновенность государственныхъ и частныхъ имуществъ въ занятой непріятелемъ территоріи, чѣмъ какъ это дѣлалось практикой, существовавшей донынѣ или требовалось большинствомъ писателей.

VII. Проектъ декларації установляетъ вѣрное различіе между тремя категоріями лицъ: правильные комбатанты, съ которыми должны обращаться какъ съ таковыми; мирное населеніе, пользующееся охраной въ своихъ личныхъ и имущественныхъ правахъ, и неорганизованные комбатанты, которые, не уважая законовъ войны, не заслуживаютъ, чтобы съ ними обращались какъ съ честными непріятелями. Это различіе вытекаетъ изъ современнаго воззрѣнія на войну, которая ведется между государствами, а не между частными лицами. Оно ни въ чемъ не стѣсняетъ народной обороны, допуская наиболѣе энергичную ея форму, возстанія вооруженныхъ народныхъ массъ. Оно даже увеличиваетъ силы этой обороны, подчиняя ее извѣстнымъ условіямъ дисциплины и порядка, которыя необходимы въ каждой правильной войнѣ между цивилизованными народами. Въ видахъ этой цѣли слѣдуетъ требовать, чтобы всѣ правильные комбатанты, кромѣ исключенія, указываемаго ст. 10, носили опредѣленный, постоянный знакъ, легко распознаваемый на извѣстномъ разстояніи и который вездѣ удобно себѣ добыть, для того чтобы непріятельскія войска сразу могли видѣть, кого они имѣютъ предъ собой, мирныхъ ли жителей, которыхъ слѣдуетъ охранять, или враговъ, съ которыми должно сражаться.

VIII. Опредѣленія относительно контрибуцій и реквизицій представляютъ также прогрессъ, сравнительно съ практикой предыдущихъ войнъ. Ст. 42 въ особенности, требующая чтобы за каждую реквизицію было выдано вознагражденіе или квитанція, высказываетъ принципъ, который способенъ развиться въ будущемъ и при болѣе гуманной практикѣ.

IX. Репрессаліи являются печальнымъ, но во многихъ случаяхъ неизбѣжнымъ исключеніемъ изъ того общаго принципа правды, въ силу котораго невинный не долженъ страдать за виновнаго. Когда же безъ нихъ нельзя обойтись совершенно, желательно чтобъ онѣ, согласно съ первоначальнымъ рус-

скимъ проектомъ, были включены въ текстъ декларацiи, для того, чтобъ ограничить ихъ дѣйствiе слѣдующими принципами:

1. Способъ ихъ приложенiя и объемъ ихъ не должны бы превосходить степень правонарушенiя, совершеннаго непрiятелемъ.

2. Онѣ должны бы быть формально запрещены въ тѣхъ случаяхъ, когда правонарушенiе подавшее поводъ къ жалобѣ, будетъ возстановлено.

3. Онѣ не должны бы совершаться безъ разрѣшенiя главнокомандующаго.

4. Онѣ должны бы уважать во всѣхъ случаяхъ законы человѣчности и нравственности.

X. Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣнiе отдѣльныхъ статей декларацiи, Институтъ полагаетъ, что онъ можетъ обратить вниманiе правительствъ и ихъ полномоченныхъ, имѣющихъ быть призванными къ пересмотру и дополненiю дѣла Брюссельской конференцiи, между прочимъ на слѣдующiя замѣчанiя и предложенiя, сдѣланныя отдѣльными членами коммиссiи:

a) на различныя попытки опредѣленiя военнаго занятiя; въ особенности же на слѣдующее опредѣленiе: «территорiя считается занятою съ того момента, такъ долго и настолько, насколько государство, отъ котораго она зависитъ, лишено возможности, вслѣдствiе прекращенiя въ ней противодѣйствiя мѣстнаго населенiя, публично проявлять надъ нею свои верховныя права.

b) на предложенiе о томъ, что военная власть обязана сообщать при первой же возможности жителямъ занятой территорiи о томъ, что занятiе совершилось;

c) на предложенiе прилагать общiй принципъ возвращенiя или вознагражденiя къ складамъ оружiя или къ предметамъ аммунiцiи, принадлежащимъ частнымъ лицамъ занятой области, въ такой же степени какъ за всякую другую частную собственность непрiятеля;

d) на предложенiе отнести къ запрещеннымъ средствамъ войны разрушенiе или опустошенiе для достиженiя лишь какой-либо временной цѣли войны, посредствомъ наводненiя, пожара и т. п. значительной части непрiятельской территорiи или цѣнныхъ продуктовъ ея почвы;

e) на предложеніе принять мѣры къ тому, чтобы сообщить правильный и серіозной характеръ росписками и квитанціямъ, которыя выдаются жителямъ запятой области, подвергшимся личнымъ повинностямъ, контрибуціямъ или реквизиціямъ;

f) на желаніе того, чтобы различныя государства ввели въ свои инструкціи войскамъ начала международнаго права.

XI. Институтъ съ своей стороны присоединяется къ слѣдующимъ желаніямъ, высказаннымъ въ средѣ Брюссельской конференціи:

1. Генераломъ Арнодо о томъ, чтобы государства, путемъ соглашенія между собою, установили единообразіе въ различныхъ репрессивныхъ мѣрахъ, допускаемыхъ ихъ военными законами и чтобъ они нашли общія основанія для объединенія наказаній, назначаемыхъ за преступленія, проступки и нарушенія противъ международнаго права (уголовнаго права войны, droit pénal de la guerre).

2. Барономъ Бланкомъ и полковникомъ графомъ Ланца о томъ, чтобы всѣ части военныхъ инструкцій, касающіяся отношеній воюющихъ между собою, были подвергнуты, на основаніи соглашеній между правительствами, объединенію.

3. Полковникомъ Брюномъ (Brun) о принятіи слѣдующаго постановленія: послѣ каждаго сраженія воюющіе обязаны сообщать непріятелю списокъ лицъ убитыхъ, находящихся въ ихъ власти. Для облегченія этой мѣры было бы цѣлесообразно снабжать всѣхъ солдатъ знакомъ съ указаніемъ ихъ нумера (имени?), имени ихъ полка и нумера ихъ роты.»

Эти заключенія Института не были приняты единогласно; особенно англійскіе публицисты Бернардъ и Твиссъ представили свои отдѣльныя мнѣнія (réserves), по содержанію весьма сходственныя между собою. *) Приведемъ мысли перваго, какъ наиболѣе ясно и полно формулованныя.

Бернардъ одобряетъ желаніе, чтобы правительства опредѣлили и улучшили военные обычаи съ общаго согласія, но онъ полагаетъ, что имъ слѣдуетъ предоставить на выборъ самые способы такого опредѣленія: путемъ ли декларацій, конвенцій или отдѣльныхъ инструкцій для каждой страны. Послѣдній способъ, какъ мы уже выше замѣтили, кажется ему

*) *Revue* 1875, стр. 674.

наилучшимъ. Брюссельскій проектъ, по его мнѣнію, содержитъ много статей, которыя неудобно помѣстить въ текстѣ международной конвенціи; но какъ основаніе инструкціи или военно-административнаго регламента, Бернардъ принялъ бы его почти цѣликомъ, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ измѣненій въ формѣ и въ выраженіяхъ. Особенно оригинальны его послѣдніе выводы: Брюссельская конференція, говоритъ онъ, совершила дѣло весьма полезное; она бросила яркій свѣтъ на современные обычаи войны; проектъ ею выработанный ознаменовалъ бы по многимъ вопросамъ благотворный прогрессъ, но тѣмъ не менѣе онъ измѣнилъ бы, по моему мнѣнію, военную практику гораздо менѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Я даже позволю себѣ сказать, что, тщательно изучивъ событія послѣднихъ войнъ, пришелъ къ тому выводу: «еслибъ этотъ проектъ былъ принятъ въ 1850, войны, которыя предпринимались съ того времени, велись бы почти совершенно также какъ онѣ были потомъ въ дѣйствительности.»

Заключеніе этихъ выводовъ стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ ихъ началомъ: если Брюссельскій проектъ на практикѣ не окажетъ вліянія на смягченіе военныхъ обычаевъ, то его никакъ нельзя назвать «весьма полезнымъ»; онъ даже въ такомъ случаѣ просто излишній. Но напрасно Бернардъ видитъ въ немъ одно прекрасное теоретическое упражненіе европейскихъ правительствъ. Опытъ показалъ намъ, что Женевская конвенція, при многихъ ея несовершенствахъ, оказала самое благотворное вліяніе на послѣднія войны *); тѣмъ болѣе столь цѣльная и многосторонняя декларація какъ Брюссельская призвана, еслибъ ее приняли, смягчить и ограничить бѣдствія войны.

Этимъ окончила въ Гагѣ свои занятія четвертая коммиссія. Впрочемъ тогда же принято рѣшеніе возобновить ее, если къ тому представится необходимость, т.-е. если дѣло, начатое въ Брюсселѣ, поведется далѣе новою конференціей и получитъ окончательную форму.

---

*) Срав. объ этомъ прекрасныя брошюры Муанье: *Les dix premières années de la croix rouge* и *La convention de Genève pendant la guerre franco-allemande. 1873.*

5.

Задача, поставленная *пятой коммиссіи* — о неприкосновенности частной собственности во время войны на морѣ—по природѣ своей стоитъ въ тѣсной связи съ вопросами, разбиравшимися второю коммиссіею. Въ сущности обѣ эти коммиссіи трудились и трудятся надъ ученіемъ о нейтралитетѣ. Поэтому работы ихъ должны составить со временемъ одно научное цѣлое. Мы говоримъ со временемъ потому, что пятая коммиссія доселѣ не окончила своихъ занятій и Институтъ высказалъ о нихъ только отчасти, какъ увидимъ ниже, свое мнѣніе въ Гагѣ. Впрочемъ принципъ самаго вопроса, для котораго назначена эта коммиссія, имъ уже рѣшенъ и дѣло идетъ только о болѣе точномъ опредѣленіи практическаго его приложенія къ отдѣльнымъ случаямъ.—Это обстоятельство и кромѣ того самый характеръ трудовъ, представленныхъ докладчиками пятой коммиссіи, трудовъ въ научномъ отношеніи весьма примѣчательныхъ, заставляютъ насъ уже теперь обратить вниманіе нашихъ соотечественниковъ на результаты, добытые этою коммиссіею.

Въ Женевѣ выбраны слѣдующія лица въ ея члены: г. г. Бульмеринкъ, Кальво, Коши, Готфёль, Лавеле, Пьерантони, Склописъ, Видари, Вестлекъ, Вульси и Альберикъ Роленъ. Готфёль не могъ участвовать въ ея занятіяхъ: онъ скончался 26-го января 1875 г. Докладчиками выбраны Лавеле, Пьерантони и Альберикъ Роленъ.

И эта коммиссія, подобно другимъ, начала свои работы съ того, что составила подробную программу вопросовъ, *) которую разослала къ членамъ Института. Въ ней разсматриваются по очереди всѣ вопросы, входящіе въ составъ ученія о нейтралитетѣ: положеніе частной собственности воюющихъ и нейтральныхъ на морѣ; контрабанда; блокада; каперство; репризы (reprise ou recousse); право осмотра и призовые суды.

Во главѣ этой программы поставленъ слѣдующій общій вопросъ, который можетъ быть названъ капитальнымъ въ ря-

*) *Revue*, 1875 г., стр. 553.

ду всѣхъ остальныхъ; существуетъ ли по природѣ вещей какое либо разумное или юридическое основаніе, въ силу котораго можно бы относиться къ частной собственности во время морской войны иначе, чѣмъ къ частной собственности во время войны сухопутной?

Каждый изъ трехъ докладчиковъ представилъ Институту въ Гагѣ интересную работу: Лавеле изучилъ вопросъ о неприкосновенности частной собственности на морѣ съ обще-теоретической точки зрѣнія, *) Пьерантони указалъ на историческое его развитіе у итальянскихъ публицистовъ; **) Альб. Роленъ наконецъ собралъ по отдѣльнымъ пунктамъ программы мнѣнія членовъ коммиссіи. ***) Очевидно каждая изъ этихъ монографій любопытна и заслуживаетъ полнаго вниманія.

Пьерантони съ обычнымъ талантомъ и тонкимъ тактомъ выставляетъ заслуги своихъ соотечественниковъ по вопросу его занимающему. Оставаясь въ области международнаго права, онъ всюду является просвѣщеннымъ патріотомъ. Очеркъ его итальянской литературы по поводу этого вопроса весьма полонъ, начиная съ древнѣйшихъ писателей (Белло и Дженгили) и кончая новѣйшими трудами Манчини, Видари и Шіаттарелла. Онъ приводитъ также постановленія о призахъ, частной собственности на морѣ и т. п. новѣйшаго морскаго уложенія Италіи 1865 г.

Трудъ Альб. Ролена имѣетъ по отношенію къ пятой коммиссіи такое же значеніе, какъ работа Ролена для четвертой. Особенно важенъ здѣсь отвѣтъ коммиссіи на первый общій вопросъ: *всѣ ея члены признали единогласно, что въ природѣ вещей не существуетъ никакого разумнаго и юридическаго основанія, въ силу котораго въ морскихъ войнахъ частная собственность воюющихъ или нейтральныхъ должна подлежать инымъ началамъ, чѣмъ въ континентальныхъ войнахъ, т. е. подвергаться конфискаціи.*

Наиболѣе интересна конечно статья *Лавеле.*—По обще-теоретическому своему характеру, по ясности и объективности изложенія, она, можно сказать, разбираетъ вопросъ о частной

---

*) Ib. стр. 559.
**) Ib. 619.
***) Ib. 603.

собственности на морѣ со всѣхъ сторонъ: мы видимъ историческое движеніе его въ наукѣ и жизни, знакомимся съ доводами главныхъ противниковъ свободы частной собственности на морѣ (Ортолана, Готфёля, Филлимора, Лоримера и др.) и съ удовольствіемъ читаемъ собственныя заключенія автора, отмѣченныя убѣдительною логикою и самою просвѣщенною человѣчностію.

Думаемъ, что читатели не посѣтуютъ на насъ, если мы представимъ имъ хотя самый сжатый обзоръ этой монографіи, которую нельзя не рекомендовать вниманію каждаго образованнаго человѣка. *)

Почти одновременно въ наукѣ и въ жизни выступаетъ на сцену вопросъ о неприкосновенности частной собственности на морѣ. Первые писатели, объявившіе себя за эту свободу, были Мабли и Галіани. Мартенсъ также называлъ каперство «варварскимъ обычаемъ» и между защитниками свободы частной собственности мы съ удивленіемъ встрѣчаемъ Наполеона I.

Изъ государствъ ранѣе всѣхъ признали этотъ принципъ Америка, Пруссія, Франція и Россія. Соединенные Штаты еще въ 1785 г. заключили договоръ съ Пруссіею, въ которомъ отмѣнили каперство и признали частную собственность свободною на морѣ. Тоже самое, по предложенію депутата Керсена (Kersaint), сдѣлало законодательное собраніе во Франціи въ 1792 г. (декретъ 30-го мая). Въ этомъ же году Франція вступила въ переговоры съ другими государствами для выполненія этого декрета. Конечно при тогдашнихъ обстоятельствахъ эти переговоры не могли имѣть успѣха и одни Соединенные Штаты приняли предложенія Франціи.

Въ періодъ революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ господствовала на континентѣ Европы и на морѣ полнѣйшая анархія и безправіе достигало самыхъ чудовищныхъ размѣровъ. Не только воюющіе, но и нейтральные не пользовались никакими правами: имущество частныхъ лицъ расхи-

*) Во главѣ своего труда Лавеле дѣлаетъ весьма полное перечисленіе главныхъ литературныхъ пособій, въ числѣ которыхъ мы встрѣтили и два русскія сочиненія о неприкосновенности частной собственности г.г. Мартенса и Базинера.

щалось и истреблялось вездѣ, гдѣ попадалось въ руки непріятеля. До крымской войны новую попытку улучшенія въ этомъ отношеніи морскаго права мы видимъ опять со стороны Америки: президентъ Сосд. Шт. Монрое представилъ великимъ державамъ Европы проектъ международной конвенціи, для опредѣленія принциповъ торговаго и морскаго нейтралитета. Одна Россія выразила свое сочувствіе этому проекту; въ депешѣ нашего тогдашняго канцлера гр. Нессельроде она заявила, что готова, какъ скоро получатся на то согласія другихъ кабинетовъ, приступить къ обсужденію вопроса, рѣшеніе котораго составило бы славу современной дипломатіи (un titre de gloire pour la diplomatie moderne). *)

Парижская декларація 16 апрѣля 1856 г. составляетъ важную эпоху въ занимающемъ насъ вопросѣ; до восточной войны Франція держалась въ морскомъ правѣ слѣдующей системы: она конфисковала съ непріятельскимъ кораблемъ и грузъ на немъ находившійся, хотя бы этотъ грузъ былъ нейтральный. Но она уважала свободу нейтральныхъ кораблей и ихъ груза даже въ томъ случаѣ, если послѣдній принадлежалъ непріятелю. Англія на оборотъ уважала свободу нейтральнаго груза подъ непріятельскимъ флагомъ и подвергала захвату грузъ непріятеля даже на нейтральномъ кораблѣ. Такимъ образомъ руководящимъ началомъ для Франціи была національность корабля, а для Англіи груза.

Желая заручиться симпатіями нейтральныхъ, союзники провозгласили въ знаменитой нотѣ 30 марта 1854 г. тѣ новыя начала морскаго международнаго права, которыя потомъ вошли въ парижскую декларацію [1]). Выше мы уже приводили мнѣнія о ней Кальво и Нейманна. Составляя успѣхъ въ морскомъ международномъ правѣ, эта декларація является не болѣе какъ полумѣрою. Она не признала главнаго принципа— неприкосновенности вообще частной собственности на морѣ. Вотъ почему Соединенные Штаты и имѣли право ее отвергнуть. Они тогда же потребовали введеніе этого новаго нача-

*) Подробности объ этомъ читатель найдетъ у *Мартенса* „О правѣ частной собственности во время войны“ стран. 208 сл.

[1]) Текстъ ея см. въ приложеніяхъ къ русск. пер. соч. Блюнчли, Соврем межд. право. 1877 г.

ла, за которое они всегда стояли. Мысль ихъ была принята съ большимъ сочувствіемъ многими государствами, но особенно Россіею и Франціею. Даже Англія не прямо отвергла ее, но различными отговорками помѣшала ея практическому осуществленію.

Съ тѣхъ поръ вопросъ о свободѣ частной собственности на морѣ неоднократно поднимался въ наукѣ, печати и въ палатахъ. Государства Европы и Америки, какъ это подтверждается многочисленными примѣрами, вполнѣ готовы признать эту свободу, требуемую какъ юридическими началами, такъ и соображеніями общаго торговаго благосостоянія. Тѣмъ не менѣе постоянная и упорная оппозиція Англіи до сихъ поръ останавливаетъ проведеніе этой реформы въ жизнь.

О практикѣ новѣйшихъ войнъ мы говорили уже выше Лавеле приводитъ весьма интересные примѣры постепеннаго прогресса занимающей насъ идеи въ общественномъ мнѣніи Европы. Италія въ своемъ морскомъ кодексѣ признала неприкосновенность частной собственности на морѣ подъ условіемъ взаимности и если торговые корабли не перевозятъ контрабанды и не нарушаютъ блокады. Тоже сдѣлала она въ своемъ договорѣ съ Соед. Штатами въ 1871 г.

Въ 1868 г. парламентъ Сѣверо-германскій принялъ единогласно предложеніе Эгиди о томъ, чтобы германское правительство вступило въ переговоры съ другими государствами для признанія частной собственности свободною на морѣ.

Во Франціи почти наканунѣ войны съ Германіею законодательный корпусъ принялъ, по предложенію Гарнье Пажеса 17-го Іюля 1870 г., слѣдующій проектъ: «отмѣняются каперство и захватъ военными кораблями государства купеческихъ судовъ непріятеля, если послѣдній до начала войны принялъ или согласенъ принять условіе взаимности по этому вопросу».

Даже въ Англіи, странѣ наименѣе расположенной къ этой реформѣ, раздаются голоса въ пользу отмѣны права захвата. Они исходятъ отъ Кобдена и его школы, а также отъ различныхъ торговыхъ палатъ большихъ промышленныхъ центровъ Великобританіи. Горсфолль (Horsfall), поддерживаемый Кобденомъ, поднялъ даже въ Парламентѣ въ засѣданіи 17-го марта 1862 г. рѣчь объ этомъ. Но Пальмерстонъ рѣшительно отвергъ эту мысль, хотя прежде самъ онъ однажды, въ рѣчи

произнесенной имъ въ Ливерпулѣ (10 ноября 1856 г.) высказался въ пользу отмѣны права захвата.

Что касается до писателей по международному праву, то за полную свободу частной собственности стоятъ во Франціи Коши, Массе и Прадье-Фодере; противъ нея—Ортоланъ, Готфель, Пистои, Дюверди и Барбару. Въ Германіи за свободу Блюнчли и Гесснеръ; противъ нея Мартенсъ, Клюберъ и Гефтеръ. Въ Англіи противъ нея всѣ юристы и публицисты за исключеніемъ Кобдена и его послѣдователей. Въ Италіи и Америкѣ всѣ новѣйшіе писатели защищаютъ неприкосновенность частной собственности на морѣ. Сюда же, думаемъ мы, можно отнести и Россію, всегда сочувствовавшую, какъ мы видѣли выше, этой идеѣ. Покойный Каченовскій осудилъ каперство до его уничтоженія парижскимъ конгрессомъ, *) а проф. Мартенсъ въ прекрасной монографіи изложилъ со всѣхъ сторонъ принципъ полной свободы частной собственности **)

И такъ мы можемъ сказать, что теперь почти всѣ государства и значительное большинство писателей стоятъ за эту реформу. Какія же возраженія задерживаютъ доселѣ ея приложеніе къ дѣйствительной жизни?

Они весьма многочисленны и Лавеле разбираетъ ихъ самымъ тщательнымъ образомъ, указывая на ихъ несостоятельность. Мы приведемъ только его общіе выводы, которые ясно резюмируютъ весь вопросъ.

Неприкосновенность частной собственности на морѣ, говоритъ онъ, должна быть разсматриваема съ двухъ точекъ зрѣнія, или какъ вопросъ юридическій, или какъ мѣра практическая, цѣлесообразная съ операціями морской войны. Съ обѣихъ точекъ зрѣнія она должна получить общее и полное признаніе.

1. Захватъ частной собственности на морѣ, какъ и на сушѣ противорѣчитъ праву. Онъ несовмѣстимъ съ основнымъ принципомъ современнаго военнаго права, состоящимъ въ томъ, что война ведется между государствами и противъ ихъ воору-

---

*) См. его классическую монографію „О каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ“, 1855 г., которая вполнѣ исчерпываетъ этотъ вопросъ. Она переведена Праттомъ на англійскій языкъ въ 1867 г.

**) „О правѣ частной собственности во время войны.“ 1869 г.

женныхъ силъ, а не между частными лицами и не противъ нихъ. *) Въ силу этого должно признать либо, что частная собственность можетъ быть захвачена и на сушѣ—что давно уже отвергнуто писателями и государственными людьми — либо, что она неприкосновенна въ равной степени, какъ на континентѣ, такъ и на морѣ. Не существуетъ юридическаго основанія для установленія такого принципіальнаго различія между морскою и сухопутною войною. Въ этомъ согласны даже наши противники Лоримеръ, Твиссъ, Готфель, Ортоланъ и др. Частныя лица очевидно, какъ мирные граждане, пользуются одними и тѣми же правами будутъ ли они земледѣльцы или моряки. Но говорятъ и на сушѣ частная собственность пользуется только фиктивною свободою; она, какъ извѣстно, подвергается реквизиціямъ и контрибуціямъ. Кромѣ того, на сушѣ воюющій занимаетъ территорію непріятеля; взамѣнъ этого на морѣ онъ захватываетъ его корабли и тѣмъ пресѣкаетъ его сообщенія съ другими народами.

Относительно перваго пункта замѣтимъ, что, въ этомъ отношеніи, существуетъ громадное принципіальное различіе между континентальною и морскою войною: контрибуціи и реквизиціи составляютъ на сушѣ для воюющаго весьма часто неизбѣжность. Войско не можетъ же гибнуть на непріятельской территоріи отъ голода и холода. Этою же необходимостію опредѣляются и предѣлы контрибуцій. Кромѣ того современное право вообще стремится оградить ихъ обязанностію вознагражденія: контрибуціи являются такимъ образомъ временною экспропріаціею или принудительнымъ займомъ. Ничего подобнаго мы не видимъ въ морской войнѣ: туть захватъ частной собственности вызывается не *самосохраненіемъ воюющаго*, а *жаждою его къ наживѣ*. Это не есть, какъ увидимъ далѣе, военная необходимость, и потому можетъ быть названо разбоемъ.

Что касается до втораго возраженія, то оно также несостоятельно. Захватъ частной собственности не приноситъ той пользы, которой отъ него ожидаютъ. Воюющіе правда пре-

*) Лавеле приводитъ введеніе къ первоначальному русскому проекту, представленному Брюссельской конференціи.

кращаютъ въ виду этой опастности *прямыя* и *непосредственныя* морскія сношенія съ другими государствами; но они имѣютъ для своей торговли во время войны еще два вѣрные пути: желѣзныя дороги и корабли нейтральныхъ. Въ силу этого торговля ихъ не уничтожается, а только измѣняетъ свое направленіе. Единственный способъ вполнѣ уничтожить торговлю воюющаго состоитъ въ захватѣ частной собственности его подданныхъ повсюду, т. е. и подъ нейтральнымъ флагомъ, какъ дѣлала это Англія до парижской декларацiи. Но теперь, съ признаніемъ этой собственности неприкосновенною подъ нейтральнымъ флагомъ, говоритъ Лавеле, захватъ ея подъ флагомъ непріятельскимъ не можетъ серьезно ослабить вывозную или ввозную торговлю воюющихъ. Эта торговля продолжается посредствомъ нейтральныхъ судовъ и государство самое могущественное на морѣ лишено теперь возможности пресѣчь торговлю непріятеля. Поэтому тутъ нѣтъ середины: или нужно конфисковать частную собственность повсюду, гдѣ она находится, или же вездѣ должно ее считать неприкосновенною.

Аналогія же между непріятельскою территоріею и непріятельскими кораблями давала бы воюющему только право занятія или временнаго задержанія кораблей, но не конфискаціи ихъ. Этого мнѣнія держится въ наше время Гефтеръ. *) Занятіе непріятельской области въ сухопутной войнѣ дастъ побѣдителю не право собственности надъ нею, а лишь временнаго верховенства; тоже самое должно бы быть и въ морской войнѣ. Но мы говоримъ здѣсь не о государственныхъ корабляхъ (ихъ всегда можно захватывать), а о судахъ частныхъ лицъ.

2. Переходимъ ко второму, чисто *практическому* возраженію. Торговый флотъ, говорятъ, есть въ сущности важная поддержка военнаго. Онъ легко можетъ быть обращенъ въ таковой и матросы на купеческихъ судахъ часто призываются для пополненія военнаго экипажа. Поэтому *весь непріятельскій флотъ*

*) Къ нему склоняется и Каченовскій: арестъ и временное распоряженіе собственностію непріятельскихъ подданныхъ, говоритъ онъ, вполнѣ достаточны для цѣли воюющихъ сторонъ; что же касается конфискаціи—она приноситъ народамъ болѣе вреда, чѣмъ пользы и безъ нужды усиливаетъ жестокость морскихъ войнъ. (О каперахъ, стр. 173.)

составляетъ *одно цѣлое*, какъ бы одно морское войско, принимающее участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Преслѣдовать торговлю непріятеля значитъ стремиться къ скорѣйшему окончанію войны и уже гуманныя соображенія должны повести насъ къ тому, чтобы мы не признавали частной собственности на морѣ свободною.

Послѣднюю мысль высказалъ даже такой писатель какъ Готфёль. Но всѣ эти положенія представляютъ въ сущности сплетеніе софизмовъ. Во 1-хъ прежде, когда существовали каперы и деревянные корабли, торговый флотъ могъ имѣть и военное значеніе; но теперь, съ уничтоженіемъ каперства, съ введеніемъ броненосцевъ и новыхъ дальнострѣльныхъ орудій—торговые корабли сами по себѣ утратили это значеніе. Для морскихъ войнъ нашего времени требуются суда совершенно спеціально къ этому приспособляемыя. Примѣры послѣднихъ войнъ намъ ясно показали всю безполезность торговаго флота собственно для военныхъ цѣлей, особенно съ тѣхъ поръ, какъ отмѣнено каперство. Во 2-хъ что касается до матросовъ, то какъ же можно захватывать ихъ и уводить въ плѣнъ только на томъ основаніи, что, принятые въ составъ экипажа военнаго флота, они могутъ сдѣлаться комбатантами? Отчего же тогда, разсуждая такъ, не захватывать и на сушѣ всѣхъ мирныхъ гражданъ, но способныхъ носить оружіе и вступать въ ряды войска? Прежде такъ и поступали, когда считали *всѣхъ гражданъ* непріятельскаго государства безразлично—врагами, а варварскія племена и магометане до сихъ поръ держатся этого правила. Въ 3-хъ и гуманное возраженіе оказывается также слабымъ, какъ и возраженія юридическія и военныя. Опытъ послѣднихъ войнъ показываетъ, что разореніе торговли не дѣлаетъ войны болѣе рѣдкими и краткими. Самъ Пальмерстонъ сознался въ 1856 г., что ни одинъ великій народъ не былъ побѣжденъ массою частныхъ убытковъ. Во времена континентальной системы и борьбы Англіи съ Наполеономъ I, какой безграничный разбой господствовалъ на всѣхъ моряхъ. И что же, развѣ онъ сократилъ эту борьбу?

Не имѣя юридическаго основанія, не представляя военной необходимости, захватъ частной собственности на морѣ имѣетъ, надо сознаться, лишь одну цѣль—разореніе благосостоянія мирныхъ непріятельскихъ гражданъ. *Но вредить непріятелю*

только для того, чтобы вредить, есть преступленіе противъ человѣчества (un crime de lèze humanité). Чудовищная мысль видѣть въ войнѣ средство уничтоженія мирной торговли, призванной укрѣплять солидарность между народами. Такое воззрѣніе могло еще господствовать въ эпохи варварства, когда думали, что интересы одного государства требуютъ разоренія и обѣднѣнія другихъ. Но въ наше время политическая экономія давно разсѣяла подобныя предубѣжденія и указала на то, что цѣль цивилизаціи состоитъ между прочимъ въ умноженіи производства и въ облегченіи обмѣна продуктовъ.

Лавеле приводитъ мнѣніе Коши о томъ, что уничтоженіе каперства неизбѣжно требуетъ признанія неприкосновенности частной собственности на морѣ. Одна реформа не имѣетъ смысла безъ другой. Иначе, говоритъ Коши, государства, не обладающія сильнымъ военнымъ флотомъ будутъ поставлены въ слишкомъ невыгодное для нихъ положеніе, чтобъ имѣть возможность не прибѣгать опять къ каперамъ. *) И такъ *уничтоженіе каперства логически и юридически требуетъ совершеннаго уничтоженія и призовъ.*

Всѣ цивилизованныя государства приняли бы реформу нами предлагаемую безъ оппозиціи Англіи. Эта держава досель убѣждена, какъ ясно высказался объ этомъ Пальмерстонъ въ 1862 г., что право захвата составляетъ необходимость не только ея могущества, но даже самозащиты на морѣ. Грустное заблужденіе, имѣвшее разумное основаніе при прежнихъ условіяхъ морскихъ войнъ, но не приложимое къ нашему времени, когда употребленіе пара и другія открытія совершенно измѣнили характеръ этихъ войнъ.

Торговое и промышленное развитіе Англіи, говоритъ Лавеле, громадная ея зависимость отъ иностранныхъ рынковъ и самый характеръ ея сообщеній, преимущественно морскихъ, должны бы давно убѣдить англичанъ въ томъ, что они, болѣе всѣхъ другихъ народовъ, заинтересованы въ свободѣ и безопасности морской торговли. Каперство есть страшное оружіе противъ Англіи, но не въ рукахъ англичанъ.

---

*) Les Etats qui n'ont pas une forte marine militaire seront dans une position trop désavantageuse, pour qu'ils puissent continuer à renoncer à l'emploi des corsaires.

Мы знаемъ, англичане, возражая противъ этого, любятъ указывать на свой военный флотъ, который, превосходя соединенные флоты многихъ государствъ, достаточно силенъ для защиты ихъ торговли. Но первая же морская война—не только съ Америкой (которая еще не отказалась отъ каперства), но даже съ европейскою державою—горько разубѣдитъ ихъ въ этой иллюзіи. Послѣдняя междуусобная война въ Америкѣ показываетъ, что южане, не имѣвшіе флота и выдерживая блокаду всѣхъ своихъ портовъ, могли нанести однимъ своимъ быстрымъ каперомъ Алабамой торговлѣ сѣверныхъ Штатовъ такіе убытки, отъ которыхъ она не оправилась до сихъ поръ. Не смотря на морскія силы этихъ Штатовъ, Алабама уничтожила въ нѣсколько мѣсяцевъ $^5/_6$ ихъ перевозной торговли. Представьте, замѣчаетъ Лавеле, войну между Англіею и Россіею. Какой особый вредъ можетъ нанести первая послѣдней? Торговый флотъ и заграничная торговля Россіи, сравнительно говоря, незначительны. Даже съ ихъ совершеннымъ уничтоженіемъ могущество этой громадной Имперіи не уменьшится. Но и этотъ результатъ едва ли мыслимъ. Во время крымской войны блокада союзниками балтійскихъ и черноморскихъ портовъ отрѣзала у Россіи главные пункты ея вывозной торговли. Но теперь, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, подобная мѣра не оказалась бы полезною на практикѣ: русскіе товары стали бы нагружаться въ Кёнигсбергѣ и Ибраилѣ вмѣсто Риги, Петербурга и Одессы.

Эти замѣчанія талантливаго бельгійскаго публициста особенно интересны въ виду современныхъ политическихъ событій, легко могущихъ привести къ войнѣ между Россіею и Англіею. Наши извлеченія изъ статьи Лавеле даютъ конечно весьма блѣдное о ней понятіе: чтобы познакомиться съ ея богатымъ и интереснѣйшимъ содержаніемъ, надо ее прочесть въ подлинникѣ.

Въ заключеніе скажемъ, что и намъ кажется, что ничто не мѣшаетъ европейскимъ и американскимъ *) государствамъ

---

*) Въ Америкѣ за свободу частной собственности на морѣ стоятъ не одни Соед. Штаты: въ 1851 г. ее признали Бразилія и Уругвай въ особомъ заключенномъ между собою трактатѣ. Тоже сдѣлали Коста-Рика и Новая Гранада въ 1856 г.

не спрашивая согласія Англіи, признать наконецъ равныя права за частною собственностью, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ и этимъ покрыть современную дипломатію, какъ выражался гр. Нессельродъ еще въ 20-хъ годахъ—«новою славою» — согласно съ желаніями лучшихъ писателей нашего времени и воззрѣніями самихъ государствъ, высказанными ими въ эпоху парижскаго конгресса.

Въ средѣ Института разбираемый нами вопросъ, какъ и слѣдовало ожидать, поднялъ много споровъ и разногласій. Вотъ рѣшенія, принятыя Институтомъ въ Гагѣ: *)

I. Принципъ неприкосновенности частной собственности непріятеля подъ нейтральнымъ флагомъ долженъ считаться отнынѣ вошедшимъ въ область положительнаго международнаго права.

II. Желательно, чтобы принципъ неприкосновенности частной собственности непріятеля подъ непріятельскимъ же флагомъ получилъ всеобщее признаніе въ слѣдующемъ опредѣленіи, взятомъ изъ декларацій Пруссіи, Австріи и Италіи въ 1866 г. и съ оговоркою, обозначенною далѣе подъ III: **)

«Торговые корабли съ ихъ грузомъ могутъ подлежать захвату лишь въ томъ случаѣ, если они перевозятъ контрабанду или если пытаются нарушить дѣйствительную и объявленную блокаду.»

III. Съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣляется, что, согласно съ общими принципами, которые должны управлять войною какъ на сушѣ такъ и на морѣ, предъидущее правило не прилагается къ такимъ торговымъ кораблямъ, которые прямо или косвенно принимаютъ участіе или предназначаются къ принятію участія въ враждебныхъ дѣйствіяхъ.

Впрочемъ этимъ пятая коммиссія не окончила своихъ занятій. По предложенію Блюнчли, Институтъ поручилъ Лавеле, котораго полномочія продолжены, спеціально разработать слѣдующій вопросъ:

«Въ виду характера морской войны какія могутъ быть сдѣланы ограниченія принципа неприкосновенности частной собственности непріятеля, сообразно съ тѣмъ, что въ этомъ от-

---

*) *Revue*; 1875, стр. 288.

**) II. и III-е рѣшенія Института взяты изъ доклада Лавеле.

ношеніи дѣлается въ сухопутной войнѣ, касательно желѣзныхъ дорогъ и другихъ способовъ военнаго транспорта?»

Заключенія Института вызвали оппозицію со стороны англійскихъ публицистовъ: Бернарда, Твисса, Лоримера и Вестлека. *) Они единогласно высказались противъ принципа свободы частной собственности на морѣ, хотя и расходятся между собою въ мотивахъ и способѣ изложенія дѣла. Кромѣ того послѣдніе оба писателя подробнѣе высказались въ своихъ замѣчаніяхъ на статью Геснера: О реформѣ военно-морскаго права, напечатанную также на страницахъ Revue. **)

Мы приведемъ въ возможно краткомъ видѣ эти возраженія, потому что они знакомятъ насъ съ пріемами новѣйшихъ противниковъ свободы частной собственности.

Бернардъ и Твиссъ выражаютъ свои мнѣнія кратко, но дѣльно. Лоримеръ по обыкновенію остроуменъ и парадоксаленъ. Говоря объ Англіи онъ дѣлается даже высокомѣренъ и тонъ его переходитъ въ угрозу ея врагамъ. Вестлекъ болѣе сдержанъ и не менѣе интересенъ Лоримера. Во всякомъ случаѣ мысли двухъ послѣднихъ публицистовъ заслуживаютъ серьезнаго вниманія. На нихъ высказалъ нѣкоторыя замѣчанія и Роленъ-Жекменъ. ***)

Мнѣніе Бернарда. Вопросъ, представленный на разсмотрѣніе пятой коммиссіи, относится къ политикѣ и юристы не компетентны въ его рѣшеніи. Кромѣ того онъ имѣетъ огромную важность для морскихъ войнъ. Эти войны можно вести только двумя способами: или дѣлая десантъ на непріятельскій берегъ, или преслѣдуя флотъ противника на всемъ океанѣ и запрещая ему морскую торговлю.

Право призовъ съ блокадой или безъ нея ведетъ именно къ послѣднему результату. Захватъ на морѣ частной собственности есть военная операція, ничего не имѣющая общаго съ грабежемъ и тягости которой падаютъ на все населеніе страны. Отказываясь отъ этого средства войны, морская держава лишаетъ себя единственнаго способа защитить и отстоять свои права часто противъ сильныхъ враговъ.

---

*) Revue 1875 г. стр. 675—681.

**) Ib. стр. 236 и 256.

***) Также по поводу статьи Геснера.

Даже брюссельскій проектъ дозволяетъ непріятелю захватывать имущество мирныхъ жителей и земледѣльцевъ для веденія войны противъ ихъ отечества, съ тѣмъ, чтобъ онъ выдавалъ имъ квитанціи, но которыя не имѣютъ практическаго значенія. Въ послѣднія войны эти принудительные поборы были крайне разорительны; но, говорятъ, они необходимы. Почему? Потому что иначе нельзя вести войны. Вотъ причина вполнѣ оправдывающая и морскіе призы. Нельзя совѣтовать государствамъ подобное разоруженіе на морѣ, особенно въ наше время общихъ вооруженій на континентѣ.

Мнѣніе Твисса. Въ силу современнаго международнаго права каждое государство можетъ считать корабль, идущій подъ непріятельскимъ флагомъ, какъ бы продолженіемъ непріятельской территоріи (extension du territoire ennemi).

Транспортныя суда оказываютъ большую пользу въ морской войнѣ; поэтому необходимо захватывать всѣ корабли врага, для того, чтобы онъ не воспользовался ими какъ транспортными.

Хотя бы непріятельскій корабль и не перевозилъ контрабанды, онъ тѣмъ не менѣе является орудіемъ войны (instrument de guerre) весьма важнымъ для перевозки солдатъ и военныхъ запасовъ.

Мнѣніе Лоримера. Захватъ частной собственности на морѣ представляется ему прежде всего, какъ мы знаемъ, наиболѣе гуманнымъ изъ средствъ войны. Но, критикуя статью Геснера, онъ полнѣе и обстоятельнѣе развиваетъ свою теорію. Онъ начинаетъ съ того, что энергично осуждаетъ воззрѣніе континентальныхъ писателей, называющихъ этотъ захватъ грабежемъ (vol) или привилегированнымъ пиратствомъ (piraterie privilégiée). По его мнѣнію онъ представляетъ аналогію съ экспропріаціею частнаго имущества въ силу парламентскаго акта для какой-либо общественной пользы (какъ-то для проведенія желѣзной дороги, сооруженія дока и т. п.) Объявленіе войны есть актъ исполнительной власти, замѣняющій въ конституціонныхъ странахъ актъ парламента. Въ странахъ безъ представительнаго правленія на мѣсто такого акта является указъ верховной власти. Какъ бы то ни было, но правильно сдѣланное объявленіе войны экспропріируетъ торговые корабли въ томъ смыслѣ, что подвергаетъ ихъ захвату непрія-

теля. Это является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ той связи, которая всегда существуетъ между гражданами и ихъ отечествомъ. Другими словами это такая же тяжесть, какъ всякая другая (подати въ пользу бѣдныхъ, налогъ на доходъ и проч.), необходимо поражающая всякую частную собственность вообще. Далѣе онъ пытается вывести обязанность государствъ вознаграждать своихъ подданныхъ, потерявшихъ на морѣ свое имущество. Воюющій, говоритъ онъ, конфискуя корабль, выдаетъ объ этомъ шкиперу квитанцію. Изъ этого возникаетъ государственный долгъ. При заключеніи мира всѣ лица, потерпѣвшія отъ конфискаціи, должны быть вознаграждены или своимъ отечествомъ, если оно побѣждено, или непріятельскимъ государствомъ, если это послѣднее разбито. Но государства обязаны давать такое вознагражденіе, если купеческія суда будутъ плавать только по напередъ опредѣленнымъ линіямъ, оберегаемымъ военными кораблями.

Такимъ образомъ убытки отъ конфискаціи не падаютъ на собственника захваченнаго имущества, на того кто застраховалъ это имущество и даже не на потребителей. Убытки эти распредѣляются на всѣхъ гражданъ. Они являются мѣрою принужденія, направленною не противъ отдѣльныхъ лицъ, а противъ цѣлаго государства. Великая цѣль тѣхъ, говоритъ Лоримеръ, которые, видя въ войнѣ лишь борьбу между государствами, желаютъ щадить карманы гражданъ, а не ихъ жизнь, будетъ совершенно достигнута. Конфискація получитъ свой настоящій характеръ принужденной экспропріаціи въ видахъ военной пользы, т. е. скорѣйшаго окончанія самой войны.

Въ заключеніе онъ указываетъ на нѣкоторые новѣйшіе примѣры изъ континентальныхъ войнъ, гдѣ правительства согласились выдать своимъ гражданамъ извѣстныя вознагражденія за убытки, понесенные ими отъ войны (пруссаки въ 1866 г. вознаградили саксонцевъ послѣ занятія Дрездена; Франція издала 6 сент. 1871 г. законъ о вознагражденіи своихъ пострадавшихъ гражданъ отъ нѣмецкаго нашествія и т. д.)

Оригинальная и остроумная аргументація, но практически не выдерживающая критики! Роленъ и Лавеле справедливо называютъ эти мысли шотландскаго профессора прекраснымъ желаніемъ (desideratum). Едва ли возможно, говоритъ первый,

возвести въ общій принципъ международнаго права обязанность побѣжденнаго государства вознаграждать своихъ гражданъ по роспискамъ, выданнымъ имъ офицерами или чиновниками непріятельскаго побѣдоноснаго войска. Сколько трудностей вызываетъ эта система на практикѣ: государства очевидно могутъ вознаграждать своихъ подданныхъ только по мѣрѣ средствъ и на сколько обстоятельства дозволятъ имъ это. Кромѣ того, какъ пишетъ одинъ знакомый изъ Лондона Геснеру, многіе спекулянты, болѣе любостяжательные чѣмъ патріоты, будутъ расчитывать при такихъ условіяхъ на захватъ ихъ собственности непріятелемъ. А какъ государству опредѣлить вѣрно цѣнность расхищеннаго имущества и предохранить себя отъ чрезмѣрныхъ и неосновательныхъ требованій будто-бы потерпѣвшихъ торгашей? Мы знаемъ, заключаетъ Роленъ, что и на сушѣ также трудно установить вознагражденія за реквизиціи и контрибуціи. Но во 1-хъ брюссельскій проектъ, дѣлая для воюющаго выдачу за нихъ квитанцій обязательною, не создаетъ абсолютной обязанности для государствъ платить по этимъ роспискамъ: побѣдитель выговариваетъ свое право, основанное на нихъ въ мирномъ трактатѣ, а побѣжденное государство удовлетворяетъ своихъ гражданъ по мѣрѣ силъ и путемъ внутреннихъ законовъ и мѣропріятій. Во 2-хъ на сушѣ реквизиціи вытекаютъ изъ необходимости и признаются исключеніемъ изъ общаго принципа неприкосновенности частной собственности. Поэтому онѣ ограничиваются извѣстными предѣлами и предметами. Напротивъ на морѣ такихъ ограниченій нѣтъ: берется не по мѣрѣ надобности воюющаго и все, что только можетъ быть забрано. Конфискація эта очевидно лишь питаетъ корыстолюбіе (favorise l'esprit de lucre.)

Мильніе Вестлека. Изъ всѣхъ англійскихъ публицистовъ Вестлекъ одинъ прямо сознается въ томъ, что захватъ частной собственности на морѣ въ наше время не причиняетъ непріятелю убытки столь значительные, чтобы они могли побудить его къ уступчивости и тѣмъ содѣйствовать сокращенію войны. Военная необходимость, требующая подобнаго захвата, значительно уменьшится тогда, когда воюющіе согласятся не блокировать торговые порты. Одна крайняя необходимость—опасность иностраннаго десанта—можетъ тогда оправ-

дать еще этотъ захватъ. Но пока существуютъ морскія войны, нельзя не брать кораблей и матросовъ непріятеля. Они всегда и легко могутъ быть приспособлены къ цѣлямъ войны. Въ самомъ дѣлѣ каждый матросъ, безъ всякаго предварительнаго обученія, можетъ быть призванъ къ управленію военнымъ или транспортнымъ кораблемъ. Во многихъ странахъ матросы обязаны нести нѣкоторое время эту службу и есть основаніе предполагать, что и безъ этого, въ случаѣ опасности, ихъ привлекутъ къ такой службѣ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о торговыхъ судахъ: ихъ весьма легко безъ особыхъ приспособленій обратить въ транспортные при помощи паровыхъ машинъ и реморкеровъ *).

Это мнѣніе, говоритъ Роленъ, даетъ новую постановку всему вопросу, значительно его упрощая: оно сводится къ тому, что можно ли на морѣ, въ отличіе отъ сухопутной войны, брать въ плѣнъ мирныхъ некомбатантовъ и, удерживая ихъ, нельзя ли выдавать корабли съ ихъ грузомъ или же ихъ стоимость? Вопросъ дѣйствительно довольно новый и пока мало разъясненный. **)

Мы привели мнѣнія обоихъ противоположныхъ лагерей. Интересно какъ Институтъ разрѣшитъ ихъ противорѣчія въ своихъ окончательныхъ выводахъ. Во всякомъ случаѣ, намъ кажется, добыты уже теперь два результата: 1) признано, что не существуетъ *юридическаго основанія* конфисковать на морѣ имущество частныхъ лицъ, не везущихъ контрабанды и не нарушающихъ блокады и 2) указаны границы такой конфискаціи, если уже допускать ее, какъ *мѣру военную* (мнѣніе Вестлека).

6.

Послѣдняя изъ учрежденныхъ, по иниціативѣ Фильда, въ Женевѣ коммиссій изучаетъ вопросъ: *о приложимости евро-*

*) На эти мысли мы встрѣчаемъ уже отвѣтъ у Каченовскаго: трудно допустить, замѣчаетъ онъ, чтобы матросы со всѣхъ купеческихъ судовъ были одинаково способны къ военной службѣ. Есть отрасли навигаціи и торговли исключительно мирнаго характера. Въ примѣръ можно привести рыбный промыслъ. Неприкосновенность рыбачьихъ лодокъ была признана во время самыхъ ожесточенныхъ войнъ. (О каперахъ, стр. 172.).

**) Онъ болѣе подробно развитъ у Ортолана и разобранъ Каченовскимъ. (Тамъ же стр. 167).

нейскаго международнаго права къ народамъ Востока. Онъ имѣетъ громадное практическое значеніе особенно въ наше время и съ тѣхъ поръ, какъ Турція на парижскомъ конгрессѣ принята въ семью европейскихъ народовъ, а Китай и Японія съ каждымъ годомъ умножаютъ свои сношенія съ Европой и Америкой. Между тѣмъ научно этотъ вопросъ почти совершенно еще не тронутъ.

Членами *шестой коммиссіи* выбраны гг. Ассеръ, Фильдъ, Гольцендорфъ, Лоримеръ, Мартенсъ, Ривье и Твиссъ. Послѣдній назначенъ и докладчикомъ.

До сихъ поръ эта коммиссія почти ничего не сообщила публикѣ о ходѣ своихъ занятій.

Въ Гагѣ было рѣшено составить программу по нѣкоторымъ вопросамъ, входящимъ въ область ея изслѣдованій *), и кромѣ того Фильдъ представилъ съѣзду небольшую записку «о возможности прилагать европейское международное право къ восточнымъ народамъ.» *) Эта записка сообщаетъ мало фактическихъ данныхъ и даже содержитъ нѣкоторыя противорѣчія въ теоретическомъ отношеніи.

Въ началѣ своей записки авторъ ставитъ на видъ, что международное право возникло въ Европѣ и существуетъ только между народами этой части свѣта и Америки. Причина такого явленія понятна. Всѣ народы, жившіе и живущіе внѣ Христіанства, отличаются духомъ разобщенія. Они враждебно относятся другъ къ другу и принципъ ихъ внутренней и внѣшней жизни—замкнутость и изолированность. Напротивъ Христіанство принесло въ міръ духъ братства и любви. По этому оно внутренно сродственно съ международнымъ правомъ, которое стремится установить между всѣми народами общеніе и свободу.

Но немного далѣе Фильдъ говоритъ, что «различіе въ цивилизаціи не должно препятствовать приложенію международнаго права къ Китаю. Что же касается до господства Христіанства, то и этотъ мотивъ не можетъ служить условіемъ для принятія того или другаго народа въ международный союзъ (concert fraternel des peuples).» Различія въ міровоззрѣніяхъ

*) Revue; 1875 г., стр. 657.
**) Ib. 659—668.

христіанскихъ и нехристіанскихъ народовъ вытекаютъ, по его мнѣнію, не изъ религіи, а изъ различныхъ законовъ и общественныхъ правовъ, сложившихся подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ причинъ.

Намъ кажется, что религія и особенно христіанская оказала одно изъ могущественнѣйшихъ вліяній на это «разнообразіе законовъ и обычаевъ,» о которомъ говоритъ Фильдъ и что этотъ выводъ трудно вяжется съ его же выше приведеннымъ мнѣніемъ о духѣ христіанства, возлагающемъ особую печать на народы, которые его приняли.

Мы согласны, что международное право призвано обнять весь міръ. Независимо отъ политическихъ и религіозныхъ разногласій и различій, оно по идеѣ связываетъ юридическими узами всѣ народы, какъ живыя части одного высшаго цѣлаго—человѣчества. *)

Но это его — идеальная и конечная цѣль. Въ дѣйствительности оно можетъ существовать только у народовъ, которые въ своей внутренней жизни доросли до сознанія *общечеловѣческихъ основъ права* и рѣшились прилагать ихъ какъ къ себѣ, такъ и къ другимъ народамъ.

Фильдъ полагаетъ, что вся сфера публичнаго международнаго права и даже главные принципы частнаго должны быть одинаково примѣняемы какъ къ западнымъ, такъ и къ восточнымъ народамъ**) и единственное исключеніе онъ находитъ нужнымъ установить по отношенію къ правосудію восточныхъ государствъ надъ путешественниками и купцами запада (т. е. Европы и Америки). Здѣсь онъ думаетъ, что пока не установилось еще большаго равенства въ юридическихъ понятіяхъ и обычаяхъ между христіанскими и не христіанскими народами, необходимо устроить на Востокѣ *смѣшанные суды* изъ туземныхъ судей и иностранныхъ консуловъ по всѣмъ спорамъ и тяжбамъ, гдѣ будутъ одною изъ заинтересованныхъ сторонъ европейцы или американцы.

Судоустройство и судопроизводство у восточныхъ народовъ,

---

*) Ср. *Блюнчли* Соврем. межд. пр. въ русск. пер., стр. 68 и 69.

**) Народы не христіанскіе, говоритъ онъ, должны быть допущены къ пользованію всѣми правами и выполненію всѣхъ обязанностей, установляемыхъ международнымъ правомъ.

какъ вѣрно замѣчаетъ Фильдъ, до сихъ поръ еще находятся въ столь грубомъ и варварскомъ положеніи, что конечно ни одно цивилизованное государство не согласится подчинить имъ своихъ гражданъ. На востокѣ не извѣстны правильныя понятія о правосудіи: обвиняемые ставятся на одну ногу съ осужденными; защитники и другіе способы охраны тѣхъ, кто попался подъ судъ, не существуютъ. Приговоры судей большею частію основываются на ихъ личномъ произволѣ. Пытка и самыя свирѣпыя наказанія (даже распятіе) еще повсемѣстны въ большомъ ходу.

Вотъ впечатлѣнія Фильда, вынесенныя имъ изъ послѣдняго кругосвѣтнаго путешествія. Но, при такомъ полномъ отсутствіи права въ внутренней жизни азіатскихъ государствъ, можно ли серьезно говорить о существованіи для нихъ права международнаго?

У насъ на глазахъ примѣры самые убѣдительные: Турція признана членомъ европейской семьи; она подписала парижскій трактатъ 56 г., женевскую конвенцію 64 г. и др. договоры въ этомъ родѣ. И чтоже? Всѣ на бумагѣ дѣлаемыя ею обѣщанія не измѣняютъ ея основной характеръ хищнической орды. Своихъ же гражданъ, только потому что они христіане, она душитъ и рѣжетъ безъ милосердія. Говорить тутъ о правѣ не значитъ ли осквернять это высокое и священное слово?

Въ виду этихъ соображеній мы полагаемъ, что и *публичное международное право пока можетъ быть прилагаемо къ восточнымъ народамъ въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ;* именно на столько, на сколько они во 1-хъ *сами соблюдаютъ*, по отношенію къ христіанскимъ народамъ, начало взаимности и во 2-хъ, а это самое главное,—*сами же воспринимаютъ* великіе обще-человѣческіе *принципы международнаго права въ свою внутреннюю жизнь*, т. е. приводятъ съ ними въ согласіе собственные свои законы.

Безъ этихъ же элементарныхъ условій восточные народы будутъ соблюдать международное право лишь на бумагѣ и съ ними можно поддерживать различныя сношенія, основанныя на какихъ угодно соображеніяхъ, но не на принципахъ международнаго права.

Этимъ мы оканчиваемъ нашъ обзоръ работъ Института

Изъ шести коммиссій, какъ мы видѣли, три совершенно окончили свои занятія въ Гагѣ; (1-я, 2-я и 4-я); изъ нихъ послѣдняя можетъ опять возобновиться, если того потребуютъ обстоятельства. Остальныя три (3-я, 5-я и 6-я) продолжаютъ существовать до сихъ поръ. Кромѣ того въ Гагѣ, по предложенію Вестлека, образована еще *седьмая коммиссія: объ устройствѣ международнаго призоваго суда.* Въ ея составъ вошли: гг. Ассеръ, Бернардъ, Бульмеринкъ, Есперсонъ, Фильдъ, Массе, Марквардсенъ и Вестлекъ (послѣдній въ качествѣ докладчика).

Четвертый съѣздъ Института, на 1876 годъ, былъ опредѣленъ въ Цюрихѣ около половины сентября. Но въ августѣ этого года его отложили, отчасти въ виду нѣкоторыхъ неоконченныхъ рабохъ отдѣльныхъ коммиссій, отчасти по причинѣ совершающихся нынѣ событій на Востокѣ, такъ всецѣло поглощающихъ общественное вниманіе Европы. *)

IV.

Заключеніе.

Полагаемъ, что и этого небольшаго очерка достаточно для того, чтобы познакомить нашихъ соотечественниковъ съ дѣятельностью Института столь многостороннею и серьезною. Существуя только три года, онъ сразу съумѣлъ стать на высоту одного изъ лучшихъ научныхъ учрежденій Европы. Служа идеѣ права въ ея высшемъ и благороднѣйшемъ проявленіи, Институтъ чуждъ тѣхъ національныхъ и религіозныхъ предъубѣжденій и разногласій, которыя такъ глубоко волнуютъ современное намъ общество. Вѣрный своему девизу, онъ стремится путемъ науки и права, къ сближенію людей Поэтому ему неизвѣстны партіи въ общемъ смыслѣ этого слова, но онъ относится съ большимъ уваженіемъ къ каждому индивидуальному мнѣнію, заявляемому во имя истины. Свои научныя работы онъ посвящаетъ главнымъ образомъ вопросамъ практическимъ, т. е. такимъ, которые, имѣя прямое и живое значеніе для нашего времени, недостаточно разработаны еще

*) Циркулярная нота Института къ его членамъ отъ 15 авг. (Revue; 1876 г., стр. 399.)

наукою и требуютъ распространенія въ народныхъ массахъ Самый характеръ его работъ, по вѣрному замѣчанію В. П. Безобразова, [1]) представляетъ весьма удачное соединеніе личнаго и коллективнаго труда въ наукѣ.

Исчисленные нами труды Института имѣютъ безспорно большое научное значеніе и остается только пожелать, чтобъ они благотворно подѣйствовали въ ближайшемъ будущемъ и на практику международныхъ сношеній. Столь значительные успѣхи въ такой краткій промежутокъ времени конечно объясняются между прочимъ отличнымъ составомъ бюро Института, душой котораго является г. Роленъ-Жекменъ, съ такою любовію и рвеніемъ трудящійся на поприщѣ международнаго права. Но и всѣ остальные члены видимо проникнуты желаніемъ работать на благо дорогой для нихъ науки. Оттого съ малыми матерьяльными силами они достигаютъ многаго. Утѣшительное явленіе въ нашъ промышленный вѣкъ, служащее въ тоже время самымъ наглядымъ опроверженіемъ мнѣній всѣхъ тѣхъ, кто продолжаетъ толковать *о несуществованіи международнаго права*. Нѣтъ, оно живо и жизненно, если способно вызывать и одушевлять такія высоко-научныя учрежденія какъ Институтъ международнаго права.

---

[1]) См. его интересную, только-что напечатанную статью: „Институтъ международнаго права съ 1873 г. по 1876 годъ," въ Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. Октябрь. Это его второй отчетъ объ Институтѣ, представленный нашей Академіи Наукъ (25 мая 1876 г.)

Дозволено цензурою. Москва, 16 Марта и 6 Апрѣля 1877 года.

Въ Типографіи Индриха, Москва, Сретенка, д. Карлони.

20 ДЕК 194

2007059658